

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РУССКОЕ №4(8) ПОЛЕ

2012
ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
КОНГРЕССА РУССКИХ ОБЩИН РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

СОДЕРЖАНИЕ

Пушкинская горка

Светлана Деревщикова.

Двери «Русского дома» всегда открыты для друзей 3

В Россию?
В Россию!

Липецкая область 17

ИНФО - поле
АРП РМ

Дни русской литературы и духовности в Молдове
(фоторепортаж) 29

Зёрна и плевелы

Александра Юнко. Путешествие в разные
стороны..... 32

Casa mare

Анатолий Аврутин.
«...с заглавной "Родина" пишу» 36

Способ жизни.
Интервью с **Захаром Прилепиным** 43

Поле
притяжения

Юрий Хоровский.
Судьба барабанщицы 47
Лит-ра и физ-ра 60

Узбекистан.	
Поэзия. Проза.....	75

Олеся Рудягина.	
«Нас охватила цепью связь времён»	115
Вкус молдавского месяца Тани Орловой	117

Александра Юнко «Мой мир легко открыть	
простым ключом-скрипичным».....	119

Анатолий Лабунский.	
Жив Петрушка	124

С Новым Годом!	
Карикатуры Сергея Сулина	158

Учредитель и главный редактор – *Олеся Рудягина*

Редколлегия: *Валентина Костишар, Олег Краснов, Виктория Алесенкова, Сергей Пагын, Татьяна Орлова, Виктория Чембарцева, Михаил Поторак*

Корректор – *Антонина Иванова*

Художник – *Сергей Сулин*

Вёрстка – *Людмила Ильина*

Фотографии – *Александр Вискалов, Леонид Школьный, Тамара Артемьева, Сергей Сулин*

E-mail: russkoepole-md@mail.ru

ISSN 1857-1301

Отпечатано в типографии SRL "Metrompaş"

г. Кишинёв, ул. Фердеулуй, 4

Перепечатка материалов только с разрешения редакции «Русского поля»

ДВЕРИ «РУССКОГО ДОМА» ВСЕГДА ОТКРЫТЫ ДЛЯ ДРУЗЕЙ

Еще до официального открытия нового здания Российского центра науки и культуры, адрес ул. В. Александри 141/1 стал хорошо известен друзьям и партнерам РЦНК. А сейчас, через полгода, калитка у входа в здание практически не закрывается с раннего утра до позднего вечера. Потому что сюда приходит очень много людей, самых разных.

Но – обо всем по порядку.

Во дворе РЦНК стоит микробус, уже известный в городах и селах республики как «Светлый автобус».

Он называется «светлым» не только из-за своего цвета, но, главным образом, благодаря своей светлой просветительской миссии. Это – такой мини «Русский дом» на колесах. Он приезжает в самые отдаленные уголки Молдовы, в школы, лицеи и детские сады и привозит книги, газеты, журналы, фильмы, передвижные выставки, а то и более весомые подарки: компьютеры, интерактивные доски, музыкальные центры. Еще он привозит на встречи с жителями городов и сел особые «экипажи». Это могут быть сотрудники Дома-музея А. С. Пушкина, выступающие перед старшеклассниками с лекцией о творчестве поэта. Это могут быть юные артисты театра «С улицы Роз», чья литературно-музыкальная композиция о героях 1812 года пользуется у сверстников неизменным успехом. Это – профессора российских вузов, которые на месте проводят семинары для учителей Молдовы. Участники международной акции «Вахта памяти». Певцы. Поэты. Кинематографисты. Да всего и не перечислить! Популярность «Светлого автобуса» столь велика, а приглашений так много, что маршруты его поездок расписаны на несколько месяцев вперед. Так что увидеть стоящим во дворе «Светлый автобус» можно не часто. Он все больше в разъездах.

А теперь войдем в само здание.

Одно из самых посещаемых мест – библиотека центра. Мало где еще в Молдове можно найти такое обилие новейшей литературы лучших российских изданий.

Библиотека РЦНК насчитывает более 5000 томов. Широко представлены русская и зарубежная классика, книги по истории и культуре России, православная литература, учебники русского языка и литературы. В распоряжении читателей альбомы с репродукциями картин русских художников, книги о русском театре, музыке, религии, архитектуре и кино, а также российские и молдавские периодические издания. Справочно-информационный фонд располагает энциклопедиями и справочниками различной тематики. Юбиляры оставляют в библиотеке свои книги с авторскими надписями. Об издательских новинках можно узнать, познакомившись с книжными выставками, которые постоянно обновляются. Вся

информация о новых поступлениях представлена на сайте РЦНК – mda.rs.gov.ru. Кроме литературы в библиотеке хранится более 500 экземпляров аудиопродукции – обучающие, художественные и мультипликационные фильмы. Здесь проходят открытые уроки для школьников и увлекательные занятия для малышей, которые на высоком профессиональном уровне (а главное, с искренним удовольствием) проводят сотрудники библиотеки Алла Мандражи и Татьяна Феоктистова.

Здесь же расположены виртуальные филиал Русского музея и Президентская библиотека им. Б. Ельцина, посетителем которых может стать любой желающий. Программы виртуального «Русского музея» позволят вам не только «пройтись» по его многочисленным залам, но и заглянуть в понравившуюся картину, рассмотреть ее мельчайшие подробности, а еще – посмотреть учебно-образовательные фильмы о художниках, их творчестве и биографии. Такие «экскурсии», проводимые куратором проекта Оксаной Костюк, особенно пришлись по душе школьникам (прежде всего – ученикам художественных школ) и студентам Академии театра, музыки и изобразительных искусств.

Не менее популярным и посещаемым стал Выставочный зал центра, расположенный на первом этаже. Как явствует из названия, предназначен он прежде всего для проведения выставок. Это очень интересные экспозиции, одна не успевает сменять другую: выставка православных икон или старинных самоваров из коллекции Петра Костина, живописные полотна или работы фотохудожников. В зале также проходят многочисленные концерты – здесь выступали и российские оперные певцы, и кишиневские барды, и детские коллективы. В его стенах проходят встречи с российскими и молдавскими деятелями искусств, лекции, заседания клубов при РЦНК, торжественные мероприятия, презентации, кинопоказы. Именно здесь недавно проходила встреча с одним из самых известных российских писателей Захаром Прилепиным, приглашенным Ассоциацией русских писателей РМ. Желающих пообщаться со «звездой» новой литературы собралось столько, что стульев не хватило, несмотря на хорошую вместимость зала.

Состоялся тут и допремьерный пресс-показ пятисерийного фильма «Мы будем вместе. Романтическая история». Этот фильм, созданный молдавскими кинематографистами Игорем Чирковым-Гибу и Игорем Мироником при поддержке РЦНК, в увлекательной форме рассказывает о наиболее ярких и значимых страницах многовековой российско-молдавской дружбы. На сегодняшний день «Романтическую историю» посмотрели сотни молдавских студентов и школьников. Особенно ценно, когда во время того или иного эпизода, повествующего о том, что Молдове и молдаванам есть чем гордиться, начинают раздаваться аплодисменты зрителей...

Если подняться на третий этаж, то вы попадете в студию. В студии проходят видеоконференции, позволяющие их участникам связываться со своими собеседниками из других стран и городов. И РЦНК предоставляет свои технические ресурсы своим друзьям и партнерам – Славянскому университету, Республиканскому совету ветеранов и другим организациям. Отсюда, из студии, можно вести онлайн-трансляции с любых мероприятий, которые проходят в РЦНК: круглые столы, конференции, заседания дискуссионных клубов (онлайн-трансляции в сети Интернет осуществляются через веб-ресурс www.rcnk.md).

Рядом – одно из самых новых и перспективных направлений деятельности РЦНК: центр коллективного доступа. Он позволяет проводить любые учеб-

ные мероприятия (лекции, уроки, курсовые занятия) в режиме видеоконференций. Дополнительно установлена система образовательной деятельности, которая представлена в виде мультимедийных интерактивных модулей (более 5000 штук) на разные темы, включая среднее и средне-специальное образование. Работа с такими модулями окажет неоценимую помощь учителям на уроках истории, литературы, русского языка и многих других дисциплин.

Здесь же, на третьем этаже, проводит свою работу Учебно-методический кабинет. Он оснащен компьютерами и интерактивной доской, которая позволяет преподавателю демонстрировать слайд-шоу и любые вспомогательные видеоматериалы. Чаще всего тут проходят открытые уроки, курсы, а также заседания Экспертно-методического совета по русскому языку, которые проводит куратор образовательных проектов РЦНК Виктор Николаевич Костецкий. Немаловажное назначение Учебно-методического кабинета – презентация аудиовизуальных материалов, поступающих из России (документальных и обучающих фильмов, слайд-шоу и других).

Конференц-зал, расположенный на четвертом этаже здания, – не просто место, где проходят многочисленные конференции, круглые столы и заседания дискуссионного клуба при РЦНК «Диалоги об актуальном». Это площадка, где вырабатываются идеи и предложения, сталкиваются различные точки зрения, озвучиваются научные, политические и культурологические концепции, происходит обмен мнениями. По словам руководителя представительства Россотрудничества в Молдавии Валентина Евгеньевича Рыбицкого, один из отличительных признаков работы РЦНК в последнее время – участие в его мероприятиях все большего количества людей самых разных сфер деятельности.

Среди наиболее запомнившихся встреч в конференц-зале РЦНК – видеотрансляция инаугурации президента России Владимира Путина с последующим обсуждением перспектив российско-молдавских отношений, в которой приняли участие политологи, общественные деятели, главы ведущих изданий; научная конференция «1812 год в судьбах России и Молдавии», объединившая научное сообщество молдавских и приднестровских вузов; собравший рекордное количество участников научно-методический семинар для преподавателей русского языка (его провел Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») и многие другие.

...С самого раннего утра до самого позднего вечера, включая праздничные и выходные дни, не смолкают звонки и голоса посетителей в «Русском доме». Именно так – «Русский дом» – называют его друзья и партнеры РЦНК. Потому что «дом» – это место, где человеку хорошо, где он чувствует себя своим, и куда хочется приходить снова и снова. Двери «Русского дома» открыты!

Светлана Деревщикова,
председатель Ассоциации русскоязычных журналистов РМ

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

27 декабря старейший русский поэт, писатель и публицист Молдовы Николай Савостин отметил свое 86-летие. Поздравляем Николая Сергеевича с Днем рождения, желаем ему здоровья, доброго настроения, благополучия и публикуем подборку стихов разных лет, предваряя ее, с разрешения автора, письмом на очень актуальную, на наш взгляд, тему.

«Олеся, дружище!

Сейчас меня занимает одна мысль: существует ли в искусстве ФОРМА? Смотрю, в живописи совершенно исчез сюжет, жанр как таковой. Уже не появляется традиционной сюжетной картины, подобной «Боярыне Морозовой» или хотя бы «Охотники на привале», не говорю уже о полотнах-эпосах, о картинах высокого философского содержания, вроде «Явления Христа народу»... Как-то ушли в былые строгие формы мировой классики. Формы, которые ограничивают мастера, дисциплинируют его. Сразу становится видно, владеет ли поэт мастерством. На эту тему можно говорить много. Я предлагаю для твоего журнала небольшие подборки моих сонетов и восьмистиший. Посмотри, может, пригодится. Хороший танцор станцует на площадке, равной письменному столу, неумехе мало и степи.

Савостин»

СТО ЛУЧШИХ ЖИЗНЕЙ ЗА МОЕЙ СПИНОЙ...

* * *

Сонет? А что – заманчивая форма,
Жилье старинное для чувства и ума,
Где в меру и уютно, и просторно,
Где пустоты не терпят закрома.

Одна беда – не годен для прокорма:
Чтоб прокормиться, надобны тома,
А тут и строчкой не зайди за норму,
Работа ж филигранна и весьма.

Не все ль равно – четырнадцатистрошь
Или словесный без границ поток?
Да разве дело только в счете строк?

И в этом тоже! Разорвал бы в клочья,
Ведь мучает меня и днем и ночью...
Ох, отпустил – последней строчкой лег.

* * *

«О Кишиневе я вздохнул...» – так брату
Признался он в письме меж прочих слов,
Совсем забыв, наверно, что когда-то
Писал: «Проклятый город Кишинев!»

Да, здесь неволя – за мечты расплата.
Достигнет ли сюда свободы зов?
А Кишинев за все его утраты
Вновь дал надежду, дал тепло и кров.

Здесь, от столицы северной далече,
Судьба такие подарила встречи
На всех ветрах бесчисленных дорог!

Каких его раздумий здесь исток?
Увозит он напев молдавской речи...
О Кишиневе не вздохнуть не мог.

* * *

Мир видеть в перекрестии прицела
Мне довелось – бесцветный, как зола.
Березка, скажем, что вдали белела,
Не больше, чем ориентир была.

Все в схему превратить война хотела,
В условный знак и действие числа.
Но красота природы без предела
Кипела, бушевала и цвела.

Все заросло, где бомбы землю грызли
На том, когда-то смертном рубеже,
А вроде ждешь, – поляна взрывом брызнет,

О минах позабывшая уже.
Вернулось в берега течение жизни,
А сердце все еще настороже.

* * *

Сто лучших жизней за моей спиной –
В труде, любви, отцовстве и гражданстве,
В раздумьях и печалях дальних странствий –
Сто жизней умещается в одной.

Но обошел одну я стороной,
А ею можно жить лишь в постоянстве:
Как проглядел то счастье, что в крестьянстве
Заложено?! Там самый дух живой!

Ведь мог в наставники взять вас, пусть и скучая,
Вавилов ли, Мичурин, Докучаев, –
Прозрев, земле отдаться навсегда.

Мог все понять бы, тот портрет встречая:
Босой старик – картуз и борода –
Ведет соху, а следом борозда...

* * *

Душа бессмертна – по ученью Будды –
И перейдет к орлу иль червяку...
Не важно то, кем после смерти буду, –
Кем оставался на своем веку.

Но страхи мне, скудельному сосуду,
Которого могли смолоть в муку,
Нередко диктовали быть верблюдом,
Быть червяком... Дух вел свою строку:

Я человек! И, страх преодолевая,
Обрел терпенье, поднимаясь ввысь.
Душа и тело навсегда слились.

Бессмертна ли душа моя, не знаю.
Ей оболочка не нужна иная,
Ее одна моя питает жизнь.

К. Ваншенкину

Приснилось, будто вышел ночью в сенцы,
А на дровах спит сын. Неловко лег,
В лохмотьях, вместо шарфа – полотенце
Затертое. Давно не мыт... «Сынок...»

Не слышит... А похож на окруженца...
И я не продохну в груди комок,
Уже проснувшись. Станные коленца
Выкидывают сны... Да как он мог

Присниться т а к, мой сын благополучный!
При чем тут сенцы? – в городе живем.
Да и чему в его судьбе созвучно

Такое? И я думаю о нем,
Толкую сон, ищу подход научный...
А сын... сын спит в неведение своем.

* * *

Оставил бурный паводок в садах
На верхних ветках мусор и солому,
Как будто своему разгулу злому
Предельный уровень отметила вода.

Так и на мне минувшая беда,
Что чуть не с детства увела из дому,
Свой уровень, Европе всей знакомый,
Врубила раной в горло навсегда.

Теперь любой о прошлом судит просто,
А в те года среди вселенских драм
Был с нас, солдат, сверх всякой нормы спрос там.

Ношу под самым подбородком шрам,
Вот до сих пор смерть подступала к нам.
А был тогда я многих выше ростом.

* * *

Земля кругла под снегом и грозой,
Под солнышком и пеленою дыма,
Объединив и копоть, и озон –
Едина, монолитна, неделима.

Восток и Запад? Тут и там дозор.
Восток и Запад связаны незримо.
Ведь паровоз, где был сожжен Лазо,
Лишь примитивный предок Освенцима.

Восток жесток? А Запад не жесток?
Удар по Хиросиме, Нагасаки
Не стоит зверской смертников атаки?

Нет, нет и нет. На Запад и Восток
Не делят землю никакие знаки.
В другом, в другом, в другом вражды исток...

* * *

Как властно нас берет в известный срок
Былое ясной и подробной явью,
И воскрешает каждый стебелек
Растаявшего в прошлом разнотравья.

Сегодняшняя память свой урок
Ведет слабей, теряя равноправье:
Вчера читал, а вспомнить пары строк
Не в силах утром, разве что заглавье.

Зачем, зачем назад обращена
Немолодая память? Что там мило?
Недоеданье, бедствия, война?..

Ах, там поныне что-то не остыло,
В сегодня пробиваясь с новой силой,
Манит и опьяняет без вина...

* * *

Трезвонь, щебечи, шелкай, каркай,
Кукуй, птичье царство, свисти:
Растенья не могут цвести
Без этой вот музыки жаркой.

Ей – радость повсюду нести,
В леса ли, под кроны ли парков.
И голос – подарок подарков –
У всех окрыленных в чести.

И небо без птиц скудновато,
И меркнет земная краса,
Когда меркнут их голоса.

Привольное пение свято,
Ведь петь может только крылатый,
Стремящийся ввысь, в небеса.

ВОСЬМИСТИШИЯ

* * *

Вдруг, бывает, боль сомнет свирепю, –
В чаше жизни вместе с медом яд.
Те, что душу вознесут на небо,
Наготове за спиной стоят.

Будет день, и я землею стану,
Груз все тяжелей день ото дня.
Вверх и вниз земля и небо тянут.
Разорвать готовые меня.

* * *

Какое красивое дерево
Застыло в немой голизне...
Не все еще, братцы, потеряно, —
Опять повернуло к весне.
Я чувствую сердцем и кожей
Пронзительный хмель ветерка...
А дерево очень пригожее,
Хотя схематично пока.

* * *

Грядущее, что без конца и края,
Грозить не может бедственным концом:
Ребенок завтрашний, себя же затевая,
В любви сегодня сводит мать с отцом.

Там, в будущем, все лучшие начала,
Мы ощущаем это неспроста.
И нет оттуда никаких сигналов,
Что там не жизнь, а тлен и пустота.

* * *

Сбор винограда — не забава,
Когда он уродил на славу:
Пустеют села,
И страда
Зовет на помощь города.

Зеленого прибоя волны —
До окоема от села,
И день плывет корзиной полной
Под солнцем, стойким, как пчела.

Простая истина

Нужно было сперва, чтобы солнце зажглось,
Чтоб земля появилась и долго бы зрела,
Чтобы так все однажды удачно сошлось, —
Тут свой маятник жизнь и качнула несмело.

Как же долго природа плутала во мгле,
Как же были громоздки периоды эти.
А все это затем, чтоб на грешной земле
Так обычно и просто рождались бы дети.

* * *

Люблю село, леса, озера, доли;
Брожу
и езжу на велосипеде я,
Сторонник, так сказать, «Озерной школы»...
Что это значит – есть в энциклопедии.

Былое занимает все сильнее
Меня, грядущих новостей приверженца.
Живу, тружусь, не думать не умея
О том... О том, что в книгах не содержится.

* * *

Зимний дождик...
И ветки во льду, –
Повисают сосульки на кончиках.
Утром ветер разносит в саду
Тонкий звон колокольчиков.

Снег пошел, меж ветвей мельтеша,
Вьется, кружит... Ах, сколько наверчено.
И деревьев живая душа
Затихает доверчиво.

* * *

От шампанского – подагра,
От конфет страдают зубы.
И зовет больного Гагра,
Кисловодск или Цхалтубо.

Мы такие беды сдюжим,
Сладость нам грозит едва ли.
Правым ухом слышим хуже:
Много в юности стреляли.

* * *

Наемные стрелки и генералы
За деньги не одну вели войну.
Ученые и те внаем, бывало,
Ходили на чужую сторону.

И зодчих привозили из-за моря,
Чтоб возводить на славу города.
Но выразителей своей любви и горя
Народ не нанимает никогда.

* * *

Посреди высотного Нью-Йорка
Глянул вверх...
Там, куполом светясь,
Словно с деревенского пригорка,
Церковка на крышу вознеслась.

Светлая, как юная невеста, –
Выше толп и всяких торгашей.
На земле ей не хватило места –
Тесно в толчее живой душе.

* * *

Ну что там? – на закате выются птицы.
Кружат, в отлет готовятся грачи.
Тогда-то вдруг под левую ключицу
Ужалило, да так, что хоть кричи.

За эту боль увидел я тогда-то
Таким живым, объемным, без границ
Желанный мир...
По зареву заката
Кружит, пронзая пламя, стая птиц.

* * *

Маленькие люди? Это которые
Получают поменьше зарплату?
Это те, что наполняют конторы,
Водят машины, пекут хлеб ноздреватый?

Как и гиганты, они разнолики,
У них жизнелюбия не убывает.
Маленькие люди – это те великие,
У которых завистников не бывает.

* * *

Не за столом пиита
В прилежности стараний –
Поэзия намыта
На приисках страданий.
Песчинка по песчинке
Сложился мир единый
В извечном поединке
Души и мертвечины.

* * *

Могучие вздохи прибоя,
Стеклянные звоны цикад.
Душа содрогнется от боли
Внезапно и невпопад.

Ведь все хорошо.
Но тоскою
Сожмется опять и опять:
Ей ведомо что-то такое,
Что разум не в силах понять.

* * *

Мой шестилетний лицей,
Что я проходил солдатом,
Оставил на свежем лице
Первых морщин отпечаток.

Отметил все то, что потом
Медленно мало-помалу
Время живым пером
Старательно прорисовало.

* * *

Звезда упала в синие снега,
Но наверху еще осталось много.
Черны леса. Молчат в снегах стога.
Чернеет одинокая дорога.

Звезда упала... Где-то города
Своих огней сиянием покрыты.
И только в поле видно, как звезда
Скатилась одинокая с орбиты.

* * *

Уже крошатся зубья шестеренок,
Ведущих жизнь мою за кругом круг,
А мне об этом думать недосуг,
Я завтра жду с надеждой, как ребенок.

Уже натерты плечи коромыслом
Добра и зла. А все не поумнел,
Все по старинке безрассудно смел,
И все ищу, как прежде, в жизни смысла.

* * *

Пропитана пылью угрюмая сопка.
Нора у подножья дряхлеющих скал.
Дощатая серая будка-коробка.
Колеса. Канаты. Короткий отвал.

Корявые строчки травы на граните.
Но вот вагонетки из штольни бегут,
Написано мелом: «Альбина + Витя».
И как-то уютней становится тут.

* * *

Сколько встретил дорог и тропинок в тайге я!
А ведь кто-то там первым оставил свой след.
Кто-то первым прошел эту глушь, не робея,
И за это кукушками только воспет.

Как повсюду, законы таежные строги,
Как и в жизни, здесь правильный путь не любой.
Здесь ходи, не ходи, – не родиться дороге,
Коль никто по следам не пойдет за тобой.

* * *

Чай не пьют, как в старину, – из блюдца,
По-иному ладится уют.
Наши песни нынче не поются,
Да и вовсе нынче не поют.

Отмирают чувства? Эка новость!
Напугал... Другое сердце рвет:
Улетела птицей в небо совесть,
Кто и как ее назад вернет?

* * *

Бедняга все страдал о барахле,
Одетый, – все искал еще причуды,
Ему казался пресным пышный хлеб,
Безвкусными все редкостные блюда.

Все отобрав, нагрязнула беда,
И к счастью причастила хоть немножко:
Теперь он понял, как вкусна вода,
Обычный хлеб, вареная картошка.

* * *

Разве вспомнишь все муки, что вынес, —
Тают в дымке пожарищ давнишних.
Только то, что оттуда ты вынес,
Помнить все же, пожалуй, нелишне...

И с годами все чаще и чаще я
Обращаю в былое, чадающее,
Свои думы...
Там жизнь полыхает:
Вместе с дымом надежды вдыхаю...

* * *

Я много не просил у Бога,
Ну, в холода — тепла немного.
Когда в бесхлебье выло брюхо,
Желал хоть черствую краюху.
И все...
Не жду я и поныне
Даров особых, — не в гордыне,
А в полноте существования,
Когда не надо подаянья...

* * *

Куда стремишься, человече?..
Все получить, все увидеть.
Ну а в последний час на плечи
С собой возьмешь какую кладь?

Быть может, скажешь ты в обиде,
Мол, в те края багаж мой мал?
Нет, унесу все, что увидел,
Почувствовал, прочел, узнал.

* * *

Слабеют в груди удары.
Дело катится к ночи.
Жизни бесценный огарок
Короче, короче, короче.

Ну что же, и мне это впору,
Ведь я на земле не прохожий,
И все, что доступно взору,
Дороже, дороже, дороже...

ЛИПЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ

Из истории края

Липецкая область была образована 6 января 1954 г. из окраинных районов Рязанской, Воронежской, Курской и Орловской областей. Это исконно русские земли, обжитые многие столетия назад.

В XIII в. с началом ордынского нашествия они представляли собой «Дикое поле» – города были разрушены, а население, спасшееся от уничтожения и рабства, ушло в северные и западные районы Руси.

В XVI–XVII вв. шло быстрое возрождение края. Были отстроены города-крепости Елец (1146), Данков (1563), Талицкий острог, Лебедянь (1613), Раненбург (1638). С 1635 г. началось сооружение мощной по тому времени линии укреплений – Белгородской засечной черты, на которой в пределах современной Липецкой области были также сооружены небольшие крепости – Добрый (1615, сегодня – с. Доброе), Сокольск (северный район современного Липецка) и Усмань.

Мощный толчок к развитию земледелия и ремесел дали реформы Петра I. Создание регулярной армии и строительство русского военно-морского флота повысили потребность во льне, конопле, шерсти. Крупные помещики-землевладельцы вводят специализацию хозяйств на посевах технических культур и товарном животноводстве. Земли, которые входят сегодня в Липецкую область, стали житницей государства Российского. Одновременно началось строительство крупных по тому времени промышленных предприятий. На реке Белый Колодезь в 1693 г. был построен первый металлургический завод. В 1700–1712 гг. сооружены Липские железоделательные заводы, в 1703–1706 гг. – Кузьминский якорный завод и оружейно-борочная мастерская.

В XIX в. во всех городах нынешней Липецкой области получили развитие местная промышленность и кустарные промыслы.

Самым крупным из городов, вошедших в XX в. в состав Липецкой области, был Елец, уравненный в 1846 г. в торговых правах с губернскими и портовыми городами. В Ельце открылся первый в России элеватор (1888), развивались торговля, банковское дело (1863), кожевенная промышленность, производство махорки, работали железнодорожные мастерские и локомотивное депо (1868), действовали гимназии, школы, училища, больницы.

Липецк, благодаря открытым Петром I целебной минеральной воде и грязям, пользуется популярностью курортного города, привлекательный, прежде всего, для людей со средним достатком. Продолжается здесь и развитие промышленности. Используя местные железорудные месторождения, выпускает чугун Сокольский металлургический завод.

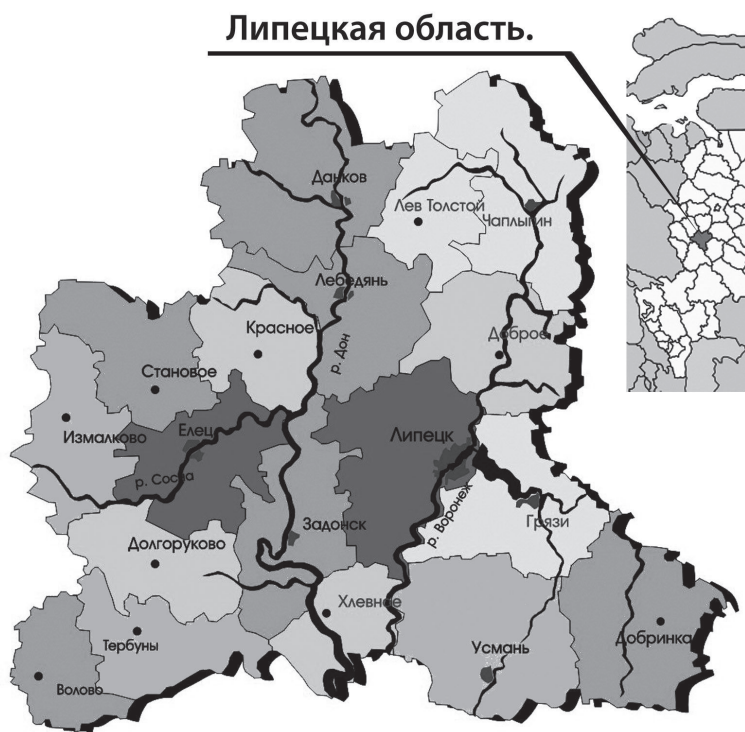
Предприятия в городах Лебедяни, Данкове, Усмани, Раненбурге были заняты в основном переработкой сельскохозяйственного сырья. Лебедянь и Данков были известны в европейской части России своими конными ярмарками, конноспортивными состязаниями.

Быстрое индустриальное развитие Липецка, других городов, позже вошедших в состав новой области, началось в годы первых советских пятилеток. В 1932 г. в Липецке заложен завод «Станкострой» (АО «ЛТЗ»), в 1934 г. – НЛМЗ (ОАО «НЛМК»). Заработали машиностроительные заводы в Ельце. Помешала война. С ее началом не только прекратилось строительство предприятий, но и было вывезено на восток всё оборудование.

В годы Великой Отечественной войны гитлеровцы дважды вторгались в пределы края. Первый раз – при наступлении на Москву осенью 1941 года, когда они оккупировали Елец и были разгромлены в Елецкой наступательной операции. Второй раз – в июле 1942 г. при наступлении на Сталинград. Окончательно захватчики были изгнаны с этой земли в 1943 г.

Как и вся страна, города и села края понесли невосполнимые потери. Из призванных 246 тыс. жителей районов и городов, вошедших в состав Липецкой области, с войны не вернулись 128,5 тыс. человек.

О высокой оценке ратных подвигов уроженцев липецкой земли говорит тот факт, что за подвиги в Великой Отечественной войне 173 из них удостоены звания Героя Советского Союза.

География

Липецкая область расположена в центральной части европейской территории России, в 370 км на юг от Москвы. Граничит с Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской областями.

Западная часть области – возвышенная равнина (высота над уровнем моря до 262 метров), сильно расчленена долинами рек, оврагами и балками. Восточная часть – низменная (высота до 170 метров), представляет собой равнину с большим количеством блюдцеобразных понижений (западин). Самые крупные реки – Дон (с притоками Красивая Меча и Сосна) и Воронеж (с притоками Становая Ряса и Ма-

тыра). Почти все реки принадлежат бассейну Дона. Однако три реки на небольшом протяжении – Малая Хупта и Ранова с притоком Сухая Кобельша – принадлежат бассейну Волги.

Климат

Климат умеренного пояса (атлантико-континентальный) с умеренно холодной зимой и тёплым летом. Средняя температура января -30°C . Средняя температура июля $+25^{\circ}\text{C}$.

Растительный и животный мир

В области расположены два заповедника: «Галичья Гора» – самый маленький заповедник России с сохранившейся до ледниковой флорой, а также часть Воронежского заповедника.

Земельно-сырьевые ресурсы

Преобладающие типы почв – чернозёмы, которые занимают свыше 85 процентов всей территории.

Полезные ископаемые представлены 300 месторождениями: известняки, доломиты, песок, глины, цементное сырьё. По запасам карбонатного сырья область занимает 1-е место в РФ. Значительны залежи торфа. Большой известностью в стране пользуются Липецкие минеральные источники и лечебные грязи, обнаруженные в 1871 году.

Административно-территориальное устройство

Административное деление области включает 315 муниципальных образований, в том числе: 2 города областного подчинения, образующие Липецкий городской округ и Елецкий городской округ; 18 муниципальных районов; 6 городских поселений и 289 сельских поселений.

Население

Численность населения Липецкой области по данным Госкомстата России на 1 января 2012 года составляла 1165916 жителей, в том числе городское население – 744621 человек (63,87%).

Экономика и инфраструктура

Липецкая область относится к немногочисленному списку регионов-доноров в России, то есть не получает финансовой помощи из Федерального фонда финансовой поддержки субъектов РФ.

Промышленность

Промышленное производство является основой экономического потенциала области, на его долю приходится около 66% валового регионального продукта. Регион занимает первое место по производству бытовых холодильников и морозильников (более 40% от общероссийского производства), четвёртое место по производству стали (14%) и проката черных металлов (16%), является крупным производителем сахара-песка (7%) и плодоовощных консервов (29%). Промышленный комплекс области состоит из 200 крупных предприятий, носит многоотраслевой характер, включает в себя чёрную металлургию, машиностроение и металлообработку, электроэнергетику (7%), пищевую (14%), химическую, легкую, промышленность и промышленность стройматериалов (2%).

По объёму промышленного производства на душу населения область занимает 3-е место в РФ и 1-е место в ЦФО. По объёму продукции сельского хозяйства – 11-е

место, по растениеводству – 7-е место. По видам промышленной продукции наилучшие среднеландшафтные коэффициенты по выпуску бытовых холодильников – 1-е место среди регионов РФ, по готовому прокату черных металлов – 2-е место, сахар-песок – 4-е место среди регионов РФ.

Наиболее развиты металлургическая (крупнейший в России Новолипецкий металлургический комбинат – НЛМК), пищевая (крупнейший российский производитель соков Лебедянский завод) отрасли промышленности.

Сейчас действует пять таких зон: промышленно-производственного типа «Тербуны» и «Чаплыгинская», агропромышленного типа «Астапово» в Лев-Толстовском районе и туристско-рекреационные зоны «Елец» и «Задонщина».

Регион входит в число лидеров по объёму привлечения иностранных инвестиций.

Сельское хозяйство

Благоприятные климатические условия, наличие чернозёмов, способствуют развитию растениеводства. Площадь сельхозугодий занимает свыше 1,8 млн. га, из них пашня – более 80%. 22,3 тыс. га земли отведено под плодовые сады, где в основном выращивают яблони, груши, сливы. В области насчитывается около 300 сельскохозяйственных предприятий, основными направлениями которых являются: производство зерновых, сахарной свеклы, картофеля, разведение крупного рогатого скота, свиноводство, птицеводство.

Транспорт

Общая протяженность автодорог – 7,8 тыс. км, по их насыщенности область входит в первую десятку регионов России. Качество дорог постоянно улучшается, а также строятся новые.

Общая протяженность железнодорожной сети – свыше 800 км. Территорию пересекают три железнодорожные магистрали. Крупнейшими узлами являются Елец и Грязи.

Для связи с другими регионами по воздуху в области имеется аэропорт «Липецк», а также ряд аэродромов местного значения (возле нас. пунктов Данков, Тербуны и Чаплыгин).

Достопримечательности

*В Данковском районе Липецкой области в имении Полибино расположено уникальное архитектурное сооружение – **первая в мире гиперболоидная конструкция**, стальная ажурная сетчатая башня удивительной красоты. Первую гиперболоидную башню построил и запатентовал инженер и учёный Владимир Григорьевич Шухов. Эта шуховская башня была построена и представлена на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде 9 июня 1896 года. Первую в мире гиперболоидную башню купил меценат Ю. С. Нечаев-Мальцов и установил в Полибино. Гиперболоидные конструкции впоследствии строили многие великие архитекторы: Гауди, Ле Корбюзье, Оскар Нимейер. Аналогичные сетчатые башни-оболочки построены в XXI веке в Китае (610-метровая), Арабских эмиратах, Испании, Венгрии, Великобритании, Чехии, Норвегии и других странах.*

*В усадьбе Полибино расположен **классический дворец XVIII века**, построенный по проекту архитектора В. И. Баженова в стиле ампира в конце XVIII века и обширный парк, спускающийся от дворца до берега Дона. Эта усадьба была родовым имением Юрия Степановича Нечаева-Мальцова, великого мецената России, пожертвовавшего на строительство и экспонаты Музея изящных искусств (ныне ГМИИ им. А. С. Пушкина) в Москве более миллиарда долларов (в пересчёте по современному курсу). До революции в усадьбе Полибино у Ю. С. Нечаева-Мальцова*

гостили и творили Л. Н. Толстой, И. Е. Ретин, И. К. Айвазовский, К. А. Коровин, В. Д. Поленов, В. В. Васнецов, И. В. Цветаев, А. Н. Бенуа, Ольга Книппер-Чехова, Анна Ахматова.

В Ельце расположены **многочисленные памятники церковной и светской архитектуры**, в том числе Вознесенский собор (1889 год; Построен по проекту известного архитектора К. А. Тона, автора Московского вокзала в Санкт-Петербурге и Ленинградского в Москве, а также – Храма Христа Спасителя). С Ельцом тесно связана жизнь И. А. Бунина, М. М. Пришвина, Т. Н. Хренникова, Н. Н. Жукова и др.

В Задонске также имеются значительные **памятники церковной архитектуры и истории**, в том числе три действующих монастыря.

В Усмани находятся **две Триумфальные арки** в память о Великой Отечественной войне 1941–1945-х годов и в честь Победы над немецко-фашистскими захватчиками.

В Данкове расположен единственный в Липецкой области **планетарий**.

В селе Борки Тербунского района расположена **Усадьба Борки**, называемая так же Борковский замок. Это единственный в области памятник архитектуры в английском готическом стиле, является памятником архитектуры последней четверти XIX века. В начале века усадьба принадлежала двоюродному брату императора Николая II Великому князю Андрею Владимировичу Романову.

На территории Чаплыгинского района Липецкой области в поместье Рязанка создан **мемориальный музей П. П. Семенова-Тян-Шанского**.

О реализации Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в Липецкой области

2012 год стал финальным в реализации областной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Тем не менее, Липецкая область продолжит принимать переселенцев – до конца года администрацией Липецкой области будет принята областная целевая программа сроком до 2015 года.

Процесс переселения в регион по-прежнему характеризуется высокой активностью. За шесть лет действия программы по переселению соотечественников в Липецкую область переехали 15 136 человек, хотя первоначально планировалось 13 200 человек. По странам выезда, 99% прибывших – это соотечественники из стран СНГ, из общей численности которых лидируют Узбекистан, Казахстан и Молдавия.

Граждане трудоспособного и продуктивного возраста составляют 69% (10 492 чел.) от общего количества переселившихся, что, в свою очередь, обеспечивает решение основной задачи Госпрограммы – сокращение дефицита трудовых ресурсов и улучшение демографической ситуации; 27% (3 981 чел.) составляют дети до 18 лет и всего 4% (663 чел.) – пенсионеры.

Начиная с 2013 года, Липецкая область планирует принимать по 450 участников программы вместе с членами семей, т.е. по 1 080 человек. Если раньше соотечественники могли переехать только в определенные районы, то теперь это ограничение будет снято. Помимо граждан трудоспособного возраста, которым отдавалось предпочтение при рассмотрении анкет-участников программы, переселиться в Россию и в Липецкую область смогут и студенты, которые захотят учиться в Российской Федерации, а также люди, имеющие в других странах свой бизнес. Его они смогут перевести в Россию, в чем им окажет поддержку государство, или открыть новый.

Территории вселения

На данный момент в Липецкой области соотечественникам доступны три территории вселения:

«Липецк»

Липецк – современный и динамично развивающийся город, крупный индустриальный центр, имеющий мощный экономический потенциал, основу которого составляют черная металлургия, электроэнергетика, машиностроение, производство строительных материалов, пищевая и перерабатывающая промышленность.

Ключевыми предприятиями, определяющими развитие отраслей промышленного комплекса, являются акционерные общества: «Новолипецкий металлургический комбинат», Липецкий металлургический завод «Свободный Сокол», завод холодильников и стиральных машин «Индезит Интернэшнл», «Липецкхлебмакарон-пром», «Липецкмолоко», «Липецкцемент» и ряд других. В строительном комплексе города задействовано более 400 строительных организаций.

Широко известны Липецкие минеральные воды. В настоящее время функционируют 13 скважин. Минеральная вода разливается на липецких заводах ОАО «Росинка», «Эдельвейс-Л», «Живая вода», ОАО «Арсен». Заслуженной популярностью пользуется Липецкий курорт (основан в 1805 г.), располагающий комплексом эффективного грязе- и водолечения.

Потребительский рынок включает 907 магазинов, 1953 предприятия мелкорозничной сети, 473 предприятия общественного питания, 9 рынков и 15 мини-рынков, 540 стационарных объектов службы быта, в том числе 74 приемных пункта. Обеспеченность торговыми площадями на 1000 жителей составляет 340 кв. м.

В городе малый бизнес представляют 4 тысячи малых предприятий и около 13,5 тысяч предпринимателей без образования юридического лица.

Транспортная инфраструктура города, которая включает в себя железную дорогу, сеть автомобильных дорог, аэропорт и трубопроводы, даёт возможность организовать доставку грузов во все точки области, России и зарубежные страны.

Липецк – университетский город. На его территории действует Липецкий государственный технический университет им. С. Л. Коцаря, Липецкий государственный педагогический университет, филиал Всероссийского заочного финансово-экономического института. В последние годы открылось более 15 филиалов московских, воронежских и других вузов России.

В городе два драматических театра: академический им. Л. Н. Толстого и муниципальный; театр кукол, филармония, Липецкие муниципальные симфонический и духовой оркестры, оркестр русских народных инструментов, государственный ансамбль песни и пляски «Казачьи России», самодеятельные танцевальные коллективы: «Родничок», «Раздолье», «Грация», народный хор Новолипецкого металлургического комбината им. Мистюкова, ансамбль песни и пляски профтехобразования «Калинка».

«Тербуны»

Тербунский район расположен в юго-западной части области. Территория – 1170,07 кв. км. Граничит с Орловской и Воронежской областями, Воловским, Долгоруковским, Измалковским, Хлевенским районами.

Население – 23,4 тыс. человек. 75 сельских населенных пунктов, 18 сельских муниципальных образований.

Районный центр – п. Тербуны.

Район богат полезными ископаемыми. Наиболее распространенные – трепельные глины, кирпично-черепичное сырье, цветные пески.

Основное сельскохозяйственное направление – зерноводство, овощеводство, производство молока, говядины и свинины.

В районе насчитывается около 20 сельскохозяйственных предприятий.

Промышленность представлена заводами: солодовенным МПБК «Очаково», сыродельным, кирпичным, асфальтным, комбикормовым, хлебокомбинатом и 2 элеваторами.

Протяженность дорог по району составляет 230,4 км, из них с асфальтовым покрытием – 218 км.

Протяженность железных дорог – 74,8 км. Через поселок Тербуны проходит железнодорожная магистраль Москва-Елец-Донбасс. Маршрутная автобусная сеть по Тербунскому району насчитывает 12 маршрутов, в том числе 2 междугородних.

Район газифицирован.

В районе 94 магазина, 48 предприятий мелкорозничной сети, 2 рынка и 2 мини-рынка, 42 стационарных объекта службы быта, в том числе 4 комплексных приемных пункта.

В районе две больницы, 25 фельдшерско-акушерских пунктов, 2 амбулатории.

Действует профессиональное училище, 30 школ, оснащенных компьютерными классами, детская музыкальная школа, 14 детских дошкольных учреждений, школа-интернат.

Среди достопримечательностей района – усадьба великого князя Андрея Владимировича Романова в с. Борки (1912 г.), церковь в с. Бурдино, куда в шестидесятые годы двадцатого века приезжали известные духовники Русской Православной Церкви.

«Грязи»

Административный центр Грязинского района – город районного подчинения Грязи, расположен в восточной части области в 30 км от Липецка на р. Матыра и является промышленным пригородом Липецка, крупным железнодорожным узлом на пересечении железных дорог Москва-Ростов и «Запад-Волгоград». Граничит с Тамбовской областью, Добринским, Усманским, Липецким, Добровским районами Липецкой области.

Площадь территории района – 1328,9 кв. км. В районе проживает 73,3 тыс. человек, 60 населённых пунктов, 16 сельских муниципальных образований.

Наиболее крупные населённые пункты района: г. Грязи – более 48 тыс. чел., с. Большой Самовец – более 2,5 тыс. чел., с. Казинка – более 2,3 тыс. чел.

Бюджет района является низкодотационным. Собственные доходы составляют более 80% от общей суммы доходов.

Из 608 хозяйствующих субъектов, расположенных на территории района, 474 субъекта находятся в г. Грязи.

Здесь действуют: Грязинский контейнерный завод-филиал ОАО «ТрансКонтейнер», ОАО «Грязинский культиваторный завод», ОАО «Грязинский машиностроительный завод «Элеватормелъмаш», ОАО «Гидравлик», пищекомбинат, мясокомбинат, мебельная фабрика, сахарный завод.

Район имеет развитое сельскохозяйственное производство. Площадь сельхозугодий занимает свыше 100 тыс. га.

В районе действует 202 магазина, 194 предприятия мелкорозничной сети, 81 предприятие общественного питания, 2 рынка и 2 мини-рынка, 123 стационарных объекта службы быта, в том числе 18 комплексных приемных пунктов.

Грязинский узел отделения Ю.В.Ж.Д располагает развитой многопрофильной индустрией и фундаментальной строительной базой. В районе развита сеть автомобильных дорог протяженностью 767,7 км, железных дорог – 203,1 км.

Регулярные автомобильные пассажирские перевозки в районе осуществляют ОАО «Грязинское АТП» и коммерческие организации. Маршрутная сеть по району насчитывает порядка 50 маршрутов.

В течение нескольких лет г. Грязи занимает первое место среди других районных центров области по чистоте, благоустройству и озеленению.

Каждая из 35 школ района имеет компьютерные классы. В целом в учебных заведениях Грязинского района, включая профессиональное училище №14, Грязинский технический колледж, филиал ВЭПИ, обучаются свыше 9 тыс. человек. В системе дошкольного образования функционируют 17 учреждений.

Действуют детско-юношеская спортивная школа, 26 спортзалов, парк культуры, 23 дома культуры, 1 музей, 25 библиотек. Медицинскую помощь население получает в 3-х больницах, 27 фельдшерско-акушерских пунктах при сельских администрациях, 3-х амбулаториях.

С особо часто встречающимися в нашей почте вопросами соотечественников, касающимися реализации Программы, мы обратились к Носаченко Галине Сергеевне – начальнику отдела содействия переселению соотечественников и альтернативной гражданской службы управления труда и занятости Липецкой области.

– Уважаемая Галина Сергеевна, если бы Вам нужно было в одном предложении охарактеризовать Липецкую область, ее преимущества для переселенцев, что бы Вы сказали?

– Если без эмоций и одним предложением, то Липецкая область характеризуетсЯ как динамично развивающийся регион.

А если с экономической точки зрения, то область имеет выгодное географическое положение, мощный природно-ресурсный, трудовой, инвестиционный, инфраструктурный и экономический потенциал, который и определяет ее перспективы.

Реализация проекта по созданию особых экономических зон промышленно-производственного типа позволит придать ускорение развитию муниципальных образований области за счет инфраструктурного развития, расширить доходную базу бюджетов различного уровня, создать привлекательную инвестиционную среду.

Дополнительным эффектом от создания особых экономических зон промышленно-производственного типа федерального и регионального уровней будет преодоление моноотраслевой структуры промышленности, снижение доли черной металлургии в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг промышленными предприятиями к 2020 году до 50%.

Принципиально новым элементом развития производственного потенциала области, позволяющим привлекать частные инвестиции без прямых бюджетных вливаний, являются индустриальные парки, создаваемые на территории области.

Создание индустриальных парков имеет большое значение для экономики области, так как ими формируются максимально комфортные условия для развития новых производств. Это позволит улучшить инвестиционный климат, будет способствовать модернизации экономики области в целом.

Возможность создания особых экономических зон туристско-рекреационного типа обусловлена наличием источников лечебных минеральных вод, значительного историко-культурного, духовно-православного и археологического наследия, уникальных народных промыслов, многообразных природных достопримечательностей, что представляет особый интерес для российских и иностранных туристов.

Все это способствует созданию новых рабочих мест, количество которых только в 2012 году составило около 10 тысяч, а, следовательно, потребует специалистов

всех уровней и особенно с высокой квалификацией. На это и будет делаться акцент в перспективе.

– Существуют ли сложности между приезжими и коренными жителями? Как реагируют местные на появление переселенцев?

– Липецкая область достаточно толерантна по отношению к соотечественникам. Ведь главной преференцией Госпрограммы для переселенцев из-за рубежа является получение российского гражданства в ускоренном порядке. Все остальные «житейские» вопросы соотечественники решают наравне с гражданами области. А вот в сельской местности жители стараются помогать переселенцам, кто чем может – продуктами, овощами, соленьями-вареньями, одеждой и даже мебелью.

– Кого сегодня особенно ждут в Липецкой области, какие специальности наиболее востребованы?

– Региону требуются специалисты самого разнообразного профиля. Область нуждается в станочниках высокой квалификации, различных специалистах строительной отрасли, медицинских работниках.

На протяжении последних лет сохраняется пропорция: 80% – рабочие профессии и 20% – различные специалисты. При этом в области один из самых низких в стране индексов безработицы.

По-прежнему велика востребованность рабочих инженерно-технических специальностей в особой экономической зоне (ОЭЗ) федерального уровня «Липецк» и региональных ОЭЗ в Грязях и Тербунах. Набирает темпы и агропромышленный комплекс. А с созданием новых «точек роста» – в г. Ельце, Чаплыгинском, Лебедянском, Краснинском, Лев-Толстовском районах – потребность в кадрах будет только возрастать.

– Возможно ли переселенцу найти самому работу по душе и устроиться на нее? Или есть жесткие «привязки»?

– Жестких «привязок» к вакансиям нет и быть не может. Та технология, которая была определена изначально при реализации Госпрограммы, на практике, по моему мнению, не оправдалась. У нас анкета участника Госпрограммы (УГП) направляется на рассмотрение в центры занятости территорий вселения, а те, в свою очередь, направляют их работодателям. Работодатель не имеет обязательств принятия соотечественника на вакантное рабочее место. В лучшем случае, изучив перечень профессиональных навыков УГП в анкете, работодатель может предложить рассмотреть вариант трудоустройства после приезда соотечественника, с учетом предъявления необходимых документов о квалификации. Поэтому специалисты центров занятости принимают решение о предварительном трудоустройстве на ту или иную вакансию с учетом их наличия на момент приезда соотечественника. Ряду потенциальных переселенцев, опять же с учетом их профессиональных данных, мы предлагаем вариант самостоятельного поиска работы при содействии службы занятости. Последний вариант наиболее оправдан, поскольку дает возможность переселенцам право выбора – как рабочего места, так и заработка на нем.

– Самый больной вопрос переселения – жилье. Как решают его переселенцы в Липецкую область? Предусмотрена ли какая-то помощь в этом направлении со стороны местных властей?

– На самом деле, это большой и проблемный вопрос не только для переселенцев.

В 2012 году в области было возведено 1570 жилых зданий. Их общая жилая площадь составила 434,6 тыс. кв. м, что на 103% больше, чем в 2011 году. Однако

стоимость квадратного метра достаточно высока – на первичном рынке она составляет 38,9 тысяч рублей, на вторичном рынке – 42,6 тыс. рублей. Это редко соизмеримо с имеющимся заработком у членов семьи.

В настоящее время в области действуют областные целевые программы: «Ипотечное жилищное кредитование», «О государственной поддержке в обеспечении жильем молодых семей на 2011-2015 годы», «Социальное развитие села на 2009-2013 годы», которые предусматривают социальные выплаты молодым семьям на приобретение и строительство жилья, а так же социальные выплаты при рождении ребенка (детей).

Члены семьи участника программ «Ипотечное жилищное кредитование на 2011-2015 годы», «Свой Дом на 2011-2015 годы», участвующие в договоре ипотечного жилищного кредита, целевого займа (кредита), обладают правами и обязанностями участника жилищной программы.

Все ипотечные кредиты предоставляются коммерческими банками на условиях, которые банк определяет самостоятельно. По рекомендации ОАО Агентства Ипотечного Жилищного кредитования Российской Федерации, затраты семьи на погашение кредита не должны превышать 40% совокупного дохода семьи. Семья самостоятельно определяет размер займа, необходимого для погашения кредита.

Участвовать в жилищных ипотечных программах переселенцы могут, получив российское гражданство, и при наличии регистрации по месту жительства. Данная регистрация в рамках Госпрограммы не предоставляется, поэтому переселенцы должны решить этот вопрос для себя самостоятельно.

А вот чтобы помочь им в этом, наш областной Совет депутатов вышел с законодательной инициативой о внесении изменений в закон о гражданстве. В сентябре месяце на заседании Государственной Думы принято решение направить проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» Президенту РФ, в комитеты, комиссию Государственной Думы, фракции в Государственной Думе, Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Правительство РФ, общественную палату РФ, законодательные (представительные) и высшие исполнительные органы государственной власти субъектов РФ для подготовки отзывов, предложений и замечаний.

Внесение изменений предоставит возможность приобретения российского гражданства в результате приема в упрощенном порядке для иностранных лиц и лиц без гражданства, поставленных на миграционный учет также и по месту пребывания.

Многодетные семьи, в т.ч. и соотечественников, имеющие трех и более детей, в соответствии с законодательством Липецкой области, имеют право на однократное бесплатное получение земельного участка (под жилищное строительство, огород, дачу, для ведения личного подсобного хозяйства) в сельской местности. Земельный участок для строительства жилья на первом этапе оформляется в аренду, затем выделяется в собственность.

– Часто ли переселенцы не остаются на месте прибытия, а уезжают в другие регионы России?

– Нет, не часто, но такие случаи имеются. И чаще всего это связано с тем обстоятельством, что в другом регионе, как правило, в котором не реализуется Госпрограмма, проживают родственники или близкие люди.

– Приветствуется ли желание вновь прибывших заняться индивидуальной трудовой деятельностью? Какое самостоятельное дело, на Ваш взгляд, наиболее перспективно – в плане скорейшего «врастания в Липецкую почву»?

– Когда мы согласовываем анкету участника Госпрограммы с решением варианта самостоятельного поиска работы, подразумеваем, в том числе, и занятия индивидуальной трудовой деятельностью. Имея гражданство, можно обратиться в службу занятости населения, в которой рассмотрят возможность предоставления субсидии в сумме около 59 тыс. руб. на открытие своего дела. Другой момент, когда соотечественники хотят приехать со своим, так сказать, «серьезным» бизнесом или средствами производства. В этом случае требуется более тщательное рассмотрение анкеты с проработкой вопроса с экономической и юридической службами, отраслевыми управлениями области. И вопрос здесь не столько в конкуренции, сколько в возможности занять свою нишу с целью получения прибыли и, конечно же, такая деятельность будет способствовать пополнению бюджета области.

– У прибывающих в липецкую область соотечественников, конечно, нет полиса медицинского страхования. Что их ждет в случае болезни и кратковременной потери трудоспособности?

– Соотечественники имеют возможность бесплатно получить первичную, срочную и плановую медицинскую помощь в учреждениях здравоохранения. Например, в 2012 году на эти цели в региональном бюджете было предусмотрено более 8 млн. рублей.

Медицинская помощь населению оказывается в амбулаторно-поликлинических учреждениях муниципальных городов и районов.

Документ, на основании которого осуществляется оказание медицинских услуг, – свидетельство участника Госпрограммы или члена его семьи установленного образца или страховой полис, выданный на основании этого свидетельства.

– Как чувствует себя в Липецкой области молодая семья? Существует ли проблема устройства малышей в садик? Какие учебные заведения принимают на обучение ребят из семей переселенцев?

– Повторюсь, что медицинские услуги молодая семья, как и все другие иностранные граждане, получит в полном объеме в установленном порядке. Получив российское гражданство, жилищный вопрос молодые семьи могут решать по своему усмотрению, в т.ч. и через ипотечные жилищные программы. Органами соцзащиты населения семьям переселенцев, находящимся в трудной жизненной ситуации, оказывается единовременная материальная помощь, выплачиваются ежемесячное детское пособие, пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет, пособие на рождение ребенка, адресная помощь.

Что касается детских дошкольных учреждений, то в программе Липецкого региона, и, кстати сказать, эту информацию мы дублируем в решении по анкете, место в них для ребенка можно получить в порядке общей очередности, существующей для жителей области. Хотя в районах этот вопрос практически решен, а вот в областном центре – городе Липецке – очередь еще существует. Муниципалитет работает над решением данной проблемы. Родители в ожидании своей очереди в детский садик могут получить за счет средств бюджета субсидию в размере 5 тыс. руб. и направить ее на развитие ребенка. Строятся новые детские учреждения, открываются частные садики, которые также пользуются большой популярностью.

Обучение же соотечественников в учреждениях среднего и высшего профессионального образования области осуществляется в соответствии с действующим федеральным законодательством.

– На Ваш взгляд, к каким трудностям необходимо подготовиться добровольным переселенцам, какие типичные ошибки они допускают?

– Вернемся к Государственной программе. Подписав Указ, Президент РФ определил главную преференцию для соотечественников – ускоренное получение российского гражданства, т.е. именно оно дает возможность переселенцам адаптироваться в сообществе и влиться в его социально-экономические процессы, иметь права, гарантии и свободу именно в рамках действующих Конституции России и законодательства.

Переселенцы должны внимательно изучить программы субъектов РФ и сделать осознанный и добровольный выбор на переезд. Это подразумевает оценку своих возможностей, включая материальных, при трудоустройстве и обустройству по месту жительства в выбранном ими для переселения регионе.

Например, в нашей программе не предусмотрено предоставление общежитий, социального жилья (его просто нет в муниципалитетах), либо другого жилья. Здесь нужно рассчитывать только на свои возможности и силы. Однако мы создали Центры временного размещения (ЦВР) в г. Липецке, Грязинском и Тербунском районах, в которых переселенцы обустраиваются сразу по приезду и могут получить регистрацию по данному месту пребывания. В них соотечественники могут проживать до полугода в период до получения гражданства. Условием гарантированного заселения является бронирование места проживания за 15 календарных дней через администратора. Проживание платное, как в ЦВР, так и в съемном жилье. Никаких выплат с целью компенсировать затраты за проживание региональной программой не предусмотрено и на руки переселенцам не производится. В решении по анкете потенциального переселенца содержится вся необходимая информация, например, такого плана: «В соответствии с условиями региональной Программы Липецкая область имеет возможность принять соотечественников из-за рубежа, готовых нести за счет собственных средств расходы по оплате проживания, как изначально в гостинице, Центре временного размещения, так и далее в съемном жилье или при его покупке. Стоимость 1 кв. метра жилья в г. Липецке при покупке – от 38 тысяч рублей. Для получения гражданства РФ необходима регистрация по месту жительства. Администрации территорий вселения за отсутствие у соотечественников средств на проживание ответственности не несут. Предоставление общежитий и социального жилья Программой не предусмотрено. Оформление детей в детский сад осуществляется на основании общей очереди, как и для граждан РФ».

От наличия квалификации зависит возможность трудоустройства на рабочие места с достойным уровнем заработной платы. Также желательно заранее позаботиться и подтвердить в Министерстве образования России документы о высшем образовании, особенно это касается медицинских профессий.

Всем соотечественникам мы советуем задавать нам интересующие их вопросы, касающиеся переселения. Это лучше всего делать по электронной почте, наш адрес: osps@depwkslp.lipetsk.ru. Ряд иностранных граждан приезжает «на разведку» и на месте знакомится с теми условиями, в которых придется находиться. Считаем, что это очень правильный подход.

– И последнее. Чем для Вас лично, Галина Сергеевна, замечательна Липецкая земля?

– Липецк – моя Родина, а ее любят как своих родителей. Липецк преобразился за последние годы значительно, развился, расцвел. Стал современнее, чище, культурнее. Больше всего люблю природу. Она в области чудесная во все времена года.

– Спасибо, уважаемая Галина Сергеевна, за то, что уделите время журналу «Русское поле»!

Материал подготовила *Антонина Добровольская*

**ДНИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ДУХОВНОСТИ В МОЛДОВЕ
9-21 октября 2012**

Открытие Дней.
Возложение цветов к памятнику А.С.Пушкина.
г. Кишинёв.

Читаем Пушкина стихи!
Справа – руководитель представительства
Россотрудничества в РМ Валентин Рыбицкий.

Слева – председатель Конгресса
русских общин РМ Валерий Клименко.

После мастер-класса
Захара Прилепина (в первом ряду справа).
Слева – обладатель первой премии
журналистского конкурса «Вместе»
Олег Краснов.

В подарок Захару –
«Крыши старого города».
Захар Прилепин
и художник Сергей Сулин.

Светлана Деревщикова, председатель
Ассоциации русскоязычных журналистов и
Виталий Крупененков (победитель номинации
«Лучший видеосюжет») на вручении
журналистской премии «Вместе». **РЦНК**

Лолита Канеева, зав. отделом библиотеки им. И.Крянгэ
«От А до Я» - детский поэтический утренник к 125-летию С.Я.Маршак.
Библиотека им. И. Крянгэ.

Наталья Новохатняя представляет свою
новую книгу стихов «Об авторах и героях».
Библиотека им. М.В. Ломоносова.

Победители Второго Республиканского
литературного конкурса для молодёжи
«Взлётная полоса»: Валерия Чеботарёва,
Игорь Корнилов, Диана Жалбэ. **РЦНК.**

Литературное молодёжное кафе «Бродячий кот».
Слева – Татьяна Орлова. В центре – Леонид Поторак.
Библиотека им. М.Ломоносова.

Виктория Лыс – организатор
заключительного концерта
Дней «Русская песня Молдовы».
Национальная филармония, малый зал.

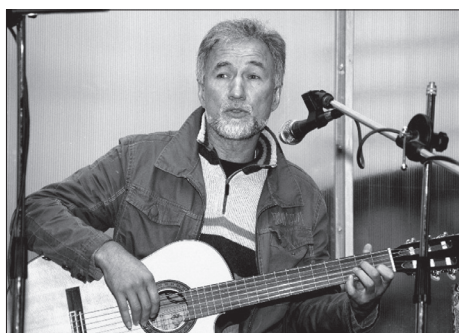

На открытии фотовыставки Тамары Артемьевой «Незримой кисти волшебство»: Наталья Родина;
трио лица им. С.В.Рахманинова. **Республиканский театр «Ликурич».**

Музыкально-поэтический вечер
«Волшебная скрипка»,
посвящённый 100-летию акмеизма.
Анатолий Лабунский, Борис Амамбаев,
Ансамбль «Пикадо»
третьей музыкальной школы.
Бюро межэтнических отношений.

Продолжение – в №1 2013

КРИТИКА

Зёрна и плевелы

Поэт Юрий Гудумак издал и представил читающей публике новую книгу стихов – «Разновидность солнца» (Кишинев, издательство «CADRAN», 2012).

АЛЕКСАНДРА ЮНКО

ПУТЕШЕСТВИЕ В РАЗНЫЕ СТОРОНЫ

*Глазу ко всему приглядевшегося европейца,
сделавшего с лишком четырнадцать тысяч верст,
естественно будет печься
о чем-нибудь небывалом.
Так лейтенант Загоскин
съезжал на берег Аляски со своим самоваром.
Поездка на тот свет, Заметки жителя того света
и, как следствие, его Пешеходная опись...
Так что в конце четвертого лета
их автор, похоже, на деле верит, что он покойник.
И глаз, несмотря на сырую погоду,
промозглость несколько суток кряду без перерыва,
непромокаем, как рыба.*

Противников и поклонников поэзии Юрия Гудумака можно подразделить на несколько категорий. Первые, собственно говоря, не читатели: только взглянув на непонятные стихи, они сразу сдаются и отходят. Другие принимают вызов автора (хотя он и не собирался никому его бросать); для них подобного рода произведения – головоломка вроде шарады или кроссворда. Но стихи – нечто иное, «мозговым штурмом» их не взять. Третьих я назвала бы досужими советчиками. Все их доброжелательные либо резко-императивные указания сводятся к тому, что автору следует избавиться от многословия, быть не столь сложным для восприятия, добавить лиричности и т.п. Иными словами, будь проще – и к тебе потянутся люди. Это все равно как композитору-симфонисту порекомендовать переключиться на эстрадные песенки-однодневки.

По совести говоря, я и сама когда-то приводила Юрию пушкинские слова: «поэзия должна быть, прости, Господи, глуповата». К счастью, совершенно всеу приводила, даже не уверена, что он меня слышал. С тех пор мы здорово продвинулись. Ваша покорная слуга больше не раздает благие советы. А стихи Гудумака, на первых порах похожие на непроницаемые каменные монолиты, теперь напоминают египетские пирамиды. Вход первому встречному в них по-прежнему заказан, но для того, кто доверится поэту, внутри открываются бесценные и бесконечные сокровища. Правда, одного доверия мало, нужно располагать еще нацарапанным на папирусе планом и некоторой долей везения, чтобы добраться до самой сути, до золотого саркофага.

Египетские аналогии возникают не случайно. Бог мудрости Тот у греков трансформировался в хитроумного Гермеса. Имя Гермеса Трисмегиста и дало название направлению в науке и искусстве, подразумевающему наличие тайных знаний, недоступных профанам – непосвященным. В сухом остатке: герметичная поэзия обращена к читателю-интеллектуалу, для которого оставлены своего рода ключи, будь то специальный термин, философская, историческая, географическая аллюзия или имя Малларме, Бодлера и т.п.

Юрий Гудумак пишет сложно не потому, что хочет «выпендриться» и нас, грешных, подавить эрудицией. Как всякий поэт, он жаждет быть прочитанным и понятым. Но при этом не изменяет – не может изменить – собственной природе. Он издал шесть книг, и в каждой из них постепенно «разгерметизировался», впуская в стихи больше пространства, воздуха и света.

Предпоследняя книга – «Песнь чибиса» (Кишинев, издательство «CADRAN», 2008) – стала гимном малой родине поэта. Все мощные ресурсы были брошены на исследование села Яблони в Глодянском районе и его окрестностей, а через этот «ландшафтный опыт» автору – и внимательному читателю – открылись глубины человеческого духа и пространства целой Вселенной.

Новая книга, «Разновидность солнца» писалась с перерывами четыре года. И – в идеале – столь же неспешно и вдумчиво нужно ее читать. Чтобы попасть в этот так знакомый крестьянскому сыну годичный природный ритм, вжиться в тесную взаимосвязь с миром, осмысленную философом, рвануться в дальние, неизведанные края, что свойственно «странствующему натуралисту», или в давние времена, от которых остались великие имена, книги, картины, путевые дневники и научные труды. И только далеко продвинувшись, обнаружишь тщательно упрятанную в глубины текста обнаженную боль. Ибо книга говорит о великой утрате, когда уходит самый близкий человек – мама – и ты остаешься один на один с опустевшим пространством.

Открывается «Разновидность солнца» разделом «Топографический синтаксис Яблонца (несколько скобок и примечаний)». Фактически это отдельная книга в книге, содержательно и стилистически продолжающая и развивающая мотивы «Песни чибиса». По определению автора – философско-географический дискурс, разбитый на стихи.

Главное действующее лицо, Яблонец, лицо многозначное. Это и некий исследователь данной местности, живший в начале прошлого века, и сам поэт, и читатель, способный разделить бремя товарищества на время воображаемого путешествия. Чем дальше, тем больше встречается предвестников горя, «страданий и мук», «невзгод и скитаний», «земных мытарств – преддверье мытарств воздушных».

Раздел «То, о чем я сейчас говорю» – максимально возможная лирика для столь закрытого поэта и столь системного ума. Эти стихи – посвящение матери. Поиски самого родного и близкого человека в мире, где его больше нет. Тяжело переживаемые эмоции – неутешное горе, непонимание, неприятие, попытка объяснить самому себе то, что разумному объяснению не поддается. Наконец, необходимость примириться и жить дальше, когда жить невозможно.

*Без тебя,
мама,
я чувствую себя лишенным всего,
ни в чем более не нуждаясь.*

Раздел «Разновидность солнца» – третья «книга в книге». Автор описывает другие времена, другие места, других людей, стоящих на краю обитаемого мира. Его герои – мыслители, поэты, художники, первооткрыватели новых земель – так же, как и он сам, находятся в полном одиночестве, на границе жизни и смерти.

В этом разделе поэт, что называется, вышел на оперативный простор, где развернулся во весь размах крыльев. Неподготовленный читатель должен обложиться по меньшей мере несколькими энциклопедиями, серией «ЖЗЛ» и историей великих географических открытий. И все равно этого мало. Потому что, подобно Юрию Тынянову, его тезка Гудумак начинает там, где заканчивается документ, домысливая, предполагая и полагаясь на силу и яркость воображения. Притом делает это так, что у нас с вами создается полная иллюзия присутствия то в ледяной Арктике, то в знойной Африке, то на Камчатке, то на Тянь-Шане, то где-нибудь в Америке, Австралии или Океании. И даже обычный кусок торфа, подобно акварели Дюрера 1503 года, при подробном рассматривании не только дает представление о растительном мире более чем пятивековой давности, но и погружает в тот исторический период – канун Крестьянской войны в Германии.

Мы привыкли к ощущениям, которыми одаривает нас лирическая поэзия, увлекающая за собой в мир чувств. У стихов Гудумака другая энергетика, другая ритмика, другая образность. Но, когдаходишь в резонанс с этой волной, противостоять ей так же невозможно.

При этом, как ни странно, Юрий пишет силлабическими стихами. Так могли бы писать перенесенные из XVIII века в наши дни Василий Тредиаковский и Антиох Кантемир. Но эта силлабика, увесистая, немного неуклюжая по сравнению с силлабо-тоникой, как товарняк по сравнению с пассажирским экспрессом, оказывается куда грузоподъемней, чем знакомые нам сегодняшние поэтические системы.

Вместе с тем стихи выглядят не архаично, а более чем современно. Во многом благодаря свойствам рифмы. Она не бросается в глаза, часто растворена в тексте, однако у Гудумака практически не найдешь простого или банального созвучия. Он рифмует свободно и дерзко, как в цитате, с которой я начала: европейца – печься. А есть еще: репейниц – европеец. Или: созерцающая – серая цапля, дикобраза – горазда, шишки – переживши, открыто – тамаринда, чешуекрылых – лирик. Или: раздули – ляпис-лазури, немыслим – мертвых писем, тусклым – захолустьем, обезлюдить – рухлядь (имеются в виду меха, *драгоценная рухлядь*). Или: не прогорим – Гольфстрим, равен – Браун, Фогта – перевода, Литке – затылке, этому – Рембрандту.

Образность в стихах Юрия тоже особая – ее из текста не выковыряешь, как изюм из булки. Поэтому цитировать буду целыми кусками.

Вот родная Яблona:

*Воздух запредельных зимних пространств
наступает на нас треугольным клином
самородного нашатыря.*

Вот Африка:

*Череп пронизывают раскаленными буравчиками
отвесные солнечные лучи,
лошадь под ним кажется кобылкою саранчи.*

А вот Океания:

*Островитянин, единожды приобретший
зримый облик иммунной системы обитателя побережий,
выглядит, как чужой:
постепенно кожа его покрывается чешуей,
которая беспрестанно лупится.
Остающиеся при этом формы весьма напоминают коралл.
И его-то носишь
на себе, как еще одно украшение.*

Другой отрывок:

*Стоит только взглянуть на ее лицо,
когда одна его сторона
сияет как бы в последней четверти,
а другая, в графитовых блестках, —
сливается с волосами, и глаз у нее потух,
а слеза солона.*

О ком, о чем это? Не поверите — о фазах Луны, которая, меняясь, принимает вид «Бланш, Анабель, Лилит».

Особенности построения образа связаны и с диалектикой развития Земли и всего живого на ней:

Крыло стрижа — если еще не плавник, то уже не парус.

И даже наши чувства подвержены тем же самым законам:

*...водянистая влага глаза
совершенно, говорят, бесструктурна.
Но и она наворачивается на глаза
растущей водорослью слезы.*

Кажется странным, анализируя стихи Гудумака, вырывать из контекста примеры отдельных выразительных средств, ведь автор, создавая свои произведения, действовал подобно птице, строящей гнездо, когда в ход идут все подручные средства. И все они, вместе взятые, работают на единую философско-поэтическую концепцию. Таким образом, «естествоиспытатель» оборачивается «испытателем естества». А его «путешествие в разные стороны», при всем эффекте присутствия, происходит внутри черепной коробки. Или, если предпочитаете, в глубинах сердца. Но сердце может отказать. На прочность же испытывается именно нетленный дух человека, а не его утлое, легко поддающееся распаду тело.

ГОСТЬ НОМЕРА

Casa mare

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

Анатолий Юрьевич Аврутин – поэт, переводчик, критик, публицист. Родился в 1948 г. в Минске, окончил Белгосуниверситет. Автор двадцати поэтических книг, изданных в России, Белоруссии и Германии. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная», в 2005-2008 гг. – первый секретарь Правления Союза писателей Белоруссии.

Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской академии наук и искусств. Лауреат международных литературных премий им. Симеона Полоцкого, им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...», российских премий им. А. Чехова, им. Б. Корнилова, им. Н. Минского, «Русь единая», украинской премии имени «Молодой Гвардии», премий журналов «Аврора», «Молодая Гвардия» и др.

Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

Публиковался в «Литературной газете», «Дне поэзии», журналах «Москва», «Наши современники», «Молодая гвардия», «Юность», «Нева», «Аврора», «Форум», «Братина», «Север», «Сибирские огни», «Дон», «Великороссь», «Поэзия», «Невский альманах», «Родная Ладога», «Вертикаль. XXI век», «Литературный европеец» (Германия), «Мосты» (Германия), «Пражский Парнас» (Чехия), «Венский литератор» (Австрия), «Альманах поэзии» (США), газетах «Литературная Россия», «Обзор» (США), «Соотечественник» (Австрия) и др.

Живет в Минске.

«...С ЗАГЛАВНОЙ "РОДИНА" ПИШУ»

* * *

И опять на песке блики белого-белого света,
И опять золотая небесно-невинная даль.
И светает в груди... И душа по-над бранным воздет,
И парит над тобой то ли Родина, то ли печаль...

В мир открыты глаза, как у предка – распахнуты вежды,
И под горлом клоочет: «Высокому не прекословь!»,
Сможешь – спрячь в кулачок тот

живительный лучик надежды,

Чтоб мерцала внутри то ли Родина, то ли любовь.

И придут времена, когда слово в окно застучится,
И перо заскрипит, за собою строку торопя.
Что-то ухнет вдали... Но с тобой ничего не случится,
Хоть и целился враг то ли в Родину, то ли в тебя.

И приблизишься ты, хоть на шаг, но к заветному слову,
Что в дряхлеющем мире одно только и не старо.
Испугается ворог... Уйдет подобру-поздорову...
Если будет здоровье... И все-таки будет добро...

И тогда осенит, что последняя песня – не спета,
Что перо – это тоже звенящая, острая сталь,
Что опять на песке – блики белого-белого света,
И парит над тобой то ли Родина, то ли печаль.

* * *

Мне эта громада совсем не громадой казалась,
Казались столетьем ничтожные четверть часа.
Но что-то страшнее робко ладони касалось,
И что-то слепящее метило прямо в глаза.

Огромною станцией чудился мне полустанок,
В сиянье вокзала – какой-то случайный разезд...
И вместе с зарею закат наступал спозаранок,
Даря мириады не з в ё з д осторожных, а з в е з д.

Все чистила перья какая-то странная птица,
И била о стекла своим перебитым крылом.
Как будто кричала, что может еще пригодиться
В то жуткое время, что тоже пошло на излом.

И не было больно хватать за шипы ножевые,
И не было страшно, толкнувшись, лететь и лететь.
И всё выбивали колеса, дразня мостовые:
«Две трети ты прожил... И третья кончается треть...»

А дальше – не помню...
Все кончилось, все отболело,
Когда до рассвета осталось четыре часа.
Осталось незрячее, но не умершее тело,
Остались живые – на умершем теле – глаза.

* * *

На большую печаль
мне Отчизна ответит печалью,
На рыданье ответит стократным рыданьем она...
Что-то тихо сверкнет
над промозглой, измученной далью,
Дальний гром прогремит...
И опять тишина, тишина...

Вскрикнет робкий кулик
над своим безымянным болотом,
Скрипнет ржавая дичка в холодном, забытом саду...
И листву подгребет
ветер к старым, забытым воротам,
Где замок побуревший
с висящим ключом не в ладу.

Кто-то мимо пройдет,
но сюда не свернет с первопутка,
Где-то вспыхнет фонарик, чтоб снова погаснуть в ночи.
Да над черной запрудой
вспорхнет одинокая утка,
И о чем-то далеко,
о чем-то своем прокричит.

И стоишь посреди
позабывшего Богом простора,
И гадаешь – когда же Всевышний припомнит о нас?
Может, скоро?.. Но небо
опять повторяет: «Не скоро...»,
И не можешь заплакать,
хоть катятся слезы из глаз...

* * *

Знакомый давний бросил:
«Ты – не ловкий...
Ну, что стихи?..
Чего с них нынче взять?..»
Он в Грецию поехал по путевке,
Моя мечта –
в Элладе побывать.
Так и живем...
Кричу, а он не слышит.
Былое что? Его не ворошу.

Он «Господин»
с заглавной буквы пишет,
А я – с заглавной –
«Родина» пишу...

* * *

Не согрел кипятком,
Да и водкой уже не согреться,
Тепловозик угрюмый
в тупик мой вагон отволоку...
Что-то ноет в груди,
но не сердце, а около сердца,
Сердцу вроде не сроки...
Хоть, впрочем, а где этот срок?..
И в ладонную глубь
Стылый лоб опуская знакомо,
Все спешу окунуться
в мелодию прожитых лет.
Вот я в детстве стою,
но не в доме, а около дома,
И над мамой мерцает
Какой-то серебряный свет.
Там дерутся грачи...
Там ручьи распевают стозвонно,
Там нехоженных тропок
побольше, чем в свете – сторон.
Но сегодня я здесь –
не в вагоне, а возле вагона,
И подножка на уровне сердца
Взрезает перрон.
Все коварнее склон.
Позади – буераки да ямы,
И обида змеєю
вползает в сердечный сосуд...
Я останусь навек,
но не с мамой, а около мамы,
Там, где тихие сосны,
да Вечность,
да Праведный суд...

БОЛЕЗНЬ**1**

Мгновенной тенью отразась в окне,
Коснувшись снимка, что глаза туманит,
Ты, может быть, припомнишь обо мне?..
А я пойму... И сразу легче станет.

И будет так же виться виноград,
В плоды вбирая вечное свечение.
И повторять я буду невпопад
Давным-давно забытые реченья.

О том, что болью мучимый вдвойне,
Все глубже понимаю – слово ранит...
Ты, может быть, припомнишь обо мне?
А я пойму... И сразу легче станет.

И снова заструится теплота
Под гипсом по измученной ладони,
И снова осень станет золотая,
И поздний август в золоте утонет.

А вечером, при меркнувшей луне,
Когда опять тревога забуянит,
Ты, может быть, припомнишь обо мне?..
А я пойму... И сразу легче станет.

2

Коснись меня... И боль уйдет...
От твоего прикосновенья
Светлеют черные мгновенья...
Коснись меня... И боль уйдет.

Коснись меня... И хлынет свет
В зрачки, отвыкшие от света,
И в декабре вернется лето...
Коснись меня... И хлынет свет.

Коснись меня... Как божество
Порой касается больного.
И хвори отступают снова...
Коснись меня... Как божество...

Коснись меня...

* * *

Еще не стемнело...
И можно немного пройтись
Вдоль влажной лощины
по серо-зеленому полю.
Недоля струится отсюда
в небесную высь,
А высь переходит
В безбрежную эту недолю.

И чтоб надышаться,
здесь нужно дышать и дышать,
Стараясь запомнить,
как стонут забытые травы.
И чуют – струится
в безмерную даль благодать,
А в той благодати –
Безмерная доля отравы.

Есть только мгновенье...
А суток и вечности нет...
Мгновенье к мгновению –
вот и дорога к прозрению.
О свет мой вечерний,
туманный бледнеющий свет,
Для белого света ты тоже
Подобен мгновенью.

Ведь скоро над полем
неярко засветит звезда.
Пора возвращаться...
Невидною стала дорога.
Пусть что-то осталось...
Но что-то ушло навсегда...
И так же далёко
До истины...
Сути...
И Бога...

* * *

В «пятой графе»,
 где о национальности
Воют анкеты
 с наркомовских лет,
Я б начертал, презирая банальности,
Гневно-торжественно:
 «Русский поэт».
И осторожно,
 чернилами синими,
В карточке,
 где обтрепались края:
«Русский поэт... Вывод сделал консилиум...» –
Вместо диагноза
 вывел бы я.
А упаду
 в одинокой дубравушке,
Бледным лицом да на заячий след,
«Русский поэт», –
 пусть напишут на камушке,
Просто, без имени:
 «Русский поэт»...

* * *

Сыну Олегу

Всему основа, мой родной,
Всему основа,
Когда парит над тишиной
Родное слово.

Когда и небо, и душа
Поют по-птичьи,
Когда от мороси дрожат
Хвосты синичьи.

Когда слеза плывет в зенит,
А утром снова
Тишайшей музыкой парит
Родное слово.

Когда застынет на весу
В полете кочет...
И кто-то в сумрачном лесу
Во тьме хохочет.

Когда, собравшись в мир иной,
Что так не ново,
Ты слово слышишь, мой родной,
Родное слово.

СПОСОБ ЖИЗНИ

Одиннадцатые Дни русской литературы и духовности, прошедшие осенью этого года, принесли множество радостных открытий и встреч. Кроме презентации трёх поэтических книг, круглых столов, конкурсов, музыкально-поэтических вечеров, истинным подарком для читателей, – как русскоязычной, так и молдавской аудитории, – стала встреча со знаменитым российским писателем, автором книг, переведённых на 10 языков, лауреатом множества самых престижных литературных премий, Захаром Прилепиным. Два дня, которые Захар провёл в Кишинёве, были отмечены особенным творческим накалом. Захар успел побывать в доме-музее А. С. Пушкина, провести мастер-класс по прозе для русских литераторов Молдовы, выступить в тираспольском университете им. Т. Шевченко, представить молдавской публике свою книгу «Санькя», вышедшую в Бухаресте и щедро раздать множество интервью республиканским СМИ.

Не упустило возможности и «Русское поле», в канун Нового года, задать по электронной почте несколько вопросов именитому гостю Ассоциации русских писателей РМ.

– Завершается 2012 год. Что было, Захар, в нём для Вас главным и самым отрадным?

– У меня весь год росла дочь. Лиличка. Это прекрасно. Она похожа на самого лучшего в мире гнома. Я хожу за ней по квартире туда-сюда – и это самое лучшее из известных мне занятие.

Если же вы о новостях, так сказать, творческих...

По моей повести «Допрос» режиссёр Владимир Дель сделал отличный спектакль, который мы только что презентовали в Москве.

По моему рассказу «Белый квадрат» режиссёр Иван Павлючков снял одноименный фильм, который взял Гран-при на фестивале «Метры», обыграв 73 картины из 16 стран.

По моей повести «Восьмёрка» режиссёр Алексей Учитель снял фильм, в котором я сам сыграл небольшую роль, и он выйдет в начале следующего года, и уже включён в программу Каннского кинофестиваля.

Из вещей не отрадных: умер Борис Стругацкий...

– Чем запомнилось, – если запомнилось, – пребывание в Молдавии?

– Красивые, щедрые люди. Гость в аксельбантах и медалях, который просил в книжном магазине, чтоб мои слова переводили на румынский, хотя всё прекрасно понимал на русском. Пушкинский музей с прекрасным гидом. Весьма симптоматичная полицейская форма. Просторы и пространство молдавской природы.

– В Кишинёве, во время посещения музея А. С. Пушкина, Вы сказали, что каждый год всей семьёй – с детьми – посещаете Болдино. Зачем?

– Есть такая вещь, которую можно назвать «неизбежность места». Когда бываешь в Болдино, точно понимаешь, что болдинская осень могла быть только там. Там всё, что называется, намоленное, всё светится.

Схожие ощущения настигают в Константиново и в Ясной Поляне.

Туда тоже скоро поедет с детьми. Пусть дышат там в полную грудь.

– В знаменитом стихотворении Константина Симонова «Родина» есть строчки:

*«... Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три берёзы
При жизни никому нельзя отдать.»*

А что для Вас эти три берёзы?

– У меня больше, чем три берёзы. Я вообще жадный в этом смысле. Всё пространство русского языка и русской истории, всё пространство нашей географии – я воспринимаю как своё личное. Любая обида, нанесённая моему народу – моя личная обида.

– Как в сознании Захара стыкуется пиетет к атеистической советской эпохе и – искренняя вера в Бога?

– А как у вас сочетается любовь к Пушкину со сказкой о попе и работнике его Балде? Или со строками: «...мы добрых граждан позабавим... и у позорного столпа... кишкой последнего попа последнего царя удавим...»? Тоже ведь Пушкин.

Мне кажется, в стоическом и героическом советском опыте было куда больше истинной религиозности, чем в чиновничьей сволоте, стоящей в церквях, и в прекраснодушных фильмах про священников, которых играют российские актёры, известные в числе прочего нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Бесовской считали не только советскую эпоху, но и, к примеру, петровскую, и про Никона тоже много чего говорили – но крестимся мы всё равно тремя пальцами.

Времена и люди измеряются самыми разными вещами. В конечном итоге, вера в Бога не в состоянии отменить советскую власть. Она была – и это была одна из самых заметных эпох в мировой истории. Равно как, естественно, даже советской власти так и не хватило сил на то, чтоб отменить Бога.

Точнее сказать: советская власть надорвала жилы в этом занятии.

Лучше б и не начинала.

– Что для Вас православие?

– Способ жизни.

– При бурно меняющихся школьных программах, ниспровержении старых кумиров, если бы зависело от Вас, кого бы оставили в программе по литературе навечно и почему?

– Вечного ничего не бывает, но, в любом случае, советская литературная эпоха в лучших её образцах в состоянии дать примеры пассионарности, витальности и огромного душевного, как нынче бы сказали, драйва.

И при этом – истинной и высокой трагедийности бытия – опять таки, воистину религиозной.

Так что я, безусловно, вернул бы в учебники великого писателя Алексея Николаевича Толстого. Изучал бы несколько безусловно прекрасных вещей Валентина Катаева. «Дорогу на Океан» и повесть «Evgenia Ivanovna» Леонида Леонова.

Если говорить про другую сторону кордона, то я до сих пор не в курсе: проходят ли Владимира Набокова? Точно не проходят Гайто Газданова, а это великий писатель, волшебник – его надо изучать, от его прозы сияние исходит.

– Во время Великой Отечественной войны у многих на фронте были с собой книжечки стихов Есенина, Блока. Есть ли у Вас «свой» поэт, с которым – в бой, чьи стихи – у сердца, в нём?

– Ну, про бой – это громко сказано... Блок и Есенин меня вполне устраивают. Ещё Павел Васильев.

В последние годы – Борис Рыжий.

Пожалуй, вот именно эти четыре имени – главные мои спутники.

– Почему Ваш исследовательский взор обратился именно к Леониду Леонову? Собираетесь ли Вы продолжить эту линию в своём творчестве?

– Леонов – гений, поэтому и обратился.

К тому же, по внутреннему посылу, он для меня совершенно чуждый писатель: не очень любящий человека, достаточно холодный, по сути – жестокий.

Но та мощь, с которой он работал и писал лучшие свои вещи – она совершенно зачаровывает. Любой разумный ценитель литературы, прочитав «Пирамиду» поймёт, что имеет дело с писателем, соразмерным Достоевскому.

...Пока ничьих биографий я писать не собираюсь – это очень серьёзная и кропотливая работа. Хотя вот про Катаева Валентина Петровича я, может быть, и написал бы... Или про Анатолия Мариенгофа, тоже, кстати, отличного литератора... Или новую биографию Есенина... Или Гайдара... Но пока не буду.

– Книга. Она в Вас – каждая – вызревает постепенно, Вы всякий раз знаете, о чём она, зачем она? Или по ходу происходят метаморфозы – в сюжете, в идее – неожиданные и для самого автора?

– Метаморфоз, как правило, не бывает – в целом, в первый месяц работы я уже знаю как и что сложится, чем займутся герои и к чему придут.

Но главное – не это. Главное – ощущение, интонация – если интонацию нашёл, нашёл первые правильные слова, услышал мелодию текста – эта мелодия тебя выведет.

– Существуют ли для Вас непереносимые условия работы? Ну, там, определённое время суток, молитва, особенный кофе... В общем, как Вы настраиваетесь на работу? Знакомо ли состояние «не пишется», и как с ним справляетесь?

– Пишется всегда, как только есть свободное время.

Вдохновение мне не ведомо. Кофе я не пью. Работаю по утрам, с 8 до 12, либо вечером, с 8 и опять же до 12 ночи.

– Горячие поклонники и не менее горячие недоброжелатели – признак очевидного успеха, – премии, переводы книг, экранизации. Скажите, Вы собой довольны, в ладу с самим собой?

– Я собой доволен, и живу в ладу с самим собой. Вернее сказать, это не те темы, которые вообще меня занимают: хороший я, плохой. Мне очень мало дела

до этого. Есть много других тем для размышлений, куда более приятных и любопытных.

– *Филология, ОМОН, журналистика, писательство, музыка, кино, семейная жизнь. Вы очень многое успели и успеваете в жизни. В какой ипостаси Захар Прилепин хотел бы себя ещё попробовать?*

– Пожалуй, ни в какой.

Я хотел бы написать ещё пару хороших книг, выпустить несколько пластинок наших песен, воспитать, как минимум, тех четырёх детей, которые родились у нас с Марысей... Ну, можно ещё в кино сняться пару раз, хотя не обязательно.

Главное: я хотел бы оставить детям ту страну, за которую я бы не волновался, что послезавтра она обвалиться в тартарары. За эту переживаю.

– *За что Вы любите людей? А за что – нет?*

– Мужчин люблю за мужественность, женщин за женственность. Не очень приятно, когда у них всё наоборот.

...Терпеть не могу пошлость.

– *Необходимы ли Вам друзья, или Вы – самодостаточны? Захар Прилепин – хороший друг?*

– Я самодостаточен, и поэтому хороший друг.

Я никому не предлагаю свои проблемы для разрешения, но на 100 процентов уверен, что вокруг меня есть несколько друзей, которые придут в любое время дня и ночи, чтоб решить любую мою беду. И я к ним тоже приду.

– *Какими правилами руководствуетесь в воспитании детей?*

– Главное, чтоб они никогда не усомнились во мне, как в любящем человеке, который всегда их защитит.

Остальное они увидят по моему поведению. Ничему особенному учить детей не надо. Надо просто жить так, чтоб твоё поведение было для них образцом, а не твои нравоучения.

– *О чём не станете писать ни за какие деньги в мире?*

– О том, что русский человек раб, а Бога нет.

– *В преддверье Нового года принято спрашивать о планах. Чем удивит своих поклонников Захар Прилепин в год Змеи?*

– Без понятия. Будем работать – будем жить.

– *Как собираетесь встречать его и чего ждёте от Деда Мороза?*

– Я сам себе Дед Мороз.

В деревне будем с детьми, я, жена, собака породы сенбернар по кличке Шмель и коты.

– *«На свете счастья нет»?!*

– Счастья так много, что только успевай радоваться жизни и восхищаться ею. Жизнь изумительна и огромна.

Вопросы задавала **Олеся Рудягина**

Фото: **А. Вискалова**

ПРОЗА

Поле притяжения

ЮРИЙ ХОРОВСКИЙ

СУДЬБА БАРАБАНЩИЦЫ

Мы с Иваном и Сеней чаще всего ездим в «Бочку», и нас там любят.

Особенно любит нас швейцар Игорёк (он не дядька с бородой, какими чаще всего бывают ресторанные швейцары, и вовсе не в обшитом галунами френче, а в спортивных штанах и рубашке в клеточку с закатанными рукавами), душевный мент на пенсии. Он знает, что раз мы появились, будут обильные чаевые.

– Ванёк! А, Ванёк. Когда машину подогнать? А? А?

Ванёк это наш «искусствовед». Он снабжает нас колхозными халтурами (монументальная скульптура, живопись, наглядная агитация). Он даёт нам заработать и себя не обижает. Мы знаем, что он нас дурит и крадёт у нас деньги.

– К закрытию подгонишь. Каминный зал свободен, Игорёк?

Мы идём в каминный зал. Сегодня мы намерены купечествовать, потому что получили хорошие деньги. Там стол на двенадцать кувертов, черный гранитный камин, (его никогда не разжигают – он сильно дымит), огромная хрустальная люстра, под которой страшно сидеть, пока трезв, и длинная, в полстены, золотая рама, внутри которой поместились все, какие есть земные фрукты и ягоды, написанные маслом. Нас трое, и мы сидим на дальнем почётном конце стола у камина. Поели, выпили и нам хочется музыки.

– Зина (это наша официантка сегодня), давай музыку!

Музыкантов четверо, они ждут сигнала. Останавливают музыку в большом зале и несут свои инструменты к нам. Впереди главный, с аккордеоном на толстом брюхе. Пожилые скрипач и флейтист помогают нести барабан. Барабанщик, старик Архипыч, обычно идёт сзади с педальными тарелками, но сегодня вместо него тарелки несёт молодая женщина. Она и есть героиня моего рассказа. И было это всё в счастливое брежневское время зрелого социализма.

* * *

– Э! А где Архипыч?

Я разочарован. Архипыч всегда под конец выдает для меня виртуозное соло на барабанах (он много лет играл в большом эстрадном оркестре, пока не был уволен по старости) и получает пятьдесят рублей, половину своей пенсии. Он делает это с удовольствием, показывая своим товарищам мастерство и кураж, невостребованный среди них. Им нужно, чтобы он тихо отбивал ритм.

– Инфаркт. Инфаркт у Архипыча. В больницу свезли... некоторым образом. – Скрипач его дружок, и он тяжело переживает. – А барышня – его внучка. Не сомневайтесь, она хорошо бьёт, не хуже Архипыча. Некоторым образом...

Я в это не верю, но делать нечего. Моя воля – не понравится, не буду платить. Пока они играют, я присматриваюсь к барышне. Репертуар этого маленького нелепого оркестрика ограничен заигранными шлягерами советской эстрады, и ей скучно. На ней концертная униформа – чёрный низ, белый верх, и красная бабочка Архипыча – я узнаю её по уныло свисающим помятым крылышкам. Такое же безнадёжно унылое лицо и у неё под светлой чёлкой, и я не пытаюсь даже понять – от скуки разочарования – хороша ли она собой, нет ли. Наша Зиночка, нам известно (особенно Сеньке), что очень хороша. И Марусенька очень-очень хороша, но её сегодня нет, не её смена. Марусенька очень хороша, хотя и немножко черновата, как цыганка. Но шумна, и весела, и отзывчива... Ах, как отзывчива... Между тем, отыграв, как обычно, свои четыре номера, музыканты застыли и стали смотреть на меня. Скрипач спросил:

– Соло надо?..

Я пожал плечами и покивал головой, «пусть... что же теперь... ну... делать нечего».

Он посмотрел на неё и кивнул, «давай». А флейтист тихо вздохнул и отвернулся.

Ну что же, разве я возьмусь описывать игру на барабане? Стукнула здесь, стукнула там...

Поначалу она сделала длинную дробь, в конце которой грохнули тарелки, и уже в лице её появилось выражение. Открылись и сверкнули глаза, приоткрылся рот. Потом отбила сложный пассаж и опять грохнула. И пошло... зарозовели щёки пригожего большеглазого лица, моталась чёлка, сверкали зубы напряжённо открытого рта. Стучали, не переставая, большой и два малых барабана, грохотали тарелки, а руки мелькали, и мелькали палочки, и всё ускорялся ритм, и невозможно стало уследить за этим мельканьем и палочек, и рук. В начале её стука было больше веселья и юмора, но скоро в нём появился трагизм – глухие басы большого барабана и высокое стаккато длинных и коротких дробей. Звенели бубенцы маленького барабана, задыхались и плакали тарелки. Заплакала и барабанщица, и неожиданно оборвался стук, опустились палочки, повисла, укрыв глаза, золотая чёлка. Не смогли и не захотели спрятать удивление её товарищи – не ожидали. Отвернувшийся было флейтист Баранов восторженно моргал бараными глазами. Барабанщица поднялась и ушла в дверь, закрыв лицо рукою.

– Третий инфаркт... не жилец... – разводил руками скрипач, махал скрипкой и смычком, как птица крыльями. – Эх, Архипыч... говорил я ему...

Ванёк, равнодушный к музыке, тем более, к барабанной, курил и неравнодушно молчал. Молчал и Сенька, привыкший потешаться над моим барабанным всегдашним воодушевлением. Прониклись. У Архипыча все же нет... то есть, не было живой душевности в игре, а была только наглая виртуозность, которую он самодовольствовался. А вот внучка его...

– Как зовут её?.. Вот же, убежала, расплакалась... Как же мне передать ей... гонорар?

Я успел заметить, что она женщина интересной внешности, молода, лет двадцати пяти, золотая блондинка обычного роста и стройного сложения, впрочем, чуть по-спортивному широковата в плечах... кажется, это и всё... про лицо ничего не могу сказать. Лицо как-то не определилось.

– Далеко не убежала, – сказал скрипач. – Нам ещё доиграть надо... поплачет, придёт...

– Ну, так я подойду. Хочу сам ей денежку отдать.

Ванёк выплатил им обычное вознаграждение, налил по рюмке хорошего коньяка и они ушли в главный зал, унося ударную установку. Скоро залился звуками аккордеон, закрипела скрипочка, застучал барабан, «цым-ба, цым-ба, цым-ба». Мне любопытно стало выйти в зал, посмотреть на неё, разглядеть её лицо. Это важным мне показалось – увидеть её лицо и руки, если увижу, думал, узнаю что-то значимое про неё. Стал сбоку от небольшой эстрадки дожидаться перерыва между номерами. Лицо её – чуть покраснели глаза – опять скучно и невыразительно, такой живой несколько минут назад рот скорбно кривился. Она никуда не смотрела и ничего не видела, только свои равнодушные палочки в руках. Цым-ба, цым-ба... Кисти рук мне её показались немного мужскими, или скорее юношескими, широковатыми и ухватистыми, и заметил поблескивание золота на правой руке – не обручальное ли это кольцо? По тому настойчивому интересу, с которым мне хотелось разглядеть её правую руку, я вдруг понял, что мне очень интересно, замужем ли она. И пока продолжалась музыка, увеличивалось моё нетерпение. Наконец, затих последний, какой-то уж очень неблагозвучный аккорд, и я, так и не определив, что у неё на пальце, стал делать знаки, чтобы привлечь её внимание. Она увидела, удивилась и пожала плечами, «в чём дело?». У нас вышел мимический разговор. Я ей показал, что хочу с ней поговорить, а она мне на барабан, «я же на работе». «Два слова», изобразил я пальцами и губами, но тут заиграл аккордеон, началось попури из «Белой акации», и я вынужден был опять дожидаться. На счастье, попури оказалось не очень длинным, она подошла и наклонилась ко мне.

– Ну? Чего?

– Я вам денег должен... за вашу прекрасную игру.

– А... давайте.

Протянул пятьдесят рублей. Увидел обручальное кольцо на пальце.

– Ну... хорошо... спасибо. – Повернулась и ушла на своё место.

Вот... всё... можно возвращаться... делать нечего.

Пить, есть уже не хочется, хочется вдохнуть воздуха, продуть накуранные лёгкие. На широком крыльце Игорёк, душевный мент, курит, облокотясь о мраморные перила, дожидается клиента. Клиент – это живой наличник. Кругом лес, и впереди, от широкого крыльца, стелется короткий асфальт, частые низкие фонари с обеих сторон асфальта, недалёкое шоссе и мелькающие огни машин. Над лесом тусклое зарево – там город. На площадке перед крыльцом несколько легковушек. Вечером сюда иначе не доберёшься и не уедешь.

– Такси заказано, – говорит Игорёк. – Не бойсь, к закрытию подъедет. Или надо раньше?

– Слышь, Игорёк, закажи-ка мне машину. Отдельную. К закрытию. – Протягиваю ему десятку.

– Сей момент сделаю. – Он счастливо улыбается, как всегда, когда надо услужить, и убегает к телефону. Через пять минут возвращается. Успокоительный жест ладонью.

– Будет...

Мы стоим рядом, смотрим на небо, где должны быть звёзды, но их нет. Мёртвый электрический свет ближнего города стёр их сияющий блеск бурым туманом. Нечем любоваться, а мы стоим, смотрим... Говорить-то нам не о чем...

– Чего это с Архипычем? – Начинаю издалека.

– Кончается Степан Архипыч, третьего инфаркта не выдюжит ...

– А как же без него?

– Найдут... у нас не консерватория.

– А сегодня дамочка стучит... внучка его?

– Внучка.

– Хорошо стучит... её бы вместо деда.

– Не... она временно. У ней другая работа.

– Какая?

– Не знаю... кажись, писатель.

– Писатель – это разве работа?

– А барабанить девке разве работа?

– Ну да... А барабанит она хорошо. Как её зовут, не знаешь?

– Алевтина. Как мою бабу.

Постояли, глядя в бурое небо, и разошлись.

Ванёк уже пьян, Зиновка несёт ему минералку с газом. Сенька пьёт кофе. Мой кофе остывает, мне ничего не хочется. Я прислушиваюсь к музыке, жду «Подмосковные вечера». Это сигнал. Конец музыке. Ресторан закрывается. Ещё долго будут выпроваживать пьяных посетителей, считать выручку, убирать столы, но музыканты сворачиваются. Главный отвезёт их на своём «Москвиче» до города. Я оставляю деньги на столе, иду в зал. Алевтина уже сняла бабочку, накрыла барабаны чехлом.

– Я мог бы вас подвезти, куда вам надо... у меня вызвано такси.

Она смотрит на меня с сомнением.

– Меня отвезут.

Я еду в такси один.

* * *

Назавтра я опять в «Бочке». Один. Сажу в главном зале. Архипыч жив, оповестил меня Игорёк, но плох – нет надежды. На барабанах Алевтина. Она поглядывает в мою сторону, но равнодушно, а я ей улыбаюсь. Она понимает, что я здесь из-за неё. Сегодня нет уныния в её игре, появились краски, и я бы даже сказал – оттенки. Барабаны сегодня – лучшее, что есть в этом убогом коллективе. Коллектив прислушивается и старается играть лучше, но лучше бы не старался. В перерыве я иду к эстраде.

– Алевтина...

Она подходит к краю, сердито смотрит сверху.

– Я замужем, у меня двое детей.

Она мне нравится всё больше. Жар-птица трепещет крыльями в груди.

– И я женат... и у меня двое...

– Так зачем же?..

– Можно вас отвезти после работы?

– Можно...

Она идёт работать, я возвращаюсь к столику, а птица, взмахнув, складывает крылья.

Такси вѣзѣт нас в город.

– Как случилось, что вы так хорошо стучите?

– Тебя же интересует совсем другое. Почему же ты не спрашиваешь?

Я тоже перехожу на «ты».

– Сначала ответь на мой вопрос.

– Я слышу барабаны с первого дня жизни... и в детстве почти не играла в куклы, потому что руки всегда были заняты палочками.

– Ты правда замужем?

– Развелась неделю назад. А у деда случился инфаркт... не по этой ли причине? Он переживал...

– Почему развелась?

– Заявили помидоры... Сегодня я не могу никуда с тобой поехать, мне надо отпустить подругу. Она сторожит моих детей. Завтра... Днём, когда дети в садике... если тебе есть, куда меня повезти.

Опять захлопала крыльями жар-птица. У меня есть ключ от Ванькиной квартиры. Его не будет несколько дней – у него турне по колхозам. Последующий наш разговор ни о чём, он не интересен – главное уже сказано. Мы подъезжаем к её дому, она показывает подъезд и называет номер квартиры. Я должен забрать её завтра отсюда. В середине дня. У неё нельзя – её бывший ещё не съехал.

– Посигналишь, я выйду.

Я не решился поцеловать её на прощанье и укатил.

* * *

Мы провели час в Ванькиной квартире, выпили, поели клубники. Но так ничего между нами и не случилось.

– Если я у тебя на один раз, то мне это не надо. А если надолго, то спешить некуда. К тому же, у меня через полчаса встреча. Мой хочет отсудить у меня часть квартиры, и мне порекомендовали хорошего адвоката. Не кипятись... в следующий раз... обещаю.

Я остановил такси, и мы поехали к адвокату. Она протянула водителю бумажку с адресом.

– У меня к тебе просьба, – впервые услышал я в её голосе просительные интонации. – Не знаю, что за человек... побудь пока рядом.

В кабинет вошли вместе.

Молодой блондин приятной наружности оторвал глаза от газеты, лежащей перед ним. Глаза у него странные, очень светлые, и как будто заплаканные, хотя он улыбается нам навстречу лучезарно. Улыбка, весёлая и приветливая, чуть морщит его прямой строгий нос. Мне он очень симпатичен и захотелось, чтобы и Алевтине он понравился. Я оглядываюсь на неё и обмираю – что с женщиной сделалось. Суровая, безулыбчивая со мной, а прежде и со своими товарищами-музыкантами, она засветилась лицом, глядя на него, а вместе с радостью увидел я в её глазах муку. Такое, наверное, бывает у только что родившей матери, – и больно, и радостно. Влюбилась, подумал я, вот так вот, с первого взгляда, неужто такое бывает? Вот, кажется, бывает. Да и с ним, похоже, непорядок случился, как он на неё смотрит. Ему бы надо сказать нам приветливые слова, пригласить пройти и сесть, предложить кофе, а он, кажется, и слова сказать не может. «Она

его за муки полюбила, а он её за состраданье к ним». Или наоборот. Ну, короче, ясно... делать нечего.

— Если я не нужен... пойду...

Томительное чувство обиды и недоумения угнетало меня весь день, но наутро всё прошло, осталось только любопытство. Я не успел увязнуть — на счастье — в сердечных отношениях с Алевтиной, и разрыв, если это можно так громозвучно назвать, дался мне легко. Два дня я почти не вспоминал её, взрачивая и пестуя в себе равнодушие, но на третий день пересилило любопытство — сложились ли у них отношения? Вечером поехал в «Бочку».

Игорёк донёс, что Архипыч жив и даже пошёл на поправку. Крепкий старикан. Внучка просила сохранить за ним место в оркестре — по его просьбе. Каково? Только что чуть было не отбросил копыта, сказал Игорёк. Не откинул коньки, добавил я. Потому она решила поработать пока вместо него, чтобы никто не занял это место. Иди, иди, дорогой, у них только что начался перерыв. Я отправился в зал и сразу же увидел Алевтину. Она сидела за столиком рядом с эстрадой вместе со своим блондином. Таким образом, моё любопытство было удовлетворено. Можно было сразу же развернуться и уйти, но Алевтина заметила меня и замахала рукой. На миг вернулась обида, возникло кратковременное желание сделать вид, что я не увидел её приветствия, но, тряхнув головой, чтобы выбросить из неё эти глупости, подошёл к ним. Оба они тихо светились пылом любви. Блондин не переставал улыбаться, но в его странных, светлых и влажных, глазах я увидел печаль. Так же, как два дня назад я видел муку и радость в глазах Алевтины. Их обоих одолевали невнятные предчувствия то ли блаженного счастья, то ли страшной беды, предчувствия, с которыми они не знали, не могли сообразить, что делать. Они уже понимали, что не смогут существовать один без другого, но как осуществить это практически, ещё не смогли решить. Эта нерешённость, эти нерешительность и неуверенность таких уверенных и решительных людей, вызвали у меня ироническую улыбку и злорадство, — ага... вот... а как вы думали? Любовь это ответственность. Не шуры-муры. Одно дело увлечься, ну, переспать несколько раз, а как надоест — разлететься, как в небе самолёты... а другое дело...

— Ага... назло всем... дед и не собирается умирать... — Алевтина рада мне сообщить новость, и заодно прервать сложившуюся неловкую обстановку за столом. — На днях его выпишут. Он уже планирует, когда выйдет на работу...

Аккордеонист, их главный, поднялся на эстраду, за ним поднялись скрипач и флейтист, перерыв закончился. Я вижу, что сегодня работает Маруся, иду садиться за её столик. Если меня хватит, чтобы дожидаться, её можно отвести к Ваньке на квартиру.

Оркестр уже в полном составе. Что-то играют. Блондин сидит, подперев лицо ладонями.

Я съедаю кусок мяса, выпиваю бутылку вина и уезжаю домой.

* * *

Следующий год нашего с Алевтиной знакомства полон событий.

Архипыч пошёл на поправку, его перевели из реанимации в палату, в одно утро он встал, и пошёл чистить зубы, упал в коридоре и умер.

Блондин развёлся с женой, оставив ей двух мальчиков, квартиру и дачу.

Бывший муж Алевтины отсудил у неё одну комнату из трёх, блондин (оказалось, его зовут очень претенциозно – Майк) отказался вести защиту, посчитав это аморальным в данном конкретном случае. Алевтине пришлось размениваться.

В самый морозный день зимы, когда птицы падали на лету и на улицах валялись трупы замёрзших собак, Майк с Алевтиной расписались без свидетелей. Никто не пришёл в ЗАГС из-за холода.

У Майка произошёл нервный срыв, и он провел пять недель в психушке. После психушки он отказался работать и безвыходно сидел дома. Алевтина днём работала в редакции газеты, а вечером стучала в «Бочке».

Весной у Майка умерла мать, после похорон он повесился в туалете на водопроводной трубе, но его спасла Алевтина. Она держала его за ноги и кричала, чтобы девочки принесли ей нож из кухни.

В один из моих загулов в «Бочке», я отвёз Алевтину на Ванькину квартиру и занимался с ней любовью, пока нас дожидалось такси. Постепенно это стало системой.

* * *

– Этот идиот хочет уехать...

– Все хотят уехать... я, думаешь, не хочу? Такой бардак в стране...

– Его бабушка по отцовской линии была немкой. Из сосланных. Он хочет уехать в Германию.

– О, Германия! А что он там будет делать?

– Жрать немецкую колбасу, лёжа на немецком диване, что ещё он умеет делать. Пить немецкое пиво с немецкими орешками. Ты лучше спроси, что я... там буду делать. Я знаю по-немецки два слова: «хенде хох».

– Ты умеешь стучать на барабане.

– Кто мне даст стучать на барабане в Германии? А нянечкой в доме престарелых... горшки выносить? А как бы и не пришлось...

– Ну так и нечего ехать в неизвестность.

– Он уже бумаги собирает. И душу из меня вытряхивает... едем и едем.

– А на что ехать? Деньги нужны.

– Квартиру мою собирается продавать.

– С ума сошла? Останешься ни с чем. Некуда будет вернуться, если не сложится немецкая жизнь. А дети? Ну, дети привыкнут к другой жизни, а ты?..

– Говорит, ради детей и надо ехать.

– Врёт!.. Сейчас он у тебя на шее сидит, а потом детям на закорки сядет. Кукушка! Он своё будущее в чужое гнездо загодя подкладывает. Сволочь.

– Ты его не любишь, потому так и говоришь... Ревнуешь.

– Пусть он ревнует... Это я с тобой незаконно сплю. А ты его любишь непонятно за что, потому и не видишь, какая он сволочь.

– Он не сволочь! Не говори так про него? У него больная душа... ранимая. Он тонкий человек. Ему страшно жить.

– Ему уютно жить за твоей спиной, и он будет жить долго и удобно. А когда тебя доконает, будет с удобством жить за спиной твоих детей. Ты этого не хочешь понять.

– Неправда, он мучается своей ранимостью. Он себе вены резал – хотел умереть.

– И что? Не дорезал?

- Я его спасла...
- В очередной раз... Что это он так неумело кончает с собой? Каждый раз ты оказываешься рядом и спасаешь его. Тебе не кажется, что...
- Замолчи!
- Что он как раз очень умело это делает.
- Ты чёрствый и бездушный чурбан...
- Но вдруг в какой-то раз ты отвлечёшься... или не поймёшь... или не услышишь...
- Замолчи сейчас же... или я уйду.
- Надолго?
- И никогда больше не появлюсь в этой дурацкой квартире.
- Другой нету. Спасибо Ваньке...
- Я ухажу! И можешь меня не провожать.
- Ты трусики одеваешь задом наперёд...
- В другой раз всё заканчивалось мирно.
- В этой стране разве можно жить? Немошнные вожди помирают один за другим, а этот хоть и молодой, но меченый сатаной, он и страну угробит, и всех нас. Надо валить, пока ещё не поздно. Мы подали бумаги на Германию.
- Он всё-таки тащит тебя с собой... будете жить на пособие?
- Он будет работать.
- Кем? Каменщиком? Штукатуром? Сантехником?
- Не знаю... кем-нибудь. Всё равно. Но надо уехать.
- Ты скоро услышишь от него... «я вас вывез, а вы работайте».
- Мы ещё не получили разрешения. Может, и не получим. Пока не о чем говорить. Меня другое беспокоит.
- Твои дочки...
- Да. Они выросли, и теперь перечат ему во всём. Даже когда он прав... Я не знаю, как с ними справиться.
- А твой бывший муж дал разрешение?
- Какое разрешение? Господи боже мой!
- А ты не знаешь? Без его разрешения ты не сможешь вывезти детей.
- Но почему? Мы же в разводе!
- Такие правила. Давай я сниму с тебя этот хорошенький свитер.
- Ой, давай сегодня не будем... Я так вымотана... Ну и новость ты мне сообщил... Этот негодяй мне никогда не даст разрешения. Нет-нет... В другой раз...
- Ладно...
- И она уходила в расстройстве.

* * *

Прошёл год, но разрешения на ПМЖ (постоянное место жительства) в Германии они не получили. Майк вынудил жену продать квартиру и Большие Деньги Для Отъезда В Германию в тот же момент стали таять.

– Мы должны быть наготове, – требовал Майк. – Когда я получу разрешение, нам некогда будет заниматься продажей квартиры, мы должны будем уехать в два дня. Всё надо упаковать в коробки и чемоданы. Оставьте только самое необходимое.

Пришлось снимать комнату, жить в тесноте, но и это был немалый расход. За-

теяли учить немецкий всей семьёй – это тоже оказалось недёшево и безрезультативно. Работала по-прежнему на двух работах Алевтина. Какой уж тут немецкий? Майк сидел дома, боясь выходить на улицу, чтобы чего-нибудь не случилось. Сидел – это значит лежал и трепал нервы подросткам.

– Из школы сразу домой! – кричал он. – Возможна любая провокация. У меня полно врагов. И скромность, скромность! Я не позволю вам носить шутовские наряды! И никаких джинсов.

Девочки выходили из дому в скромных юбках и переодевались в джинсы за гаражами.

Выяснилось, что за год стоимость проданной квартиры возросла в два раза. Майк восемь дней пролежал, отвернувшись к стене, вставал поесть ночью – когда никто не видит – оставленную ему еду. На девятый день, ничуть не потеряв в весе, поскандалил с женой, обвинив её в том, что это она продешевила. И, вообще, поторопилась продавать. У Алевтины не хватило сил спорить с ним и требовать справедливости.

Жизнь становилась всё хуже в нашем южном столичном городе. Начался неудержимый галоп инфляции. Цены росли каждую ночь, пока народ спал, а деньги таяли, удлиняя цепочку нулей на ценниках и купюрах. Алевтина имела небольшой запас в надёжных долларах, но тщательно скрывала его от мужа. Он вполне был способен растратить его на какой-нибудь глупый прожект вроде покупки нескольких сотен утюгов для вывоза в Германию. И только недавно отказался от проекта покупки икон на предмет вложения капитала, не подверженного инфляции.

В республиках начались национальные революции. Многие укатили, улетели, уехали. Евреи – снабженцы и замначальники цехов – в Израиль и в Америку. Русские – замдиректора фабрик и проректоры институтов – в Россию, хохлы – парторги совхозов и заведующие универмагов – в самостоятельную Украину. Остановились и остыли фабрики и заводы. Распались на наделы богатейшие колхозы. Рассыпался СССР.

* * *

Я поехал в Москву с выставкой живописи и остался там. В Москве надувался пузырь современного искусства. Толпы иностранцев бродили по мастерским художников. Они покупали и платили наличными долларами. Им это было в десятки раз дешевле, чем в Париже, Лондоне или Нью-Йорке.

Я арендовал мастерскую на чердаке большого дома, жил в ней и работал. Стал забывать Алевтину и её проблемы.

В какое-то утро позвонили в дверь. Пошёл открывать. За дверью жалко улыбалась Алевтина, у её ног стояла большая «цыганская» сумка.

– Пустишь?..

– Как это ты меня нашла? Конечно... заходи.

Она переступила порог, я забрал у неё сумку из рук. Где-то внизу живота подняла голову и хлопнула крыльями хохлатая сонная птица.

– Я не одна...

Птица уронила голову и опять уснула.

– Они внизу... Можно... я схожу за ними?

Что тут скажешь?.. Да... Вот... Делать нечего...

– Сходи...

Она привела Майка и двоих своих выросших дочек. У каждого из них в руках по тяжелой сумке. Они измождены и пахнет от них железом и угольным дымом вокзала.

– У тебя можно выпить чаю?

Я пошёл на кухню ставить чайник. Следом пришла Алевтина.

– Прости меня... Если бы не измученные дети, я бы не решилась прийти к тебе.

– Да нет, ничего... Я думал, вы давно в Германии.

– Немцы пока не дают разрешения... Нам надо поесть и умыться. Мы не мылись три недели.

– Как вы тут-то оказались? В Москве... Голодные и невытые.

– Приехали из Бухареста через Прагу... У Майка есть враги, они преследовали нас, угрожали... нам пришлось скрываться, замечать следы.

Это что-то новое у моей старой подруги.

– Это же паранойя, Алевтина! Какие враги?

– Может быть, и нет никаких врагов... может быть, это нам только кажется. Но я же вижу, вокруг нас шастают какие-то странные люди. В Бухаресте, на вокзале, какой-то оборванец рылся в наших сумках, думая, что мы спим... Майк утверждает, что видит его не в первый раз. Он много раз видел его в Кишинёве, в разных одеждах. Что же, мне ему не верить?

– У твоего мужа большая психика, но ты... Алевтина! Это был обычный вокзальный вор. Такие есть на всех вокзалах мира.

Мучительно закипел полный чайник.

– Располагайся здесь, Алевтина. Вот чашки, здесь сахар. Там хлеб. В холодильнике масло... посмотри, что в нём есть ещё, всё можно съесть. Я схожу, приберу в душе, чтобы вам помыться...

Алевтинино семейство безмолвно и отчуждённо сидело на сумках там, где она их оставила. Майк располнел, оброс светлой бородкой и усами – для конспирации? Его жидкие глаза ещё больше блестели слезами. Но в них появилась ржавчина подозрительности. Он смотрел на меня и соображал, а не могу ли и я быть как-то причастным к его преследователям. Пусть думает, что хочет, мне-то что – побудут и уедут с глаз долой. Можно пожалеть этих двух девчушек (старшей уже лет двенадцать) – худых, неопрятных и одичавших от неустроенной цыганской жизни. А учатся ли они, пришло мне в голову, ходят ли они в школу? Мне подумалось, что они могут вот так, молча глядя перед собой, просидеть хоть целый день, не испытывая неудобства или неловкости. Лишь бы не трогали и ничего не требовали с них. Их худоба и анемичность могли происходить и от голодной неустроенной жизни, и от привычного страха перед психическим нездоровьем этого человека, и от ужаса перед непредсказуемостью будущего. А есть у них будущее? Я убрал кучу своих, приготовленных к стирке вещей, – всё руки не доходят, – положил новый кусок мыла в обёртке, достал полотенце. Полотенце одно, больше нет. Когда вернулся, они уже пили чай и жадно поедали бутерброды. Алевтина толсто мазала масло, а сверху укладывала пластики «докторской» колбасы. Девочки пробовали чай и подсыпали ещё ложку сахара, опять пробовали, и опять подсыпали – чай казался им не сладким.

– Можете идти смывать свою вокзальную грязь. – Мне было досадно, что я с трудом сдерживаю своё раздражение. – Осторожно с краном горячей воды, не

перекрутите. Полотенце одно на всех.

Майк ушёл мыться, девочки рылись в своих сумках. Алевтина рассказывала:

– С немецкой бабушкой ничего не вышло. Теперь я буду подавать бумаги здесь, в Москве. Пока идёт Приднестровская война, буду просить для нас статуса беженцев. Евреям дают, а по маме я еврейка. Хочу завтра отнести бумаги. Нам надо где-то пожить несколько дней. Ничего не посоветуешь?

– Ничего не посоветую. Снять комнату – сто долларов, а сейчас уже, наверное, и больше. Есть у вас деньги?

Она покачала головой. Я же понимаю, чего она хочет – остаться здесь. Нет... Не хочу. Мне гадко думать, что какое-то время должен буду видеть унылую физиономию Майка, голодных заторможенных девиц, а так же – вынужден себе в этом признаться – и Алевтину. Птица, которая дремала у меня внутри, кажется, опочила. Окоचурилась. Но отправить детей обратно на вокзал?..

– У меня есть кладовка, где я держу холсты, там, правда, нет окна. Если вас устроит, могу освободить на несколько дней.

Их устроило. Они дружно, по-комсомольски, вынесли холсты, стёрли пыль и вымыли пол. Я дал им пару старых одеял и пару простыней. Через час они затихли там и, заглянув, я увидел, что они мирно спят. По-семейному.

В этот день мне совсем не хотелось мазать кисточкой по холсту, в голове ворочались нехорошие мысли и одолевали плохие предчувствия.

Документы у Алевтины не приняли, не хватило каких-то бумажек. За ними надо переться в Кишинёв. Все подавлены, я тоже. Алевтина насухо всплакнула – все слёзы у неё уже выплаканы. Предвиделась длительная задержка, что меня никак не устраивало. Мне пришла счастливая мысль.

– Послушайте меня, какая вам разница, куда ехать, что вы зациклились на Германии. Вам же важно уехать? Так? Ну? Так подавайте в Америку. Перепишете анкеты и вперёд.

Последующие три дня были бурными, как штормовое море. Все по очереди рыдали, кричали, падали в обморок, пили сердечное, перессорились, помирились, но не пришли к единому решению. Майк хотел в Германию, остальные были согласны на Америку.

– Что вы ссоритесь? Идиоты! Подайте документы, а там будет видно. Или вы собираетесь до скончания века тут сидеть?

Шёл 92 год двадцатого века...

Алевтина пошла сдавать бумаги в американское посольство, и у неё их приняли.

Майк замкнулся и замолчал, лежал в углу кладовки, отвернувшись, и отказывался есть.

Алевтина достала из трусов платочек, вынула десять долларов и пошла их менять. Вернулась с телятиной, травками и приправами, сварила вкуснейший мясной суп, и стала соблазнять Майка. Он отказывался и был неумолим. Ночью я услышал подозрительные шорохи, поднялся, чтобы выяснить, в чём дело, и застучал Майка на кухне возле кастрюли – он руками вылавливал из неё мясо и пожирал.

– Ах ты сучий потрох! – разъярился я. – Так вот почему ты, гадина, и не жрёшь, и не подыхаешь с голоду.

Если бы не прибежавшая на шум Алевтина, я бы побил его, уже терпимость моя была на грани срыва. Она увела его, сняв с бороды капусту.

Он перестал выходить из кладовки днём. Алевтина, чтобы не раздражать меня, носила ему еду тайно. А я стал по ночам слышать тихие шаги. Всккивал и спешил на кухню, будоража в себе охотничий азарт, но никого не заставлял там. Однажды тихий шорох у входной двери привлёк мой настороженный слух. Майк стоял в носках под дверью, с большим кухонным ножом, исчезнувшим несколько дней назад, и прислушивался.

— Что ты здесь делаешь, дурик?

Он обернулся, и я увидел безумие в его глазах.

— Они уже здесь... пришли за мной... вот... пилят решётку.

Я стал прислушиваться невольно тоже, хотя понимал, что это мания. У него галлюцинации и он ничего не может слышать на самом деле. Но убедительным был его страх, нож дрожал в побелевшей руке. Я решительно повернул замок и распахнул дверь, за ней никого, только слабый свет шестидесяти ваттной лампочки и веник с совком.

— Не выходи, они рядом.

Я вышел, огляделся, демонстрируя ему пустоту.

— Никого нет!

— Они умеют быстро исчезать... Они ходили за нами в Праге, и бесполезно было оглядываться... Они умеют исчезать в воздухе. Я чувствую их запах.

Пришла Алевтина и увела его. Она всегда настороже.

— Его надо сдать в психушку, — говорил я ей наутро.

Она ничего не ответила. Но отвернулась от меня, как от ведра с помоями.

Ещё через несколько дней я вышел в магазин, забыв предупредить, что должен прийти сантехник, перекрыть стояк. Пьяный работник вентиля и вантуза позвонил в дверь, а когда ему не открыли, стал колотиться и орать, что доложит начальству. Я застал его, когда он уже стучал ногами, а рядом с ним стоял сосед, у которого забились канализация, и тоже громко возмущался. Я их впустил, они перекрыли воду и пошли чиниться. Обеспокоенная Алевтина взволнованно сообщила мне, что Майк заперся в туалете и не отвечает на её призывы открыть. Я ударом плеча вышиб слабый засов — и вовремя. Псих, вынув пояс из моего банного халата, привязал конец к трубе и уже просунул голову в петлю, стоя на шаткой табуретке. Алевтина кинулась к нему, обхватила руками и держала, пока я не снял петлю с его шеи. Когда он оказался на полу, я залепил ему звонкую оплеуху, но он, кажется, её не почувствовал. А у меня гулко колотилось сердце в горле.

— Всё, подруга, — говорил я спокойно, хотя в груди вместе с сердцем колотилась злость. — Собирайтесь... мне пора картину заканчивать, а я вместо этого психов из петли вытаскиваю. Тут недалеко пустует мастерская знакомого художника, я отведу вас туда. Его не будут ещё две недели.

Если бы я неистовствовал, Алевтина могла бы подумать, что, поплавав, меня можно уговорить не прогонять их, но моё спокойствие опрокинуло её надежду. Она поняла, что терпимость моя иссякла после мужниной суицидальной попытки, в своей привычности уже не производившей на неё такого ужаса, как на меня. Она повела неменяемого — если это не притворство — Майка собираться. Удивительно было мне, что девочки никак не отреагировали на это жуткое событие. То ли для них подобное стало привычным за время их жизни с Майком, то ли они, что одна, что другая, совершенно примитивны в своих эмоциях. Как последние дуручки. Они покидали в сумки свои вещи и через три минуты были готовы при-

вычно перемещаться в любое другое место. Немного больше понадобилось Алевтине. Майк уже был вполне дееспособен, помогал собирать свои вещи, ворчал, раздавая указания, и тем усилил моё убеждение, что все его суицидальные попытки являются гнусным притворством и желанием мучить и наказывать своих близких.

Мне стало немного жаль Алевтину. Больше всех в этой ситуации страдала она, живая, здравая, измученная обстоятельствами жизни женщина, терпеливо сносящая эту свою роковую судьбу. Если бы она сейчас слёзно попросила, я бы, кажется, смягчился... Когда-то мы были близки...

Мы перешли улицу, проехали четыре остановки на троллейбусе, и поднялись на такой же чердак, как у меня. Я оставил подавленной Алевтине ключи и ушёл. Но, возвращаясь домой, вместо радости удовлетворения мою душу мучили сомнения и стыд. Я очень легко находил жёсткие слова оправдания, уверял себя, что сделал всё что мог, – не выгнал же я их на улицу? И кто ещё сделал бы для них больше? Но ничего уже не могло меня оправдать перед самим собой, я знал, что буду терзаться.

Рано утром меня разбудил звонок в дверь. Я плохо спал, ночью грохотала сильная гроза, и мне не хотелось вставать и открывать дверь кому бы то ни было. Звонки были длинные и настойчивые, и пришлось мне пересилить себя. В дверях стояла старшая дочка, кажется, её звали Рита. Совершенно бесстрастно она произнесла:

– Мама просила приехать, там Майк повесился.

– Живой? – спросил я.

– Нет... насовсем. У нас милиция сидит.

Мёртвого Майка уже увезли в милицейский морг, и уже уехала скорая помощь. Следователь снимал показания с Алевтины, потом долго разговаривал со мной.

Во второй половине дня он уехал, взяв с Алевтины подписку о невыезде.

Через шесть дней ей сообщили, что дело закрыто, и предложили забрать тело для погребения. Я помог им закопать его задёшево на каком-то дальнем кладбище.

Ещё через шесть дней американцы разрешили им въехать в страну, потребовав дополнительно ещё одну справку: о смерти Майка. К тому времени, когда приехал мой знакомый художник, они уже улетели. Я вернул ему ключи, даже не сообщив о случившемся.

На этом можно было бы закончить рассказ о судьбе моей знакомой барабанщицы. Но одна навязчивая мысль не даёт мне покоя. Я вспоминаю эти несколько дней между смертью Майка и его похоронами, вижу деловитое спокойствие Алевтины, участливое внимание её к дочкам, с которых чешуёй сошли одичалость и безразличие и открылись живые и ясные глаза. Вспоминаю их разумные неспешные сборы и оптимистические рассуждения о будущей жизни в Америке, и всё с большей долей уверенности приравниваю к странному убеждению, что Алевтина, такая чуткая к суицидальному поведению Майка и столько раз спасавшая его из петли, на этот раз...

Впрочем... не стану продолжать.

ЛИТ-РА И ФИЗ-РА

Жанна Абрамовна Шишманович и Владимир Абрамович Шишманович никакие не были сестра и брат, а обыкновенные жена и муж. Правда, они не народили детей, и потому некоторые считали их – по общему отчеству – сестрой и братом. К тому же они чем-то малоуловимо, как часто бывает с супругами, походили друг на друга – трудно сказать, чем: одинаковой ли скуластостью, коренастостью или похожим ироническим выражением лиц? Оба они, когда находились на людях, одинаково кривили в полуулыбке уголки рта – Жанна Абрамовна левый, а Владимир Абрамович – правый, и, прищурившись, смотрели на людей, как на неразумных школьников, от которых они могли ждать только всяких глупостей и шалостей. Эту свою не вполне безобидную привычку Жанна Абрамовна и Владимир Абрамович приобрели в средней школе №17, где служили учителями, она – русского языка и литературы, а он – физкультуры. Школьники, надо сказать, их любили. На переменах прыщавые школьницы старших классов висли на Жанне Абрамовне, а мальчики того же возраста, неосознанно и без конца теребящие что-то в карманах брюк, окружали Владимира Абрамовича, выпрашивая у него «рассказ про войну» – Владимир Абрамович воевал в разведке. «Про языка... про языка расскажите, Владимир Абрамович». И Владимир Абрамович, покрывив снисходительно правый уголок рта, в который раз рассказывал, как он хватал и волок языка через линию фронта к своим. При этом телодвижениями и руками показывая, как это происходило. Особый успех имел у мальчиков ещё один рассказ о том, как Владимир Абрамович зарезал ножом здорового фрица, которого наша разведгруппа, возглавляемая, само собой, Владимиром Абрамовичем, застала в предзакатном тумане на нейтральной полосе. Здоровенный капрал и ещё двое фрицев тащили на свою фрицевскую сторону нашего придушенного и упакованного старшину. Жанна же Абрамовна была желанна у прыщавых старшеклассниц по схожей причине – она тоже что-то рассказывала им такое, от чего они совершенно млели к концу большой перемены. Как много лет спустя, на одной из классных встреч выяснилось, она пересказывала им сюжеты американских – трофейных – фильмов.

Если знать, что шёл пятьдесят третий год, только что кончилась эпоха Сталина, совсем недавно закончилась война, то понятным становится интерес школьников к фронтовым рассказам Владимира Абрамовича и к американским фильмам Жанны Абрамовны. И ещё надо понять, что тогда казавшиеся школьникам, – вовсе ещё детям, – взрослыми и солидными, они, наши герои, на самом деле были совсем молодыми – ему около тридцати, а ей ну навряд ли больше двадцати пяти.

Город, наполовину разрушенный бомбёжками, начал потихоньку восстанавливаться. Нижняя часть – одноэтажная Малановка – застроилась быстро. Стали заселяться еврейские тесные дворики, и Шишмановичи получили комнату в одном из них. Само собой – в коммуналке. И совсем недалеко от места работы, школы-семилетки №17, на счастье, потому как общественного транспорта почти что ещё не было в городе.

* * *

Мишенька проснулся раньше обычного, оттого что чего-то испугался. Кажется, кто-то крикнул совсем рядом. Стучало сердце, в затылке бегали мелкие мурашки, и даже тонко и тихо свистело в левом заспанном ухе. Крик как будто ещё висел рядом с ним, и он прислушивался к нему и хотел понять, что же за звук испугал и разбудил его. Очень похожим образом на днях крикнул на него огромный чёрный ворон, когда он кинул в него камень. Так не могла же крикнуть мама – он слышал, она сейчас в кухне готовит для него завтрак и скоро придёт будить его в школу. Папа давно, ещё с темнотой, ушёл на работу. Крик больше не повторился, и сердце успокоилось. Тогда Миша стал вспоминать ворона, напавшего на больного голубя, и лупившего его своим огромным клювом по голове. Голубь шатался и падал, пытался подняться и взмахивал крыльями, но ворон долбил и долбил его. Миша не решился напасть на огромную чёрную птицу, поднял камень и кинул в неё. Ворон отлетел на несколько шагов, наклонил злобно голову в сторону Миши и крикнул. Мише стало немного страшно, и он ушёл в школу. На обратном пути он видел растерзанного голубя, кучку окровавленных перьев, и горько пожалел, что не спас несчастного.

– Вставай, сыночка... – сказала мама, заглянув в приоткрытую дверь.

Уже вовсю светило в окно солнце, и Мише не нужно было напрягать волю, чтобы вылезти из пригретой постели, как это случалось с ним зимой. Он легко уселся, свесив ноги, поковырял в носу, потёр пятку о пятку, потянулся, застонав от напряжения мышц, и посидел ещё какое-то время, ссутулившись. Всё-таки как-то глупо сразу – по-молодецки – вскакивать и бежать чистить зубы и всё остальное, не получив поутру малую долю постельных удовольствий. Но всё же надо вставать. Приходится думать и о том, чтобы не опоздать в школу. Пока он ел варёное яйцо, хлеб с маслом и пил сладкий чай, мама – он слышал – говорила бабушке:

– Эти вчерашние соседи не успели въехать, а уже с утра пораньше поругались. Избавились от одних скандалистов, как на тебе, появились новые.

– Я здоровалась с ними вчера, – ответила бабушка, – они вполне приличные молодые люди. Слава богу, не какие-нибудь гои, как те.

– Ой, мама! Попадаются такие евреи, что хуже любого гоя.

На это бабушка не нашла что ответить.

«Те», которых имела в виду бабушка, были многодетным семейством, жившим скопом в одной комнате ровно через стенку. Отец семейства и два старших сына шумели, дрались и скандалили с соседями, когда напивались, а мать и две младшие дочки подворовывали во дворе всё, что плохо лежало или висело. И соседи всем двором написали письмо властям, что Цурканы живут в тесноте, в невыносимых условиях, и надо дать этим простым труженикам полноценную жилплощадь. Недавно их переселили, а бабушка по этому поводу сказала: «Кажется, мне теперь станет жалко тех людей, которые будут жить с ними рядом, а что я могу сделать?». В их комнату въехали новые соседи, но Миша ещё не был с ними знаком.

– Что ты возишься? Ещё немножко, и ты опоздаешь в класс.

Мама говорила это каждое утро, и эта фраза ровным счётом ничего не значила – всё шло своим чередом. Бабушка скovyрнула желток с Мишиной губы, дала ему в одну руку портфель, в другую – торбочку с непроливашкой, и выставила Мишу за дверь. Но ему пришлось вернуться от самых ворот, потому что

он вспомнил – у них сегодня чистописание, и надо заменить пёрышко, которое царапает, на другое, то есть – «лягушку» на одиннадцатый номер, если вы знаете, что это такое. Миша любил этот предмет – чис-то-пи-сание – и понимал важность хорошего пёрышка. Одиннадцатый номер делал прекрасные тонкие линии, но ещё лучше у Миши получались утолщения. Он даже на миг представил себе, переходя улицу, как обмакивает перо в непроливашку, и несёт его осторожно над чистым листом тетрадки, чтобы не уронить каплю... и почувствовал радостное предвкушение от учительской похвалы. Евдокия Сергеевна всегда его хвалила перед классом за старательность и красивый почерк.

Почти на том самом месте, где ворон растерзал голубя, Мише пришлось спрятаться в подворотне и переждать, чтобы не попасть на глаза хулигану Фуксу из второго «Б» класса. Не хотелось в который раз получить от него тычки коленом пониже живота и услышать оскорбительное «манная каша». Второгодник, чего от него можно ждать хорошего. Чтобы не опоздать к звонку, Миша заторопился – у ворот школы как всегда стоит Лысый Глобус и переписывает опоздавших. Все знают, что лучше в этот список не попадать.

Звонок – это никакой не звонок, а латунная снарядная гильза, внутри которой на проволочке болтается увесистая гайка, – этот «звонок» застал Мишу уже в классе. Миша никогда не опаздывал.

Вместо Евдокии Сергеевны пришла училка из старших классов.

– Здравствуйте, дети... садитесь. Меня зовут Жанна Абрамовна. Я сегодня заменю Евдокию Сергеевну на первом уроке. Кто мне скажет, что такое имя существительное... – ну и так далее и тому подобное.

Вечером, перед самым сном, у дверей совместного с новыми соседями туалета, Миша увидел выходящую из него, запахивающую на груди халатик, Жанну Абрамовну. Он не признал её сначала – вся голова её была в каких-то завязочках и бумажечках. От неожиданности не сообразил он поздороваться с ней, а она его не узнала и прошла мимо. Как же его было узнать, если у них в классе сорок два ученика.

Нельзя сказать, что Миша... что ли... сразу же влюбился в неё, – откуда же? второклассник, восемь лет, – но его посетило и осталось с ним какое-то новое, непознанное ранее, чувство приобщённости к таинствам взрослой жизни и, заодно, осознание его личного права на пользование этими таинствами. Такая строгая училка, из старших классов, с которой даже поздороваться боязно в коридорах школы, – вот она, только что вышла из туалета, сидение под ним ещё тёплое от её тела... и этот неожиданно пугающий беспорядок на её голове, бумажки, тряпочки висят, пустые глаза... а в разлёте халатика Миша увидел на миг её голые пухлые ноги. Его немного испугало возникшее пытливое любопытство к этой чужой женщине, ставшей вдруг близкой и неминуемой – коммунальной соседке. Теперь неизбежно придётся встречаться с ней в коридоре, на общей кухне, возможно, что и на улице по дороге в школу, или на школьном дворе. Теперь надо будет здороваться с ней и... с её мужем. Как-то не удавалось Мише пока совместить оба её значения – школьного и домашнего, затрапезного. Синий халатик в мелкий голубой горошек, застиранный и полинявший – «половая тряпка», как сказала бы бабушка, захоженные тапочки. Эти завязочки в голове. Разве училки такие могут быть? Неужели они такие у себя дома? И Евдокия Сергеевна?

И Миша впервые не заснул сразу же, как только уронил голову на подушку.

А наутро он переполошил бабушку, поднявшись намного раньше обычного времени. Стукнула соседская дверь за стеной, откуда он слышал вчера крик, испугавший его, — он уже не спал к тому времени, подрёмывал и ждал чего-то. Бабушка, живущая с ним в одной комнате, встает очень рано, и уже стучит посудой на кухне. В коридоре шлёпают тапки, скрипят двери... ему стало любопытно увидеть, чем заняты взрослые рано утром, пока спят дети. Он слышал папин голос и хлопнувшую входную дверь. Надев рубашку и сунув ноги в сандалии, вышел в коридор.

— Что такое случилось, Мишенька? Животик не болит, не дай бог? Что ты вскочил так рано? — она трогает губами лоб, тревожно заглядывает в его глаза. — Ты не заболел? Я пойду и скажу мамочке...

— Бабушка! Я просто вышел пописать. Ничего я не заболел.

— Зачем ты вышел, киндалэ? У тебя под кроватью горшочек, что ты не пописал туда?

— Не надо мне... никакой горшочек. Что я, маленький ребёночек?

— А что, уже большой? — она подёргала закрытую изнутри дверь. — Ну вы посмотрите, ребёнок не может попасть в туалет. Уже заняли.

— Бабушка! Тише! — Мише стало ужасно неловко за себя, а больше за бабушку, так бесцеремонно побеспокоившую людей, занятых интимным туалетным делом. — Что я, подождать не могу?

Он уже пожалел, что попался на удочку своего любопытства, и что получилась из этого такая неприятная история. И собрался уже быстренько удрать в свою комнату, но в это время грохнул крючок, открылась дверь, и вышел новый сосед... кто же ещё, как не муж Жанны Абрамовны. Это же!.. Он узнал в нём школьного учителя физкультуры... Голубая растянутая майка висела на нём поверх синих трико... Был он сердит и растрёпан, и совсем не похож на того бодрого и улыбчивого физкультурника, каким видел его Миша на школьном дворе.

— Что за нетерпёж, уважаемая... не успел ещё узнать, как вас зовут. Что тут у нас, очередь к зубному врачу?

От него пахло земляничным мылом, зубным порошком и немного потом. Он вошёл в свою дверь и громко хлопнул ею. Бабушка, к большому Мишиному облегчению, не стала дискутировать с соседом, благоразумно промолчала на его едкое высказывание.

— Иди, Мишенька... — только и сказала она.

Новые соседи не успели ещё повесить свою полку над умывальником, их туалетные предметы стояли на шаткой облезлой табуретке. Две зубные щётки в стакане смотрели в разные стороны, тут же — круглая картонка с пахучим зубным порошком. Из другого, металлического стаканчика, торчала складная опасная бритва, стоял мокрый помазок и флакончик зелёного одеколona. Лежала и ещё одна смешная вещь — обрезок кожаного ремня, прибитого мелкими гвоздиками к деревянному брусочку — править бритву. Миша постоял над табуреткой, пошатав её, потрогал каждую вещичку, с опаской приоткрыл бритву и, увидев сверкающее острейшее лезвие, быстро закрыл её. Ему стало неприятно от её сияющей остроты, как только он представил себе порезанный палец и вытекающую из него кровь. Эти чужие вещи не нравились ему, и принадлежали они не Жанне Абрамовне — ну, кроме одной, возможно, щётки. К тому же, откуда ему знать, какая из них её — обе они вызывали у него отвращение. Постояв ещё немного, на тот

случай, если кто-то – Жанна Абрамовна – дожидается своей очереди, чтобы дать понять ей, что он тут занят не праздным делом. Он даже догадался спустить воду в унитазе, откинул крючок и вышел. Немного разочаровавшись, что никто не дожидается своей очереди в коридоре, ушёл в свою комнату, прилёг спиной на кровать. И сейчас же понял, что всё утро и даже часть ночи, в предутренней дрёме, он думал и хотел увидеть Жанну Абрамовну, чувствуя к ней заинтересованное любопытство. И совсем ему неинтересен и несимпатичен её муж. Физкультурник, подумал о нём с неприязнью и стал вспоминать и перечислять его плохие приметы. Нагрубил бабушке – хотя, конечно, бабушка тоже дала повод ему для раздражения, но всё равно... И мог бы выходить в общественное место не в таком затрапезном виде – голая, отвратительно волосатая грудь, и даже на плечах и на жилистых руках чёрные кудри, – прикрыл бы их какой-нибудь рубашкой. В доме ведь живут две чужие женщины. Ещё в трусах вышел бы. Правда, справедливо будет сказать, что и папа ходит по коридору в таком виде, но он всё же не такой ужасно волосатый. А эти его протёртые и вытянутые на коленях спортивные трико... Миша мог бы ещё найти в нём какие-то малоприятные черты, но посчитал, что и так нашёл их достаточно, чтобы невзлюбить этого человека. Хотя и пытался честно найти ему оправдание.

Пришла мама выяснять, не сделалось ли с Мишей какой-нибудь болезни, вроде расстройства желудка и не наелся ли он в школе случайной гадости. Может быть, ему не пойти сегодня в школу? Первое побуждение у Миши было согласиться с ней и остаться дома – не часто же мама делает такие предложения. Но целый день провести в скуке домашнего безделья, с неотступно опекающей его бабушкой?... Лучше школа... и если не киснуть в классе во время переменок... то можно стать участником множества событий шумной школьной жизни... тут ему подумалось о Жанне Абрамовне, но он назначил себе, что дело всё же не в ней...

На большой перемене, съев бабушкин диетический бутерброд и яблоко, он неожиданно оказался возле учительской. Постоял, читая юмористические объявления школьной пионерской организации, а когда забренчал звонок, увидел и Жанну Абрамовну. Он хотел поздороваться, но она, занятая весёлым разговором с другой учительницей, прошла мимо, не заметив его намеренья. Вернувшись в класс и запросто получив от Евдокии Сергеевны пятёрку по арифметике, он уже собирал портфель, чтобы пойти домой и порадовать пятёркой папу, который считал арифметику главным жизненным предметом в школе, когда в класс вошла Жанна Абрамовна. Ей надо было пошептаться о чём-то с Евдокией Сергеевной и взять от неё рубль на подарок завучу. Пока они шептались, все ученики разошлись – и только Миша остался сидеть за своей партой. Он и сам хотел бы разобраться, почему это он не ушёл вместе со всеми, но пока не находил никаких причин.

– Миша! А ты почему не идёшь домой?

– Я... у меня... я не знаю... – И неожиданно для самого себя произнёс. – У меня живот болит... Евдокия Сергеевна...

Это выскочило из него, возможно, потому что и мама, и бабушка всё утро беспокоились, не болит ли у него живот, и ему даже немного хотелось этого, и приятна была эта обеспокоенность. И, может быть, таким способом легко было обратить на себя внимание Жанны Абрамовны. Так и случилось.

– Как?... Когда у тебя заболел живот? – забеспокоилась Евдокия Сергеевна. – Что ты ел сегодня?

Ещё больше обеспокоилась Жанна Абрамовна.

– Может, надо вызвать скорую? Тебя не тошнит?

– Сегодня утром заболело... немного тошнило, но уже не тошнит... – Миша теперь вынужден был продолжать свою ложь, он побледнел, и ему показалось, что его уже немного подташнивает.

– Точно?! Тебя не тошнит?

– Кажется... немножко...

Теперь уже совершенно точно Мишу тошнило, он ещё больше побледнел и даже начал покрываться потом страха. Он вполне ясно представил себе машину скорой помощи, свирепую врачиху, похожую на приходившую к нему из детской поликлиники, когда у него открылась ангина. Представилось, как его увозят в больницу, а бабушка ужасается и шепчет, «я же говорила! но разве меня кто-то слушает?».

– Жанночка, дорогая... Кажется, вы теперь живёте в том же дворе, где и Миша... Не отведёте ли вы его домой? Их бабушка всегда дома... если родители на работе.

– В том же дворе? Ну что же, конечно... Ты можешь идти, Миша?

Она отобрала у него портфель, взяла его под руку и осторожно повела из класса.

– Не беспокойтесь, Евдокия Сергеевна, – сказала она от самых дверей. – Я отведу его и сдам бабушке. И вызову врача, если понадобится...

Пока они шли по улице, Жанна Абрамовна всё переживала и не сводила с Миши обеспокоенных глаз. На углу им встретился хулиган и второгодник Фукс и сделал большие глаза, увидев рядом с Мишей училку, но всё же не удержался, чтобы не сказать ему в спину: «Манная каша!». Бабушка разволновалась, а Жанна Абрамовна очень удивилась, что Миша оказался столь близким соседом, и не ушла к себе, пока вместе с бабушкой не уложила мальчика в постель.

– Я всегда говорю... но кто же меня слушает, – жаловалась бабушка. – Что, для ребёнка важнее арифметика, чем здоровье? Кому нужна арифметика, если болит живот? А самое лучшее средство от живота, что б вы знали, столовая ложка керосина.

– Боже мой, что вы говорите? – пугалась Жанна Абрамовна. – Какой керосин?

Бабушка уже поставила перед кроватью таз на случай, если Мишу будет тошнить. Поставила на газ кастрюльку с водой, чтобы сварить какую-то кишечную ядовитую травку. Жанна Абрамовна советовала промывать желудок большим количеством слабого раствора марганцовки, а Мишу так напугали все эти советы и приготовления, что его вдруг вытошнило в таз.

– Ну, слава богу, – сказала бабушка Жанне Абрамовне. – Сейчас ему полегчает.

И Мише, на самом деле, стало просто и хорошо, во-первых, потому, что он не был пойман на лжи, и никто не станет о нём думать плохо, а во-вторых, теперь Жанна Абрамовна уже не сможет пройти равнодушно мимо, не обратив на него никакого внимания.

Она улыбалась ему, с облегчением думая, что опасность для мальчика миновала, и теперь она может спокойно рассказать в учительской, что больной мальчик Миша уже отведён ею под присмотр бабушки и пошёл на поправку.

— Ну вот, Миша, лежи и поправляйся, а вечером я зайду тебя проведать. — И повернулась к бабушке. — А мне пора бежать на вторую смену. Школ мало, классы раздуты и приходится работать в две смены. Да и педагогов не хватает, в основном работают женщины... вы же понимаете, мужчин мало...

Миша был доволен сегодняшним днём, несмотря на случившуюся мнимую болезнь. Конечно, не получится укрыться и от бабушкиного горького лекарства. И до конца дня вынужден будет он проваляться в унылой постели безо всякой вкусной бабушкиной еды, но уныние вскоре прошло, когда вспомнился ему некоторое время спустя сегодняшний урок чистописания. Одиннадцатый номер пёрышка не подвёл его, и диктант был написан без малейшей помарочки. А какие Миша вывел легчайшие линии завитков и горизонталей. Вместе с тем, вполне можно было удовлетвориться и прямыми ровными утолщениями с острыми уголками, которые не каждому в классе удаются. А лучше будет сказать, вообще никому не удаются лучше, чем Мише. И даже круглая отличница Надька Войкова не умеет так чистописать. Завтра ему не нужно будет и в тетрадку заглядывать, проверенную и розданную Евдокией Сергеевной, чтобы знать, что там стоит пятёрка с плюсом. Честолубивые медленные мысли возникали и утекали из Мишиной памяти и, наконец, перестали возникать. Он и не заметил, как заснул. А когда пробудился, в окне уже видно было вечернее синее небо, за дверью шел какой-то разговор, слышался раздражённый голос отца. Миша лежал, почему-то ужасно сердился, не очень понимая со сна, на кого же он сердится. Никто ему не приснился, — например, второгодник Фукс, — на кого можно было бы рассердиться, а когда пришла бабушка его проведать, и выяснилось, что заходила Жанна Абрамовна, он догадался, что сердился на самого себя, что глупо, как малыш, заснул и пропустил её визит. Ему даже захотелось всплакнуть, но слёзы не пролились, а только пощипали в носу.

— Ну что, Мишка, не спишь? — папа просунул голову в дверь.

— Я пятёрку получил по арифметике...

Тут уж папа не удержался, чтобы не зайти к приболевшему сыну и не похвалить его. Он мало интересовался его каждодневными школьными делами, во-первых, по занятости, а во-вторых, считая его малышом, и потому его воспитание и здоровье подведомственно было матери и бабушке. Работа не оставляла ему сколько-нибудь времени для семьи, он уходил рано и приходил поздно, а по выходным дням, если они выдавались свободными, запирался в кладовке и распечатывал многочисленные накопившиеся негативы. У него была фикс-идея запечатлеть историю города Кишинёва, его разрушений и послевоенного восстановления. По долгу службы приходилось ему целыми днями мотаться по городу и он, пользуясь этим, не переставал щёлкать городские пейзажи трофеем «Лейкой». Недавно даже состоялась небольшая фотовыставка в фойе кинотеатра «Патрия», где несколькими фотографиями участвовал и папа. Выставка называлась «Наш любимый город». Вся семья ходила смотреть эту выставку, а заодно посмотрели индийский фильм с Радж Капуром.

— Что это ты сегодня бабушке с мамой устроил? Перепугал всех, переволновал... Даже учительница приходила справляться о твоём здоровье.

— Не знаю, папа... Почему-то затошнило немножко...

— Как же немножко, когда вон даже тазик стоит... Как сейчас, не тошнит? А скажи-ка, сынок, ты ничего в кладовке не трогал из моих химикатов? А то, знаешь, среди них имеются очень даже опасные для жизни вещества.

— Нет, папа, я ничего там не трогал, ты же предупреждал меня... что там яды.

— Ну, яды не яды, а отравиться можно... впрочем, даже и умереть. Так что смотри, ничего не трогай там. Ну ладно, засыпай...

Когда все уже улеглись, и даже бабушка на своей высокой кровати, повздыхав и помянув несколько раз еврейского бога, задышала открытым ртом, Миша, выспавшись, лежал без сна и вдруг понял, что прислушивается к тихому разговору за стеной. Сначала что-то бубнил мужской голос. Ему нервно отвечал женский. Были узнаваемы некоторые слова — «война, письмо, майор». Совсем не хотелось ему вслушиваться в чужие голоса, но в комнате стояла покойная тишина, под кроватью поскрипывало и похрустывало, — то ли мышиный зуб скоблил сухую корочку, то ли тараканье жвало, — и это было интереснее и важнее. Голоса мешали и раздражали своей напористостью, становились громче. Там начиналась ссора.

— ...надоели твои оскорбления... вынуждена тебя выслушивать, твои пьяные бредни... мне некуда сбежать от тебя...

— ...всё знаю... видел этого майора... пока я гнил в окопе...

— ...не рассказывай мне... гнил в окопе...

— ...этого не смей касаться... шлюха вокзальная...

— ...идиот... сколько мне было лет... пятнадцать... что я знала про это...

Всё больше этот невнятный неистовый разговор завораживал и пугал Мишу. Это ведь была Жанна Абрамовна, а мужчина... её муж... физкультурник... он в чём-то упрекал её, обзывал гадкими словами. Какой же негодяй этот физкультурник! Папа с мамой тоже иногда ссорятся, но стоит маме сказать: «Замолчи, ребёнок услышит», папины крики тут же смолкают. Родители всех детей мира думают, что их детёныши не могут знать жизни, а значит, не могут понимать их взрослых разговоров. Большое и обидное заблуждение. Дети всего мира сознательно и предумышленно притворяются непонимающими, хитрят, чтобы не настораживать взрослых. Они многое понимают. А если что-то не понимают, то уж точно всё непонятое хорошо запоминают, чтобы дожидаться случая, когда понятное и непонятное совместятся и станут на своё место. И это происходит быстрее и чаще, чем воображают недалёкие взрослые. Некоторые женщины — матери — что-то подозревают, они замечают в детских глазах, в случайно увиденном их взгляде, какое-то тайное знание, тут же упрятанное от них до лучших времён. Мужчины же — отцы — высокомерно не видят этого. Их легко обмануть. А у этих... крикунов за стеной... между ними нет ребёнка, которого надо было бы остерегаться. Они слышат только свои оглушительные голоса и потому не слышат друг друга, и это заводит их и заряжает гадкой энергией. Они не хотят остановиться. Миша накрыл голову подушкой, чтобы ничего не слышать. И долго ещё не мог заснуть.

* * *

На большой перемене перед дверью маленького школьного спортзала собиралась кучка старшеклассников, в центре которой всегда жестикулировал и размахивал руками физрук Владимир Абрамович. Кучка состояла почти всегда из одних и тех же старших учеников, кстати, разных классов, и как уяснил для себя

Миша, школьных интеллектуалов. Двое из них регулярно писали в пионерскую стенгазету, другой её рисовал, ещё двое были школьные поэты, зачитывающие свои поэмы на праздничных вечерах. Были в этой кучке и другие, об интеллектуальных увлечениях которых Миша не знал. С тех пор как Шишмановичи стали его соседями, он не переставал с живостью наблюдать за ними в школе, как только возникала такая возможность. На переменах, особенно на большой, он один из первых – что никогда раньше не случалось – покидал класс, и торопился к спортзалу, или бежал в коридор, где он мог повстречать Жанну Абрамовну в окружении старшекласниц – он постепенно освоил её расписание уроков. Впрочем, так же, как и расписание физрука. Он слышал, как старшие ребята сокращают для удобства названия предметов – литературу они называли «лит-ра», а физкультуру «физ-ра», и ему придумалось, как можно назвать его любимый предмет – «чис-пис». Он всегда делал вид, что случайно или по какому-нибудь делу оказался возле старшекласников, старался не приближаться к ним, чтобы его не прогнали и не надавали по затылку. Но держался поблизости, чтобы слышать, о чём они говорят. Ему было интересно слушать взрослые разговоры.

– Владимир Абрамович, – спрашивал один из поэтов, – я вчера читал, что вселенная бесконечна, но разве такое может быть?

– А чёрт её знает, Сашка, – отвечал физрук. – Я так считаю, что всё имеет начало и конец. Но раз они пишут, что она всегда была и всегда будет, то, значит, они имеют в виду что-то своё, недоступное нашему пониманию, потому что «бесконечность» и «всегда» это всего лишь слова. Что такое «вселенная»? Для нас с тобой, Сашка, это всего-навсего привычное слово, и мы с тобой навряд ли поймём, что за этим словом стоит. По мне, Сашок, вся эта наша вселенная, огромная и бесконечная, может оказаться пузырьком воздуха в кипящем чайнике на какой-нибудь коммунальной кухне, но в другом измерении пространства. А? Нет? Вот и я не знаю. Мы с тобой необученные обыватели. Учись, Сашок, осваивай. А чего это ты не задашь свой вопрос Валентине Анатольевне?

– Да у нашей астрономички на все вопросы один ответ: читайте в учебнике, там всё написано. Он утверждён в орбиту.

А Миша, склонившись конспиративно над развязанным шнурком, прислушивался к такому интересному разговору старших и додумывал: «А может и наоборот быть с этой самой вселенной... а вдруг в бабушкином чайнике, да в каждом пузырьке – по такой вселенной... надо присмотреться».

В другой раз другой поэт интересовался, что же всё-таки есть бог, и есть ли он вообще.

– А не спрашивал, Коля, ты свою бабушку насчёт бога?

– Спрашивал! Она говорит – есть.

– А я говорю, нету бога – вот и выбирай, кому ты больше веришь. Веришь в него – он есть, не веришь – его и нету. По моему пониманию, бог есть последняя надежда испуганного человечка перед страхом смерти. Вот, помню, был у нас сержант... – и начинались обычные его рассказы из военной жизни. Но вдруг кто-то замечал Мишу и, обругав, – «А ну пошёл отсюда, пацан!» – прогонял его пинком под зад. Миша не обижался, потому что знал, что так было всегда, во всех школах всего мира, и будет всегда, а в старших классах он и сам станет пинать наглую малышню. Всему своё время. И всё же он немного завидовал и обоим поэтам, и даже обругавшему и пнувшему его Вовке Цинклеру, капитану футбол-

ной команды, и остальным... они задавали умные вопросы и получали умные ответы. Что сказал бы папа... или бабушка... спроси я их про вселенную в чайнике? Стали бы щупать лоб и трясти градусником. Тут же уложили бы в постель.

Прощая старшекласников, Миша не прощал физрука. Владимира Абрамовича. «Физ-ра» – презрительно думал он о нём. Встретив в коридоре школы, или дома возле туалета, «физ-ра» угрюмо не замечал своего малолетнего соседа, не отвечал на его тихие приветствия, и Миша перестал здороваться с ним. И сейчас «физ-ра» мог бы защитить Мишу перед старшими ребятами, но не захотел сделать это и отвернулся равнодушно. Совсем другая была «лит-ра», Жанна Абрамовна. Миша различал эти два похожих слова, «физ-ра» и «лит-ра», как он различал болезнь и здоровье, тоску и радость, ночь и день. Он бывал счастлив, когда она приветливо улыбалась ему и трепала по кудрявой голове, и совсем не обидно подшучивала над ним, как будто знала про него какую-то тайну. Но и Миша таил в себе волнующую память о её голых пышных ногах в разлёте халатика. Он берёт это своё счастье и не злоупотреблял им, старался не слишком часто попадать ей на глаза, чтобы не девальвировать её отношение к нему. Предпочитал любить её издали. Любить... Этим словом он обозначал чувство, которое было у него по отношению в маме или бабушке, частично к отцу, но вместе с тем, он начинал подозревать, что это слово может обозначать что-то ещё, более волнующее. От чего стучит сердце и горячают щёки. Зная, когда у старшекласников «лит-ра», он невзначай оказывался в коридоре недалеко от класса, где закончился урок литературы и, спрятавшись за какой-нибудь группкой возбуждённых девиц, наблюдал за своим «предметом». Миша – если бы нам надо было дать о нём сжатую характеристику – был по своей сути «наблюдатель». Вдумчивый наблюдатель. Он не носился, как другие, по коридорам или двору школы, растрчивая энергию в буйстве мальчишеских состязаний, бессмысленных шкодах и выходках... он наблюдал. Не имея при этом никакой практической цели – если просто, то такова была его натура, ему было интересно наблюдать. Он видел, что Жанна Абрамовна и её муж редко пересекаются в школе – у каждого своя зона ответственности. А если и встречаются, то почти не реагируют друг на друга. Никогда не идут из школы вместе. У физкультурника каждый день находятся важные дела, чтобы задержаться в школе допоздна – футбольная команда, секция бокса или какой-нибудь вечер воспоминаний. Он даже затеял выпускать свою юмористическую спортивную стенгазету «Секунда решает всё», и теперь его можно часто видеть с Вовкой Цинклером, оказавшимся хорошим рисовальщиком. Не ходил он и в продовольственный магазин. Жанна Абрамовна по дороге из школы делала небольшой крюк, чтобы купить хлеб, колбасу и кефир. Это и было их каждодневное питание. «Как можно не покушать горячего бульона? Это же верная язва желудка», – тихо возмущалась бабушка. И только по воскресеньям, если не было нагрузки в школе, Жанна Абрамовна варила на общей кухне какой-то сомнительный супчик, от которого совсем не пахло так соблазнительно вкусно, как от бабушкиных кастрюль. По вечерам у соседей закипал чайник, физкультурник заваривал себе в большущей чашке крепчайший чай, сыпал три ложки сахара, и долго гремел ложкой, а Жанна Абрамовна кипятила в эмалированной кастрюльке кофейный напиток – несладкий, у неё был повышенный сахар – и уносила в свою комнату. Там она пила напиток из красивой – синей с золотом – чашечки, и мыла её потом под общим краном. Миша трогательно любил и восхищался этой синей чашеч-

кой, терпеливо ожидающей вечера на посудной полке соседей. Рядом с нею нагло стояла плохо отмытая большая и глупая чашка физкультурника, и не однажды Миша с негодованием отодвигал её, сдерживая в себе соблазн уронить её на пол. Редко, но всё же иногда случалось, что физкультурник приходил домой поздно, когда Миша уже лежал в постели, и тогда за стеной слышался его более громкий, чем всегда, голос и в нём звучали другие интонации. Становилось понятно, что физкультурник пьян. Миша знал, что это такое по прежним соседям, помнил их шумные скандалы, драки и ругань. Он ждал чего-нибудь такого и от нынешних, но Жанна Абрамовна, как видно, умела умирять мужа. «Успокойся... и не ори, – доносилось до Миши, – мальчик услышит». Мальчик всё слышал через стенку и ужасно негодовал, что такой замечательной женщине приходится терпеть от мужа обиды. «Ах, если бы я мог... если бы только мог... если бы у меня были силы... я бы... я бы... убил его!» – зарывался он в подушку лицом, что бы не слышать ненавистного голоса.

«...какого же чёрта ты на мне женился? умолял... требовал... донимал моих бедных родителей...»

«меня гнали на войну... на смерть...»

«и ты желал оставить после себя вдову... юную... совсем юную вдову...»

«я хотел, чтобы... меня кто-нибудь ждал... с войны... чтобы не страшно было под пулями...»

«и поэтому... ты меня сейчас...»

Миша старался не слушать этот нескончаемый диалог, но невозможно было его не слышать. Он мало понимал, и не хотел понимать смысла услышанных слов, но хорошо слышал и разумел злую враждебность одного голоса и покаянное недоумение другого.

* * *

– Говори тише... Совсем не нужно, чтобы ребёнок слышал нашу ругань.

– Не затыкай мне рот этим своим дурацким ребёнком!

– Своим? Своего... я уже никогда не буду иметь. А чужому совершенно незачем слышать твои бесконечные обвинения и оскорбления.

– Я бы не заставил тебя сделать аборт, если бы был уверен, что это мой ребёнок. А не майорский.

– Эту историю я слышу не первый год, и мне уже невозможно отвечать на твои упрёки. Думай, что хочешь, только не доставай меня своим идиотизмом.

– Вот я и думаю, что ты ...лядь...

– И прекрати пить! Не заметишь, как сопьёшься... Тебя выгонят из школы... и куда ты пойдёшь? Мести улицы?

– Я фронтовик, никто меня не выгонит.

– Твои фронтовые басни можешь втюхивать своим школьникам, только не мне.

– Замолчи, дрянь! Не смей этого касаться! Ещё раз... прибью...

– Не вздумай распускать руки... Я тебя в милицию сдам. Не хватало, чтобы я в школу приходила с синяками.

Арифметика никак не шла сегодня у Миши, не решались примеры из-за того, что плохо вспоминалась таблица умножения. Скоро уже ложиться спать, а уроки ещё не сделаны. Он сидел за своим столом, подпирая лицо рукой, включал и выключал зелёный грибок настольной лампы. В комнате то становилось непроница-

емо темно, и тогда перед глазами медленно угасала спираль лампочки, то резкий свет больно ударял по глазам. Сегодняшним воскресным утром соседи мирно и улыбочиво вернулись из бани, добродушно выслушали положенные поздравления с лёгким паром от бабушки и мамы, положено благодарили, розовощёкие, пахнущие земляничным мылом. У физкультурника с папой вышел приятный разговор о международном положении страны. Бабушка предложила им свежесваренный компот, и мужчины не отказались – выпили и поплевались косточками. Мама с Жанной Абрамовной болтали о пустом, о каком-то крепдешине и креп-жоржете, о вреде сахара при диабете и для стройности женского тела, довольно глупо смеялись и сговорились вместе попить кофе без сахара. Светло и приятно было Мише видеть такую мирную воскресную картину быта, добродушных тихих людей, берегущих общественный покой. В окне стояло послеполуденное яркое солнце, уже не такое жаркое, какое оно бывает летом, изредка за стеклом падал пожелтевший лист, предвестник южной теплой, фруктовой и виноградной осени. Это было почти счастье. Миша, попив компота, решил, что пора пойти делать на завтра арифметику – он любил таинство сложения и вычитания цифр, нравился ему закономерный порядок таблицы умножения. Уходя в свою комнату, он услышал, что физкультурнику надо сходить ненадолго на встречу с фронтовым товарищем, и это почему-то обеспокоило его. Лучше бы не ходил никуда, подумал он, обязательно же всё испортит. Так и произошло. Физкультурник явился не скоро, уже начинало темнеть. Грохотал чем-то на кухне, хлопал дверью. Заварив свой крепкий чай, – слышно было, как громко звякала ложка, размешивая сахар, – ушёл к себе. Всё время, пока его не было дома, у Миши не шла его любимая арифметика, он прислушивался и ждал, что должен вот-вот прийти физкультурник, и случится что-нибудь неприятное. Сначала за стеной было тихо, едва слышался невнятный разговор. Заходила бабушка, доставала что-то из шкафа. В комнате родителей долго стучала швейная машинка – Миша знал, что бабушка шьёт новые наволочки. Когда замолкла машинка, началась ссора за стеной.

– Не вздумай распускать руки... Я тебя в милицию сдам. Не хватало, чтобы я в школу приходила с синяками.

– Ах ты... .. вокзальная, ты меня в милицию сдашь?! Меня? Фронтовика? Да я пришибу тебя раньше, чем ты выйдешь за порог! Она... .. меня... .. в милицию сдаст!

– Твой дружок, с которым ты пил, такой же фронтовик, как ты?

Заглянувшая в дверь мама велела укладываться спать по позднему времени, неоконченная арифметика была сложена в портфель, и Миша, быстро раздевшись, залез под одеяло, разгневанный на проклятого физкультурника, испортившего такой прекрасный воскресный день. Злость давила ему на сердце, нервная дрожь неприятно трясла тело и стискивала зубы. Он очень жалел Жанну Абрамовну, страстно желал, чтобы пришла милиция, много милиционеров, вооружённых пистолетами, и арестовала злодея. Он представил, что пьяный физкультурник оказывает сопротивление представителям власти, и раздаётся счастливый выстрел, убивающий его. Но никакая милиция не пришла, продолжалась ссора, ужасно было слушать оскорбительные слова разъярённого соседа, плач Жанны Абрамовны, грохот падающих предметов. Миша зажимал себе уши, замуривал глаза, но куда было деваться от происходящего за стеной. Почему ничего не делают папа с мамой, почему они не вызывают милицию, почему они терпят этот ужасный скандал? Может быть, они ничего не слышат? «Опять какой-то геволт у соседей,

– иногда говорит бабушка. – Что они, корочку хлеба не могут поделить?». «Не наше дело», – отвечает мама. А папа вообще ни во что не желает вмешиваться.

– Дурак! Ненормальный! Мне было пятнадцать лет в сорок четвёртом, что я могла понимать в этом возрасте. Откуда мне было знать, что хочет от меня майор?

– Всё ты хорошо знала... Ты пилилась с ним целый год, пока я не пришёл из армии.

– Твоя сестра всегда меня ненавидела, не знаю, почему... Что она могла знать? Она один раз только и видела меня с ним... Вы с ней больные люди... Я хочу развестись с тобой... мне нелегко всё это слушать без конца... Почему ты не даёшь мне развода?

– Ты хочешь легко от меня отделаться...

– А ты хочешь всю жизнь меня мучить... Ты наслаждаешься этим... И прекрати орать, соседям совершенно необязательно знать, какой ты идиот... И мальчик может услышать...

Почему-то эта последняя фраза про мальчика ещё больше разозлила злодея, вскрикнула и разрыдалась несчастная Жанна Абрамовна... Хлопали двери, слышались голоса бабушки и мамы... В комнате, едва освещённой косым лунным лучом, на полу шевелились тени листьев, на стене желтело пятно далёкого уличного фонаря, а маленькое Мишино сердце уже не дрожало от негодования, билось ровно и спокойно – ясная и чёткая мысль успокоила его. Эта мысль внезапно появилась в Мишиной голове, утвердилась там и уже никуда не могла деться... Приоткрылась дверь, осветив электричеством часть комнаты. Миша поднял голову и увидел Жанну Абрамовну в её голубом халатике, протиснувшуюся в дверную щель и спиной прижавшуюся к стене. Услышал тихий голос бабушки.

– Стой-таки здесь, пока я не приду за тобой... А... Кто бы мог подумать...

Дверь закрылась, стало опять темно, и жалобно всхлипнула Жанна Абрамовна. Она не видела ничего в тёмной комнате, стояла, опасаясь стукнуть чем-нибудь, хотела плакать и боялась на шуметь. Миша хорошо видел её светлый халатик, белые полные босые ноги и широкие круглые колени, голые руки на груди и опрокинутое лицо, блеснувшие мокрые щёки. Его уже не душило негодование. Спокойствие и снисходительная жалость к ней, несчастной женщине, захватило его, хотелось погладить и пожалеть её, как бабушка его жалеет, когда он болен и температурит. Откинул одеяло, опустил ноги и, не нащупав тапочек, остался сидеть, ссутулившись. Жанна Абрамовна заметила в темноте какое-то движение, присмотревшись, увидела сидящую фигуру.

– Ой... Мишенька... я разбудила тебя?

Миша не стал отвечать. Он был занят своей сияющей мыслью, своим новым знанием.

– Я сейчас... прости... я сейчас уйду.

Она тронула дверную ручку, но осталась стоять.

– Я убью его, – услышала она.

– Кого?... Ой, ну что ты... – прошептала она. – Что ты говоришь? Он немного понервничал... он немного нервный... Ложись, спи. Ничего такого не произошло.

Приоткрылась дверь.

– Ну? Что ты стоишь? Он уже извиняется...

– Спи, Мишенька...

Миша уже не мог спать, он прислушивался к звукам, наполняющим пространство и закоулки квартиры, и понимал их происхождение и значение. В туалете неслышимо шумел бачок унитаза. В кухне мылась посуда – бабушка всегда делает это шумно, гремя тарелками и звеня вилками. За стеной у соседей шёл тихий, но не мирный разговор, а за дверью, прикрытой, чтобы не тревожить спящего ребёнка, мама с папой обсуждали громким шёпотом происшествие: «ребёнок... испугать ребёнка... наглость...», шептала мама, «вопиющая безответственность... правила общежития... поставить на вид...», заводил себя папа. Под кроватью, среди пыльных чемоданов, пискнули, деля корку, мыши. Вымыв посуду, пришла бабушка, улеглась и скоро засопела. Легли спать родители на свою скрипучую тахту: папе рано вставать, завтра тяжёлый день – понедельник. Замолчали и соседи. Миша знал, что первый сон некрепкий и надо терпеливо выждать, чтобы все жители квартиры надёжно заснули. Чутко спит мама, надо пройти мимо неё очень тихо, чтобы не скрипнула под ногой ни одна доска. И двери... эти скрипучие двери. Чтобы не было соблазна встать раньше времени, он решил медленно досчитать до тысячи, но, досчитав до половины и побоявшись уснуть, решил, что достаточно. Квартира давно спит. Не стал влезать в тапочки, шлёпающие по пяткам, пошёл босиком. Переступил скрипучее место и, взявшись за дверную ручку, вдруг вспомнил, что внутри громко щёлкает пружина, если нажать её до упора. «Недалеко бы я ушёл, – сухо думал он, медленно поворачивая ручку, – если бы не вспомнил вовремя. Какая ещё может впереди ждать опасность, надо всё предусмотреть. Дверь только немного прикрыть, чтобы не шуметь на обратном пути, стол обойти слева, пригнувшись, чтобы не видно было с тахты, если мама откроет глаза. Папу можно не бояться, он спит крепко. Дверь в коридор закрыта на задвижку, придётся повозиться, чтобы не стукнуть. И ещё одна опасность – тугая и скрипучая дверь в кладовку...». Он добрался до кладовки, почти не наделав шума, но тут ему пришлось долго и очень осторожно, по сантиметру тянуть дверь, протискиваться и медленно закрывать её за собой, чтобы без опаски включить свет. Здесь он не смог бы обойтись без света, в темноте он не обнаружил бы то, что ему было нужно. Везде стояли и лежали на полках во множестве ненужные вещи, но главной вещью был папин увеличитель – красивый, ухоженный и очень важный предмет. Тут же были и другие волшебные предметы для изготовления фотографий: и рамка, и резак, и глянецватель, но Мише они были не нужны. Он искал тёмные, коричневого стекла, банки с чёрными навинченными крышками. Когда-то, ещё в первом классе, измученный любопытством, дождавшись отсутствия родителей, он закрылся здесь и обследовал это чудесное хранилище. Тогда он и обнаружил эти банки на нижних полках. На боках они имели печатные этикетки, с непонятными, но ядовитыми, страшными словами. Но он был обнаружен здесь бабушкой, и папе велено было переставить их на самую верхнюю полку, под потолок, «во избежание...». «Чтобы ребёнок не умер в страшных мучениях», – сказала бабушка. Теперь нужно было как-то их достать, не нашумев. Миша влез на папину фотографическую табуретку, широкая надёжная полка, на которой стоял увеличитель, выдержала его вес, но до банок было ещё не достать рукой. Он стал на колени, дотянулся до табуретки и поднял её на полку. Теперь ему стало немного страшно – вот они, ядовитые банки. Если стать на табуретку, можно взять любую из них. Но какую? И ещё один вопрос нечаянно возник сам собой. Разве это не преступление, то, что Миша собирается сделать? Конечно,

это ужасное преступление, просто ужасное. И никому... никому... нельзя будет про это рассказать. И Жанна Абрамовна никогда не узнает... Маленькая рыжая банка смотрела на него своей этикеткой, на которой было напечатано «МЕТОЛ», но это слово показалось Мише не очень опасным, и он решил посмотреть другие банки. Для этого надо было залезть на табуретку, на самый верх шаткой конструкции, с которой легко можно свалиться и наделать грохота. Но, проделав такой опасный путь, глупо было бы не пройти его до конца. В другой раз может не хватить у Миши решимости – нет-нет, только сейчас. Держась за боковые полки, он осторожно подтянулся руками и стал ногами на табуретку – теперь он уже мог рассмотреть надписи на банках. «КРАСНАЯ КРОВЯНАЯ СОЛЬ». Какой ужас! Возможно, это как раз то, что нужно, но кристаллы в банке оказались яркого оранжевого цвета, кроме того, это была соль... «ГИДРОХИНОН». Тоже страшное слово, и содержимое за стеклом какого-то мерзкого цвета и отвратительно комковатое... А вот это, пожалуй, лучше всего подойдёт, оно похоже на сахар... «ГИПОСУЛЬФИТ». Слезть оказалось труднее, чем подняться, шаталась табуретка, и мешала прижатая к груди банка. Спустившись и тихонько пройдя в кухню, Миша достал с чужой полки фаянсовую сахарницу и, при свете ярко светившей в окно луны, всыпал в неё из тёмной банки ядовитые кристаллы. Сахарницу поставил на место, банку отнёс в кладовку и спрятал её на нижнюю полку. Наверх он уже не решился лезть. Пробрался в постель, не забыв аккуратно закрыть за собой все двери, и через несколько минут уже спал непробудным сном.

* * *

Утром, проснувшийся рано Владимир Абрамович, всыпал в свою чашку большую щепоть индийского чая из пачки со слоном, плеснул туда крутого кипятку и накрыл блюдцем. Ровно через пять минут, – столько положено завариваться чаю, – он добавил туда три ложки сахара с бугром, помешал и хлебнул. Ему показалось, что чай неприятно солоноват, но он выпил половину, думая, что ему кажется после вчерашней пьянки. Другую половину всё же вылил в раковину. Пока он собирался в школу, умываясь и бреясь, его вдруг прохватило понос, он уселся на унитаз, и просидел на нём с небольшими перерывами почти целый день, пропустив школу.

ЮРИЙ ХОРОВСКИЙ – художник, прозаик. Родился в 1946 году в Чадыр-Лунге, в семье офицера. В школу пошёл в Кишинёве. В 1965 году окончил Кишинёвское художественное училище им. Репина. С 1970 года – член Союза Художников СССР. В 1989 стал сотрудничать с галереей М. Гельмана и переехал в Москву. Провёл около 30-ти персональных выставок в Молдове, России и за рубежом. Пишет прозу давно, но не пытался печататься. Первая публикация состоялась в литературном альманахе «Диалог» в 2012 году. Совсем недавно в Кишинёве вышла его книга рассказов «Большие и очень большие неприятности».

Ближние зарубежья

УЗБЕКИСТАН

«Бывает, два дерева, растущие поодаль друг от друга, не имеют, на первый взгляд, ничего общего. Кроны их шумят, каждая о своем, не соприкасаясь. У каждого – свое солнце, свое небо, свой ветер в листве. Но попробуйте выкорчевать одно из деревьев – и убедитесь, что не сумеете сделать это, не повредив корней другого, ибо каменистая почва, взрастившая их, – одна на двоих...»

Вадим Муратханов

Сегодня мы знакомим читателя с представителями литературы Узбекистана. Одной, или все же двух разных литератур – русской и узбекской? Двух разных? Скорее, многих разных: разноречивых, разнонаправленных, разноречивых, разноречивых... и при этом единых – связанных крепкими узами общего времени и пространства, неделимого ощущения причастности к обжигающим солнечным бликам в песках, к облакам в перевернутой над головой пиале неба, к мозаичной эмали куполов мечетей, к тягучей мелодии ветра, заплывавшей в тутовых ветвях, к вездесущим назойливым майнам¹ в пыли махалля, к дрожащему воздуху над Афросиабом, к движенью нефритовых вод Анхора, к духу и самой сути этой земли.

Вика Чембарцева, ведущая рубрики

ШАМШАД АБДУЛЛАЕВ

Шамшад Абдуллаев – поэт, прозаик, эссеист. Родился 1 ноября 1957 г. в Фергане. Лидер Ферганской поэтической школы. Редактор электронного альманаха «Припоминающийся дом». Лауреат премии им. А. Белого за 1993 год, премии журнала «Знамя» за 1998 год и Русской премии за 2006 г. Участник 4-го Ташкентского открытого фестиваля поэзии (2005). В 1991–1995 гг. был заведующим поэзии журнала «Звезда Востока». Публикации в журналах «Звезда Востока», «Воум», «Знамя», «Волга», «Уральская новь», «Черновик», «Интерпоэзия», «Книголюб», «Вестнике новой литературы», «Митингом журнале», альманахах «Так Как», «Молодость», «Поэзия и Фергана», «Малый шелковый путь», «Все мы, Азия, твои дети», сборнике «24 поэта и 2 комиссара», «Поэзии и критике», антологиях «Кто говорит. Двенадцать поэтов из России и Финляндии», «Освобожденный Улисс» и др. Автор книг «Промежуток» (1992), «Медленное лето» (1997), «Неподвижная поверхность» (2003). Живет в Фергане.

ЗАБЫТЫЙ ФИЛЬМ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

В довершение ко всему, летнее пламя. Ни дерева, ни дощатого навеса: только белая стена, залитая огнем, — под нею дуреет желтый, худосочный кот (он казался бы мертвым, если б не пугающая обдуманность его позы). Какая пустынная округа, пронизанная солнцем! Возможно, опасная пустынность? На пыльной, неверной поверхности земли, на глянцевиных камешках, на известковых приступках стены солнце расплатило насекомых — везде по-разному. Трое юнцов, словно фигуры из другой картины, появляются справа. Не их ли мы ждали? Несмотря на жесткость их поступи, они вряд ли оставят царапины на трогательной хрупкости захватанной пленки. Несчастная пленка. Однако ничто не лопнет, не разорвется: мир существует, пока что-то движет юнцами, и они движут нами, когда мы следим, как они бредут, пересекая пейзаж и озираясь изредка. Они безразличны к ландшафту, к следам запустения — словно лишь безразличие может сохранить их достоинство. Хотел бы я иметь их спокойную пристальность и серые францисканские сандалии. Так ли существенно, что это — «Местность близ реки Арно», как гласит надпись над верхней тесемкой немого кадра? Куда важнее, что теперь мы учимся видеть вне нас, где необретенное уже утрачено.

ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

Окно распахнуто в середине лета.
Птичье кланье — быстро,
быстро, и это не важно. Отсвет
гнилой воды полоснул
солнце; гигантская ночь позади, как если б
Лотреамон пересек уже океан. В три часа дня
смотришь вниз, где белеет каждая мелочь
с укоризненной ясностью. Вполголоса
читают в бледной комнате
молитву; кто? Лето несчастных,
сказал бы мой друг.

СТАРЫЙ ДОМ

Чужой голос: медленный ветер
и солнце. Муравьи клубятся у
линии судьбы, как если б немой фильм
пустили в прозрачный день. Рука и простор:
забываешь простые богатства. Предвечерье, когда
намаз открывает желтеющий воздух над ветошью комнат. Кошка
делает «аминь», будто шиит, молящийся одной рукой.
В летней абстракции меняется климат, и свет
рассекает надвое змеиную тишину.
Выход?

ВОКРУГ ПАЗОЛИНИ

Когда тебе четырнадцать или пятнадцать,
кто-то непременно входит в твою судьбу, не похожий на братьев твоих,
соучеников или товарищей по улице. Он старше тебя и потому
не испытывает к тебе враждебности. Самое
захватывающее то, что он вовсе не ищет в тебе недостатков –
это трогает. Открытие первой встречи, залитой солнцем.
Затем –
мурашки по коже от его беспричинной и веской заботливости...
Край проезжей дороги. Окна, тронутые пылью городских окраин.
Ветер раскачивает зелень непрерывно, и непрерывность
остается здесь надолго, словно клочок этой местности.
О своем ничтожестве узнаешь постепенно – сам.
И не дай бог рассказать об этом знакомстве друзьям:
голос переменится, словно тебя ударило током и отпустило,
и кажется, что твое «я» существует сейчас где-то вовне,
и ты не в силах вобрать его – опять – в себя,
пока не утихнет волнение. Стыдно,
когда голос твой становится чужим, настолько чужим,
что даже то, о чем ты настойчиво думаешь,
может оказаться чем-то иным,
к восприятию которого не готовы твои сверстники,
чьи лица меняют выражения, если
медленно отдаляться от них, оборачиваясь
к ним то и дело, среди пустынной улицы.

САБИТ МАДАЛИЕВ

Сабит Мадалиев – поэт, прозаик, переводчик, публицист. Родился 2 марта 1949 г. в Джамбуле. Окончил Литературный институт им. М. Горького (1977). В 1991–1996 гг. – главный редактор журнала «Звезда Востока» (Ташкент). Стихи публиковались в журналах «Звезда Востока», «Дружба народов», «Новый мир», «Огонек», альманахах «Молодость», «Малый шелковый путь» и др. Книги стихов: «Время цветения персика» (1977), «Поющие пески» (1979), «Марафон» (1983), «Восхождение» (1986), «И полыхает солнце» (1986), «Июльский воздух опаляет дух» (1988), «Рубаи» (1999) и др. Поэтический перевод сур Корана «Молитвы пророка Мухаммада» (1999), «Окликнула душу печаль» (2003). Член Международной академии «Евразия». Участник Ташкентских открытых фестивалей поэзии (2001, 2002, 2003, 2008). Живет в Ташкенте.

* * *

Я помню причитанья,
всхлипы,
возгласы
и в сумерках
рассветный
узкий двор,
двух человек
усталый
хриплый спор...
Отец ко мне подходит,
гладит волосы.
А дедушка мой где?..
Протяжный кашель,
Слякоть,
подходит кто-то вдруг,
меня целует в лоб,
и кто-то шепчет мне,
что надо бы поплакать...
Толпа людей
и в дрожь
бросающий озноб...
Сегодня снова дождь,
синюшный день
и слякоть,
лишь через тридцать лет
мне привелось
заплакать...

* * *

Беспечный ветер наметал песок
на улицы пустынные,
шары
сухой травы и перекасти-поля
бесцельно перекатывались,
солнце,
величественно уходило солнце
за горизонт.
Безмолвствовал кишлак.

Малыш, похожий на меня,
у дома
сидел, сосредоточенный и тихий,
и хмурился,
как взрослый,
но увидев
меня, он улыбнулся
и исчез
за низкою калиткой,
где над нею,
у входа в дом,
висели на воротах
двух жертвенных баранов черепа.

Присев у самовара,
чуть ссутулясь,
и крепко сжав беззубый рот,
старуха

внимательно прислушивалась к музыке
и пенью закипающей воды.
Все было так же сотни лет назад –
Я уходил из дома,
плыл песок,
за подворотней пес скулил печально,
малыш чертил
фигурки на земле,
и думала о вечности старуха.

Все будет так –
я вновь уйду из дома,
все так же будет самовар кипеть,
и, утомившись ждать меня,
ребенок
однажды,
повзрослев,
уйдет из дома.

НОЧЬ ИЗУЧЕНЬЕ АНГЛИЙСКОГО

как будто может дерево расти
корнями устремляясь к небесам
повиснув кроной в воздухе усталом
как будто может на снегу трава
цвести нежнее чем в самом апреле
не напрягаясь
не боясь замерзнуть
а лепестками шевеля раскованно
рискованно на вьюжистом ветру
приходят люди
для которых небо
колпак который можно заменить
а слово компас
за которым можно
идти в страну неведомую прежде
мы брошенные дети
говорим
с природою на разных языках
попробуйте услышать и понять нас
и может быть поймете
отчего
трава цветет среди завалов снега
а дерево растет корнями вверх

ВО СНЕ Я ПЛАКАЛ

каждый раз когда закрывается
за уходящим дверь
больше всего я боюсь
что больше он не вернется

все
не надо меня успокаивать
руки мои не дрожат
туман рассеялся над глазами

только время просачиваясь сквозь песок
гранит моего ожидания
напоминает

дверь за собою закрыла сестра
и больше не возвращалась

маму я проводил до дверей
и больше ее не видел

дверь за собою прикрыл отец
и больше не постучался

иногда
когда штормит по ночам
а в сердце моем разрываются звезды
я подхожу к двери
чтобы ступить в пространство
обволакивающей пустоты
но никак не могу открыть
эту самую дверь

ГУЗАЛЬ БЕГИМ

Гузаль Бегим (Гузаль Матякубова) — родилась 31 января 1974 года в Кушкупирском районе Хорезмской области Узбекистана. Окончила факультет узбекской филологии Национального университета Республики, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Участница 6-го Ташкентского фестиваля поэзии (2008), Алма-Атинского фестиваля поэзии (2008), Форумов переводчиков стран СНГ и Балтии (2009-2011), международного Азиатского поэтического фестиваля во Вьетнаме (2011 — международная литературная медаль). Член союз писателей Узбекистана. Автор книг: «Сукунат жаранги» («Звон тишины», Ташкент, 1998), «Учаётган япрок сояси» («Тень порхающего листа», Ташкент, 2002), «Меджнунсоат» (Ташкент, 2012) и коллективных сборников: «Узбекская модернистическая поэзия» (Ташкент, 2003), «Книга молодых поэтов и писателей» (Ташкент, 2008), «Анор/Гранат» (Москва, 2008), Аннотированный каталог (Ереван, 2009; стихи на русском языке), «Антология первого поэтического Азиатского фестиваля» (подборка стихов на вьетнамском языке, Ханой, 2012). Стихи переведены на русский, английский, вьетнамский, украинский и казахский языки. Переводит на узбекский язык. Работает в республиканском детском журнале «Гунча».

Из цикла «ЖЕМЧУЖНЫЙ ШЕПОТ»

* * *

Ночь в комнату вошла, раскинув одеянье. Я слушала ее дыхание, замерев, и вырастала за окном гора из лунных листьев, по небу кружащих. Мне счастье не давало глаз закрыть. При виде остановленных мгновений хотелось прошептать «о, пробудитесь». И было одиночество так полно, что больше никого бы не впустило. И золотую лунную листву я воспевала алыми губами.

* * *

Сердце мое — обитель луны, обитель свободы — я изнутри украшаю виденьями духа. Воспоминанья мои оживают в портрете девушки, что наклонилась над

собственным сердцем. Как в ее мысли проникнуть, как разглядеть, что отражается в блеске лучей на ресницах? Я бы хотела навеки остаться во взгляде той, что склонилась над алым трепещущим сердцем...

* * *

«Эй, человек, прислонившийся к дивному дереву», слышишь ли ты мерное тиканье? Эти часы – мое сердце. Среди миллионов секунд кровообращения я пытаюсь поймать мгновения цвета огня. Эй, человек, видишь ли ты, как на кончиках пальцев счастье мое полыхает полями тюльпанов? Сможешь ли ты сопротивляться пламени, что зацвело на вершинах протянутых рук?

* * *

«В дороге холода пронзили душу», но все же розы сердца шлю тебе я. Их аромат впитали ночи цвета изумруда. Я прижимаю черенки к груди – и каждый вечер руки вместо губ с тобою говорят. Теперь я буду жить лишь по велению сердца. Слова зависли в воздухе. Шипы в твоё окно протягивают письма, пропитанные ароматом роз. В их запахе и волжская волна, и Африки банановые рощи, и саксаулы древних Каракумов. Но имя, что хранится в розе сердца, приносит только боль созревшим чувствам.

Переводы *Елены Фельдман*

АЛИНА ДАДАЕВА

Алина Дадаева – поэт, прозаик, журналист. Родилась в 1989 г. Окончила бакалавриат факультета журналистики Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (2011). Учитесь в магистратуре. Участница Международной писательской программы – IWP(International Writing Program, США, Айова, 2012). Участница Форума молодых писателей России в Липках (2010-2011). Одна из организаторов поэтических вечеров в Музее Есенина (Ташкент). Публиковалась в узбекистанской периодике, альманахе «Под крылом Пегаса», коллективных сборниках молодых поэтов Узбекистана «Вдохновение», в сборнике авторов «Новые писатели», в литературных журналах «День и ночь», «Звезда», «Новая юность». Работает корреспондентом газеты «Леди». Живет в Ташкенте.

* * *

Мальчик, скользящий по линии света
к линии свитка,
где черные буквы
перекрутились, как черные букли,
перекрутились, как клейкие листья.
Мальчик сутулый и чуточку лысый.
Мальчик глотает прозрачные капли.
А у виска две пожухшие каллы,
белые каллы
и горсточка риса.

* * *

Шорты в заплатах, травинка за ухом,
бабка Зулейка окликнет: «Заинька!»,
на полурусском присвистнет: «Олинка!»
А на веревке у бабки – облако
сушится вместе с атласным лифчиком,
и не понятно, что больше – лишнее.
Кошка сидит у конюшни в ступоре,
чашку разбила с вареньем тутовым.
Чешутся кони боками дряблыми,
кошка в тутовнике, кони – в яблоках.

* * *

Облака над домами –
темно и томно.
Распластались.
И город
либрею чистит,
как безропотный сенешаль.
Кто-то бродит в потемках
походкой лисьей,
по дубовым листьям,
корявым веткам,
и катает в ладонях комочек глины.
А за городом ливень,
под ливнем – пустынь,
и старухи с крестами
шипят, как угли,
а Господь все играет
в кривые кегли
и смеется, бросая шар.

* * *

Как в приторном смысле проточное слово,
Вода растворилась в вишневом варенье,
Висели баранки в безвкусной столовой
Над розовым профилем рыбы-морены.

«О мори мементо!» – сказал ты в полтона,
В полтопота такт отбивая под стулом,
Постукивал где-то железный поддонник
О тонкую водопроводную струйку.

Ступеньки в столовке вели в бесконечность,
Конечно, туда – а куда же иначе?
И ты мне открыл, что платить тебе нечем,
И что это тоже чего-нибудь значит.

БАХ АХМЕДОВ

Баходыр (Бах) Ахмедов — поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1967 г. в Ташкенте. Окончил физический факультет (1990) и аспирантуру физфака (1994) МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат физико-математических наук. Стихи и проза публиковались в: журналах «Звезда Востока», «Гармония», «Жахон Адабиети», «SG», «Мегаполис», «Урал», «Новый стиль» (Великобритания), «Таллин» (Эстония), «Книголюб» (Казахстан), альманахах «Сегодня», «АРК» (Узбекистан), «Аргаташ», газетах «День литературы» и «Литературная газета» (Россия), «Иерусалимский альманах» (Израиль), «Лондон-ИНФО», коллективном сборнике поэзии «Анор/Гранат». Лауреат Международного поэтического конкурса «Пушкин в Британии» (2007). Участник Ташкентских фестивалей поэзии. Автор сборника стихотворений «Молчание шара».

ПОПЫТКА СИНХРОНИЗАЦИИ В ДЕВЯТИ ЭПИЗОДАХ**1.**

Она гуляет по своему пыльному городку, глядя в безоблачное небо.
Он сидит за рулем, едет через город, увязая в горячем воздухе,
и думает о ней.

2.

Она пишет статью для журнала и ест садовые сливы.
Он варит утренний кофе и думает о ней.

3.

Она бредет вдоль своего обнаженного прошлого и думает про сентябрь.
Он читает драмы Ибсена и вспоминает ее слова.

4.

Она читает сборник стихов Йетса и размышляет о них.
Он смотрит в безоблачное небо и проливает кофе на открытую книгу.

5.

Она принимает душ и поет песню из старого фильма.
Он рисует ассиметричные фигуры и думает о том, что скоро осень.

6.

Она прячет свои надежды между строчек стихов и забывает расставить точки.
Он думает о своих призрачных ожиданиях и чистит персик.

7.

Он возвращает ей в смс-ке ее пропущенные точки и добавляет смайлик.
Она улыбается в ответ на виртуальную улыбку, и думает о нем.

8.

Она говорит «Привет!» своим снам и смотрит на полную луну.
Он прощает еще один прожитый день за его пустоту и смотрит на пустую дорогу.

9.

Она скользит под серебряным светом в свое будущее, и ночь – ее лучший союзник.
Он ждет ее где-то на странице ненаписанного романа,
и, спрятав лицо под старой маской,
смотрит в безоблачное небо
над ее пыльным городком.

ЧЕЛОВЕК ТОЛПЫ

(по мотивам одноименного рассказа Эдгара По)

Он вышел из прошлого в легком пальто.
Он знал, что за ним увязалось Ничто,
как пес, одинокий и старый,
отставший от стаи.

По улицам шумным весь вечер бродя,
он видел на лицах наброски дождя.
В толпе растворялся, как капля,
статист незаметный в спектакле...

А время читало судьбу по слогам,
вплетая свое бормотание в гам
весною отравленных улиц,
где мы навсегда разминулись.

И в зеркале темном витрины пустой
старик разглядел, как Ничто за спиной
смотрело в глаза по-собачьи:
казалось, вот-вот, и заплачет.

* * *

Иногда даже спуск по лестнице
Обретает иную суть.
И какая-то мысль наметится,
И заколет внезапно грудь.

И замедлив шаги, с опаскою
Ты спускаешься в глубь причин.
Но метафоры так затасканы,
Так подержаны, хоть кричи.

Выбираешь на ощупь, медленно
Слово точное, там, на дне,
Где надежда притихла преданно,
Словно горlinks на окне.

И спугнуть ее так не хочется...
И ступени считать устал.
Слишком дорого стоит творчество,
Чьих даров ты так долго ждал.

* * *

Людвиг ван Бетховен, Квартет №9

Бетховенское настроение...
Прозрение через звук.
Как-будто разомкнут круг,
и выйти в невозвращение
боишься, но мысль живая
надрезана острым краем,
безумием, светом, вио-
лончельным охватом мира.
И кажется, мимо, мимо...

И все-таки звук – настигнет.
И круг за спиной – замкнется
строкою небесной книги,
что всем нам прочесть придется.
И в темном проходе к свету
зацепишься вдруг за ноту.
Ну где же ты, Людвиг, где ты?!
Ведь это твоя работа.

...А он одинок и страшен.
И время над ним вихрится,
пока его взгляд уставший
скользит по пустой странице.

ФАХРИЕР

Фахриер (Фахриддин Низамов) – поэт, переводчик. Родился 5 октября 1963 г. в кишлаке Сангиджуман Хатирчинского района Самаркандской области. Окончил факультет узбекской филологии Самаркандского государственного университета им. А. Навои (1988). Работал главным редактором детского журнала «Гулхан» («Костер»), заместителем главного редактора Главной редакции международной информации в Узбекском национальном информационном агентстве, консультантом пресслужбы президента Узбекистана, заместителем председателя телерадиокомпании Узбекистана, директором Национального пресс-центра Узбекистана, заместителем главного редактора журнала «Тафаккур» («Мысль»), с 2010 г. – главный эксперт Фонда региональной политики. Автор поэтических книг: «Дарднинг шакли» («Форма боли», 1997), «Аелгу» («Старинная песня», 2000), «Геометрик бахор» («Геометрическая весна», 2004), сборника публицистических статей «Янгиланиш анъанаси» («Традиция обновления», 1998), стихи публиковались в литературных журналах и альманахах. Стихи переведены на английский, русский, китайский, казахский, азербайджанский языки. В его переводах вышли книги: Хиллари Клинтон, «Бир болага етти махалла ота-она» («Всем миром», 1997); Тимоти Уинтер, «XXI асрда ислом: постмодерн дунеда киблани топиш» («Ислам в 21-м веке: Нахождение киблы в эру постмодернизма», 2005); «Америка хикоялари» («Американские рассказы», 2011, совместно с другими переводчиками). Переводил на узбекский Пабло Неруду (Чили), Мариса Чаклайса (Латвия), Кристофера Меррилла (США) и Вадима Муратханова (Россия). Переводит с английского и русского языков документальные и художественные фильмы для Узбекского национального телевидения. Живет в Ташкенте.

ТРИПТИХ**1**

Гулки дерева в пустых садах,
Шепот зеленый холмы покрыл.
Осени темной ушла вода,
Лезет любовь сквозь сердечный ил.

Камни сочатся, что леденец,
Тают на языке травы.
Вытащит гвозди весна, венец
Снимет с Распятого головы.

В солнечных брызгах гусиный лук,
Змейкою вьются побеги трав.
Вышел подснежник босым на луг,
Все сбереженья свои раздав.

2

Не существуют – ни сон, ни явь.
Вольность – бескрайних цветов поля,
Руки закованные подняв,
Да процветает страна твоя.

Пусть оговорщик к царю бежит
Речи опасные доносить,
Край твой пускай под пятой чужих, –
Вольно блаженным на свете жить.

Счастье не спрячешь, печаль пройдет.
Ересью дразнят любовь? – пускай.
Пусть вместо Фаджра – Йя-син поет
Утром армада стрижиных стай.

3

Только весна неизменна здесь,
В сорок косичек, светла лицом.
Каждая песня, любая весть –
Как расставанье с дурным концом.

Разве разлука ее сестра,
Или прощанье ее вина?
Ей ни к чему ни твоя хандра,
Ни твое счастье. Она одна,

Знай, расцветает в своей тиши,
Ни до кого ей заботы нет.
Клейкие листья как хороши!
Ты же ей камни бросаешь вслед...

Служит любому, забыв корысть.
Сны твои лучшие пьет Луна.
Если, к несчастью, они сбылись,
Разве в обиде на то она?

Только весна неизменна здесь...

Переводы *Германа Власова*

* * *

Эта ночь, эта снежная ночь длинна.
В эту ночь безбрежную мне не до сна.

Боль свежа, а любовь в душе – ой, стара.
О луну головой биться мне до утра.

Если сердце любимой не отозвалось
на мольбы мои, на потоки слез,

если сердце – камень, и звезд узор –
это только моих жгучих слез узор, –

то сулит лишь отчаянье снежная ночь,
быть сулит нескончаемой снежная ночь.

Перевод *Вадима Муратханова*

НИКОЛАЙ ИЛЬИН

Николай Ильин – поэт, переводчик. Родился в городе Златоусте Челябинской области России, окончил филфак Ташкентского Государственного университета. Работал преподавателем русской литературы в Ташкентском Университете мировых языков, зам. главного редактора литературного журнала «Звезда Востока», редактор отдела научно-методического журнала «Преподавание языка и литературы». Публикации в журналах «Дружба народов», «Звезда Востока», «Восток Свыше», альманахах «Под знаком осени» (Ташкент), «Малый шелковый путь» (Ташкент), «Кронос» (Даугавпилс, Латвия)б «Книголюб» (Казахстан). Н. Ильин – автор пяти стихотворных сборников и многочисленных переводов с узбекского языка на русский.

ГУЛЬСАНАМ

(из восточного цикла)

ВЕСНА В НОЧИ

В слепой ночи затеряна весна,
Моим шагам идти твоей судьбою,
А силуэт мечети допоздна
Колеблется молящейся толпою.

Пусть неба не видна голубизна,
И мир опущен в чашу с темнотою,
Но где-то есть во тьме твои глаза,
Есть свет души, пробуженный тобою.

Пусть муэдзина песнь в ночи ясна,
Пронзая минаретной высотой:
«Приидите, молитва лучше сна»,
Но слышится: ее зовут Весна,
И поклоненье ей ценней покоя!

ХАДЖ

О, сколько веры в человеке
Рождает путь к святым местам:
Я обращаюсь к тебе, как к Мекке,
И для тебя воздвигну храм.

Моей души звенящий купол
Тебе молитву будет петь,
Чтоб каждый веровал и слушал,
Кто посетил твою мечеть.

Моей груди живому сердцу
Немолчным колоколом звать,
Чтоб потянуло иноверца
Из иноверца верным стать.

И над михрабом глаз оконца,
Смогли бы взор твой рассмотреть –
Неиссякаемое солнце,
Испепеляющее смерть.

Застывшим храмом на дороге
Мне ждать с мечтой наедине,
И пусть твой храм пребудет в Боге,
Как пребываешь ты во мне.

Огнем божественного слога
Мой стих окрасится звеня:
О, как уверую я в Бога,
Когда поверишь ты в меня!

ЖАЖДА

Твоих признаний, взглядов, ласк
Мне в этой жизни не хватило,
Стыдливых губ и смелых глаз,
И этой пряной женской силы...

И я на грани забытья
От сослагательных видений:
Была бы ты, и был бы я,
И ты могла бы быть моя,
И «бы» и «бы» средь всех суждений.

И пусть бы вдруг сама судьба
Меня удачей одарила,
Но что удача без тебя?
Зачем и песнь, и жизнь и сила?

КЛЯТВА

Не кончится жизнь, не погаснет светило –
Пусть мраком сомкнется земля надо мной;
Но кончится все, как забуду, что было,
Хотя бы еще оставался живой...

За ложные клятвы – Геенна и плаха,
За лживое сердце – позор бытия:
Нет в мире всевышнего, кроме Аллаха!
И нет в мире женщины, кроме тебя!

ФАРХАД ЮНУСОВ

Фархад Юнусов – родился 14 октября 1983 г. в Ташкенте. Окончил философский факультет НУУ. Лидер рок-группы «Твердый знак», участник минифестиваля видео-арта в Музее Кино (Ташкент), различных поэтических и музыкальных мероприятий. Публиковался в журнале «Звезда Востока», альманахах «Преддверие», «Сегодня», «ARK». Живет в Ташкенте.

* * *

Полковник, сколько себя помнил,
Проводил свое время на поле боя,
На полигонах, аэродромах, плацдармах –
В общем, на всяких важных, имеющих
Стратегическое значение, территориях,
Которые ему предоставляла армия.

Закончилась эта история,
Естественно, неизбежностью пенсии,
Куда его проводили с песнями
И, выждав день-другой из вежливости,
Отобрали жилплощадь. С точно такой же
Неизбежностью.

Впрочем, полковнику дали другую площадь
И стало неважно, где будет уютиться
Его вдова. Система придумает, куда ее деть.

Оказывается, все это время внутри него росла птица.
И как раз собиралась взлететь.

* * *

Дикое небо улыбкой
Над недвусмысленными горами;
Чрезвычайно маленькая улитка
В самом-пресамом низу.
В каком месте этой системы
Из жестов, пожатий и взглядов
Тихонько позвякивает воздух
От биения ее сердца.

* * *

За первое слово побили второго,
А первому дали и вовсе сурово.
А был еще третий, но как-то никто
Его не заметил, и их стало сто.

Сто первый, сто пятый, сто тридцать девятый...
Они говорили, не помня предтечи.
А первое слово словно бы спряталось
В потоке такой человеческой речи.

* * *

Спотыкаются смешные
В одежках не по размеру,
Доставшихся от старших братьев
Валит пар изо рта и дождь.
Утвержденный и легитимный.

Хмурые дети идут.
Ранним утром.

Нарисовано светлое завтра,
Куда всех их отправят после.
Почему-то оставив взрослых
В неосмысленном вечном сегодня.
Не трагедия, а реальность –
Завтра будут другие дети,
Со своим нарисованным «завтра»...

Хмурые дети идут.
Куда деваться.

Пока делаешь свое дело
Разрабатываешь идеи
Пьешь горячий чай ночью
Расширяя пространство суток
Куришь утром в окно, молча
Замечая их краем глаза
Понимая, что не поможешь
Сожалея, что не изменишь
Вспоминая, что так и было
Но в какой-то момент миновало
Хорошо быть все-таки взрослым.

ВИКА ОСАДЧЕНКО

Вика Осадченко (Виктория Юнусова) – родилась 4 ноября 1980 г. в Ташкенте. Окончила журфак ТашГУ. Участник Ташкентских открытых фестивалей поэзии, лауреат приза зрительских симпатий «Глиняная книга» 5-го Ташкентского открытого фестиваля поэзии. Член Союза писателей Узбекистана. Автор поэтических книг: «Пейзажная лирика», «Егоркины сказки», «Воздух». Стихи публиковались в журналах «Звезда Востока» (Узбекистан), «Книголюб» (Казахстан), «Новая Юность», «Дружба Народов» (Россия), «Интерпоэзия» (США), альманахах «Преддверие», «Сегодня», антологии «Анор/Гранат» (Москва, 2009). Живет в Ташкенте.

* * *

Сеется сердце сквозь трещины мелкой солью.
Солнечный луч на воздухе нарисован.
Время отсчитывать осень – не с первого, а с нуля.
Что остается, когда опадают листья?
Только пустые руки в небрежной разметке линий.
Только земля под ногами. И вся – целиком – Земля.

Листья, а чуть позднее – ветра и ливни.
Если на фоне осени ты не бываешь лишним,
то, вероятно, за счет избытка пустых пространств.
Небо холодными пальцами гладит город.
Осенью кровь превращается в пыль и горечь.
Осенью кровь пахнет дымом ее костра.

До ноября дотянуть, а потом – неважно.
Ты на него поднимешься, как на башню,
чтоб поглядеть на прошлое, а пока
кто-то включил саундтрек к долгой ленте твоих ошибок:
возле подъезда дети поют, фальшивя,
старую-старую песенку про бегущие облака.

* * *

Кому-то маска, а кому-то метка.
Кому-то легче, а кому-то лучше.
Не заняла ли я чужое место?
Как странно жить вполне благополучно.

Как странно выходить из дому к людям,
отбрасывая тень, имея голос.
Как странно говорить про все, что любишь,
всего одним-единственным глаголом.

* * *

Этот самолетик летит на боли.
Только потому он летит над бойней,
над бескрайним полем жестокой смерти,
в небе алой точкой летит и светит.

А вон тот, что прямо над головою –
он летит иначе: своей любовью.
Это не отменит ни смерть, ни бойню.
Но сильнее тот, кто идет с любовью.

Руку протяни, в темном небе шаря.
Сколько их – один? или все же двое?
Просто жизнь большая, малыш, большая.
Столько самолетиков над тобою...

* * *

Просто раковина нарастает наружу,
а моллюск отступает внутрь,
и твоё окружение смотрит все строже,
если ты берешь не ту ноту.

И пока ты строишь на диссонансе
эту жизнь и попутно рифму,
безголосый песок день за днем заносит
скорлупу улитки, тростник, отбросы,
острый знак перевернутого вопроса
и к нему плывущую рыбу.

САОДАТ КАМИЛОВА

Саодат Камилова – переводчик, литературовед. Родилась 12 февраля 1974 года. Окончила Ташкентский областной государственный педагогический институт, историко-филологический факультет (1998). Преподает в Ташкентском областном педагогическом институте и ТашГУ, к.ф.н, доцент кафедры русского языка и литературы.

О СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКСКОМ РАССКАЗЕ

Общеизвестно, что в рассказе как одном из мобильных прозаических жанров реализуются новые темы, образы и проблемы. Рассказ реагирует на социальные и духовные изменения, происходящие в обществе, не только обращением к новым темам, новой проблематике, не только созданием новых характеров, но и изменением своей структуры. Новое содержание неизменно находит новую форму. Современная узбекская литература является ярким примером гибкой и прочной связи сдвигов в «малом жанре» с процессами жизни человека в социуме. Исследователь узбекской новеллистики Н. В. Владимирова весьма точно охарактеризовала художественную направленность современного литературного процесса в нашей стране: «...в современной узбекской прозе, пытающейся определить новые пути постижения бытийного смысла в этом кризисном, переломном пространстве, с ее обращенностью к вопросам *existential*¹ человека и бытия, в центр вводится проблема самосознания современного человека, фиксирующего в своем «сокровенном Я» все эпохальные и вечные проблемы». В создании того, что мы называем современным узбекским рассказом, участвуют сотни писателей различных поколений со своим художественным почерком, неравнозначным талантом и далеко не всегда предугаданным местом в истории узбекской литературы. Каждый из них в меру своей творческой самостоятельности выбирает свой путь. В данной статье мы рассмотрим несколько основных направлений развития современного узбекского рассказа, в которых можно уловить очертания общей картины движения жанра и определить некоторые изменения, которые произошли в малой прозе в годы Независимости.

¹ Владимирова Н.В. Развитие узбекской прозы XX века и вопросы художественного перевода. – Т.: Фан, 2011. – С.181.

В узбекской малой прозе начала XXI века обновляется концепция личности, возникает новый тип психологизма, связанный с закрытостью, сосредоточенностью на себе современного человека, попытками переоценить традиционные духовные ценности. В современном узбекском рассказе представлены разнообразные творческие искания и формы структурно-художественной трансформации. Он «...размыл четкие границы между реалистическим и модернистским типами художественного сознания»², формируя внутри литературной системы множество стилевых направлений. Отечественная малая проза дает примеры художественного синтеза различных жанровых моделей, форм, конструкций. Так, Исожон Султон создает такие пограничные жанровые образования, как рассказ-раздумье («Чаша на воде» – «Сувдаги коса»), рассказ – семейная хроника («Судьба» – «Кисмат»); Улугбек Хамдам – рассказ-сновидение («Пиала воды» – «Бир пиала сув», «Тюльпаны» – «Лола», «Забытые мелодии ная» – «Унутилган най навоси», «Камень» – «Тош» и др.). Повествовательная манера узбекских прозаиков свидетельствует о жанрово-стилевом обновлении современного рассказа, стремлением к экспериментальным новациям. В ней вариативность мировидений, новые художественные решения связаны с постановкой вопросов духовно-нравственного порядка.

Несомненный интерес в этом отношении представляет рассказ И. Султона «Чаша на воде», написанный в 2010 году и являющийся неким сплавом разножанровых особенностей. Это и «рассказ-зарисовка», и «рассказ-мысль», и «рассказ-раздумье» с сильным элегическим началом, запечатлевший не только мгновенные лирические переживания, нюансы неопределившихся чувств, но и глубокую, преданную любовь к Отчизне. Все это звучит, без излишнего морализма, рассказ убеждает и подкупает читателя массой точно и верно схваченных деталей. В основе рассказа «Чаша на воде» лежит антитеза, образу Возлюбленной – Отчизны противопоставляется Море-Чужбина, а лодка на воде – человеческая судьба и «...чаша плывет не как ей заблагорассудится, а по воле водной стихии»². Рассказ И. Султона, по сути говоря, цепь впечатлений, наблюдений, лирических зарисовок. Писатель выступает здесь незаурядным, тонким и вдохновенным мастером пейзажа – особенно – «ферганского», с его чистыми акварельными красками, полутонами и задушевностью. Он удивительно передает очарование летнего вечера в кишлаке: *«точно тонкий занавес медленно и неторопливо спускается на деревья, на опоры виноградных лоз, на пыльные улицы, на аккуратно убранные поля – спускается тихо и бережно! Кое-где, во дворах можно увидеть семьи, оживленно беседующие за ужином под желтым светом фонаря, висящего на ветке айвы или яблони. Соседи угощают друг друга ужином. У очага слышен звон помытой посуды, которую раскладывают по местам. Вокруг стоит запах клевера, молока, запах свежесрезанных листьев тутовника, смешанный с ароматом базилика, растущего во дворе»*. Реалистическая пластичность письма, соединяясь с лиризмом, создает почти музыкальное произведение, чему во многом способствует рефреном звучащие строчки: *«Волны плещутся и бьются о лодку»*. Колоритный, точно взвешенный и тонко обдуманный художественный язык создает совершенно новый образ Родины, любовью к которой пронизано каждое слово: *«...двух людей в лодке, которую вертит, словно соломинку среди бушующих волн, манит Отчизна. Страстные желания и мечты лишь о встрече*

² Гарипова Г. Т. Образ одинокого человека в национальной картине мира в узбекской новеллистике рубежа XX–XXI веков. // Ж. Преподавание языка и литературы. – Т., 2010, №4, с. 68.

с Ней. Возлюбленная моя, ты улада души... Я ощущаю всем своим существом неразрывную связь с Любимой, и, если ее не будет, мне остается лишь сгинуть в этой пучине». Размытость сюжета, отсутствие фабульной развязки, множество лирических отступлений, открытое личное, субъективное мироощущение художника, неизбежно включающее в себя оценочный элемент с одной стороны и самостоятельность взгляда и чувства, свой взгляд на мир, открытость, прозрачность авторской позиции и патриотический пафос с другой, позволяет определить данный лирический рассказ как «рассказ – раздумье», способный вместить в себя судьбу человека, связанную с судьбой народа, нации, государства. Поэтому произведение И. Султона звучит с большой, пронзительной силой и способно конкурировать с крупными обстоятельными вещами.

Жанровые новообразования в современной узбекской литературе свидетельствуют о специфическом художественном мышлении авторов. Они формируют новую модель повествования, нарушая пространственно-временные связи, усиливая символические знаковые элементы, ассоциативные цепочки и аллюзии. В рассказах периода Независимости актуализируется философская установка на мифологизм и символизацию, которые расширяют и углубляют повествовательное пространство.

Узбекская прозаическая традиция использования образов-символов восходит к творчеству М. Бехбуди, А. Кадыри, А. Фитрата, Чулпана, Айбека и др. Хотя в 20-е годы XX столетия узбекская литература переживала процесс обновления и поисков модернистских новаций, но символизация как художественный прием была уже известна в классической поэзии Востока. Это явление было характерным и, можно сказать, основополагающим для нее. Затем эстафету подхватили наши «шестидесятники»: У. Хошимов, Т. Пулатов, Ш. Холмирзаев и другие, которые использовали символизацию с целью разрушить иллюзию жизнеподобия, нередко возникающую у читателей, чтобы подчеркнуть многозначность, большую смысловую глубину создаваемых ими образов.

Цель символизации в современном узбекском рассказе в создании и постижении сегодняшней действительности. Писатели используют символы, создавая многозначные образы-обобщения, связанные с различными сторонами жизни людей. Причем в некоторых произведениях современных авторов образ-символ приобретает конкретность и национальную самобытность, отражающую ментальность узбекского народа.

Разработка «неопсихологизма», особое внимание к глубинным процессам человеческой психики, оригинальное использование символов и символических деталей присущи малой прозе У. Хамдама. В его рассказах «Камень» («Тош»), «Мусульманин» («Мусулмон»), «Пиала воды» («Бир пиала сув»), «Тюльпаны» («Лола»), «Забытые мелодии ная» («Унутилган най навоси») символы расширяют перспективу произведения, позволяют читателю на основе «авторских подсказок» выстроить цепь ассоциаций, воссоздающую общую картину современной жизни. Этот автор обладает незаурядным дарованием, все его произведения – это размышление о судьбе человека в широком контексте мировой вселенской жизни. В каждом из этих рассказов У. Хамдама ставится та или иная нравственная проблема. В своих произведениях писатель пытается не столько выявить причинно-следственные связи, сколько обнаружить созвучие стихии современности со стихией Природы. Автор ищет ту ноту, которая бы открыла путь к этому созвучию, тот ритм, который бы открывал возможность слияния «разнородных сред». В его

рассказах четкий сюжетный каркас, композиция обычно не имеет ясно выраженного развития действия, кульминация сливается с развязкой, но при всей четкости формальных аспектов, повествование являет собой как бы запечатленный в кадре момент (хоть и разной продолжительности) непрерывно движущегося стихийного потока жизни. Событийно действие не находит своей исчерпанности, конфликт поддается исследованию, но не разрешению. Сюжет хамдамовских рассказов строится по законам многоголосого музыкального произведения. Причем в каждом из рассказов писатель стремится отыскать такой аккорд, такое созвучие, которое могло бы служить одновременно и своеобразным аккумулятором и источником художественной энергии в рассказе. Таким элементом в рассказах Хамдама является символика. Образы-символы становятся рефреном обобщающим картины мира, способным мобильно подключаться к накоплению и трате энергии в рассказе. В «Мусульманине» такого рода аккумулятором становится сразу несколько образов-символов: образы птичек как символа совести, времени, судьбы и души; образ дерева – символ жизни; образ сада – философский символ, который подчеркивает связь времен, взаимопроникновение различных пластов жизни, родственных корней, молодого поколения, устремленного в будущее. В «Тюльпанах» – это, напоенный звенящей нежностью и манящий, образ тюльпан-мечты; скала – символ сложности достижения цели; мотыльки – стремящиеся к жизненному «восхождению», люди. В «Пиале воды» – лейтмотив жажды, символизирует представление о невыполненном человеческом предназначении. Постепенно из рассказа в рассказ расширяется значение образов-символов пути, дали, движения: они выражают представление автора о вечном и преходящем в жизни людей, о судьбе личности и судьбах мира, создают «миф» о человеке и времени.

Наиболее ярким в структурно-художественном отношении представляется рассказ «Мусульманин», опубликованный в 2010 году в журнале «Ешлик», №10, отразивший широкий круг противоречий и духовно-нравственных исканий автора. В героях-близнецах, Хасане и Хусане, писатель попытался уловить, запечатлеть движение нравственных идеалов нынешнего молодого поколения. В ключевые моменты личностного выбора героев, автор создает образы-символы, проясняющие их отношение к жизни, способствующие самопознанию и духовному прозрению (образ мечети, образ сада, образ осыпавшегося дерева): *«Когда птичка взлетела, вместе с цветами трепещущей ветки, на которой она сидела, стали осыпаться цветы всего дерева, полностью обнажив его. Голое дерево казалось безнадежно мертвым. Но оно было еще в таком возрасте, когда могло жить и плодоносить. И если в его корнях не заведутся черви, если оно выстоит под натиском стихий, то хочется верить, что следующей весной, оно вновь зацветет... Хотелось бы верить...*

Да, если дерево не устанет цвести, птичка тоже когда-нибудь обязательно вернется...».

Вообще символика является специфической особенностью художественной палитры авторов. Рассказчики используют два типа символов. К первому типу можно отнести символы, имеющие опору в культурной традиции. Они часть культуры, для их построения писатели используют язык мировой культуры, в принципе понятный более или менее осведомленному читателю. Конечно, каждый символ приобретает индивидуальные смысловые оттенки, близкие писателю, важные для него в конкретном произведении. Такими «культурно-историческими» символами являются образы-символы «дороги», «пути», «моря», «сада», «неба»,

«полета», «бездны», «птицы». Ко второму типу можно отнести символы, созданные без опоры на мировую культурную традицию. Такие символы возникают на основе смысловых отношений внутри одного литературного произведения или ряда произведений. Таковы символы «камня», «арбы», «рыбы», «красных напояженных губ женщины», «пиалы», «косы-чаши» и др., причем многие из них отражают ментальность народа.

Таким образом, для современного узбекского рассказа характерно стремление к глубинному познанию и исследованию человеческой души, включенной в противоречивую сложность мироздания. Узбекские писатели, отражая частные, мимолетные, «незначительные» моменты из жизни людей приходят к фундаментальным художественным обобщениям и исследованию плоскости «Я-Я», субъективный индивидуализм позволяет познать, понять, признать жизнь и наметить духовные ориентиры. Прием полистилизма в рассказах узбекских авторов имеет внутреннюю мотивировку – историческую, психологическую, сюжетную. Спецификой «авторского» сознания обусловлены такие художественные тенденции, как интерес к проблемам сегодняшнего дня, актуализация широкого спектра литературных традиций, интерес к феномену смерти, психическим отклонениям и сновидениям, тяготение к жанрово-стилевым экспериментам. Все это позволяет говорить об эволюции и динамике узбекского литературного процесса в целом и о его достойном движении в XXI веке, ориентированном на «...включенность в мировой литературный процесс нового столетия»³.

ИСАЖОН СУЛТОН

Исажон Султон (Султонов) – родился в с. Авазбой Риштанского района Ферганской области. Окончил факультет журналистики Ташкентского ГУ. Автор книг повестей: «Мольба» (Ташкент, 1990), «Лунный родник» (Ташкент, 1995), сборника рассказов «Вечный скиталец» (Ташкент, 2011), сборника «Свободный» (Ташкент, 2012). Автор романов «Вечный скиталец» («Лучший роман 2010-года») и «Свободный» («Лучший роман 2011-года», премия Союза писателей Узбекистана). Рассказы «Лунный родник» и «Чаша на воде» вошли в «Антологию узбекского рассказа XX-века» (Ташкент, 2009). Член Союза писателей Узбекистана (1997). Живет в Ташкенте.

ЧАША НА ВОДЕ

...Флюгерок, кружись, не останавливаясь!

Пусть волны дальних неведомых стран кружат в едином порыве тебя и меня.

С детства я завидовал людям, живущим у моря. Мне всегда хотелось увидеть бурлящие пенные волны, сотрясающие окрестности своим шумом и ревом; рыб и других морских обитателей, выброшенных неугомонными волнами на берег; молнии, являющиеся внезапно из-за стаи туч и вонзающие свои огненные стрелы в морскую пучину.

И вот я на берегу моря... Чтобы испытать силу и мощь волн, мы с напарником выбрали самую необычную лодку. Я соорудил из фольги флюгерок, указывающий направление ветра, и водрузил на нос лодки. Его весело закружил морской ветер.

³ Здесь и далее даны переводы автора статьи.

Ближе к обеду мы сели в лодку и отправились в морскую даль.

Серые волны тяжело и глухо бьются о борт лодки. Лодка ветхая, доски почерневшие истертые. Я холодею, представив, что под нами тысячи бездонных водных впадин. Мне жутко от осознания того, как мала и ничтожна наша лодка, словно ореховая скорлупа на этой серовато-белой водной глади. На ум приходят строки из Джамолиддина Руми: «Мы словно чаша на воде. Чаша плывет, не как ей заблагорассудится, а по воле водной стихии. Это так. Некоторые знают, что они на воде, другие нет. Если бы ты даже увидел, как изящно и размеренно плывет чаша на воде, то вряд ли смог бы оценить это».

Море сливается с океаном, в недрах которого обитает бесчисленное количество огромных чудовищных акул и невиданных диковинных существ. Медленно двигаются какие-то огромные рыбы и гигантские осьминоги. В вечной темноте грезятся мне плавающие слепые рыбы, которые никогда не выберутся наверх, потому, что ближе к поверхности их чешуйчатая кожа может лопнуть. Невозможно осознать, как они могут жить в этой вечной темноте.

Увидеть эти завораживающие, прекрасные зелено-голубые волны моря - мечта моего детства. Их сила, бескрайность восхищают и вместе с тем рожают в душе неведомые, странные чувства. По ту сторону раскинулись таинственные экзотические страны. Огромные фабрики беспрерывно извергают в небо клубы дыма, то и дело вспыхивают блестящие огни. Люди тех мест говорят на незнакомом мне языке. Наверное, они по-особому общаются, по-другому воспитывают и любят своих детей, и выглядят как-то иначе.

Море – удивительное явление. Оно живет своей жизнью, полной мощного движения: шумит, плещется, ни на секунду не умолкая. Даже, когда оно спокойно, его задумчивая мелодия плеска выразительнее шелеста нашего ветра. Луна, растущая день ото дня, приводит в движение морские воды: с утра стаи волн в пене и брызгах катятся на берег и бьются, и напирают, взбегая одна за другой на белеющий косогор, оставляя скалистые камни под водой. А вечером вода возвращается, и беловатый песок берега снова обнажается, кое-где в ямках трепыхаются мелкие серебристые рыбки, которых течение не возвратило в море. Кое-кто специально вырыл лунки и сейчас эти люди заняты ловлей плененных рыб.

Остаются позади берега. Лодка мерно покачивается. Иногда под водой мелькает огромная тень. Скорее всего, это громадная рыба, которая то появляется, то исчезает. Опасаюсь, не акула ли людоедка, намного больше, нашей лодки плывет за нами, почуяв человеческий запах. Мне страшно, а вдруг она одним ударом перевернет лодку.

Мы – люди, выросшие вдали от моря, и потому оно нам кажется несколько чужим. Действительно, здесь совсем ничего нет из того, что нам знакомо. И откуда ему быть? Вдали мелькают точки - головки играющих детей, им хорошо знакомо море. Да, наверняка, им известны нрав и особенности мелких морских обитателей. Если они когда-нибудь окажутся в тех местах, где вырос я, не удивительно, что наши края покажутся им чужими. Возможно, они даже не захотят жить там, где нет моря. Здешние люди строят свои дома близко к берегу, фундаменты домов высокие, собраны из каменных глыб. По утрам, выйдя на террасу, завтракают и наслаждаются свежим ветерком, который набегает с моря, обдавая прохладой. А вечерами ветер дует уже в сторону моря. Это морской бриз, который появляется во время прилива и отлива.

Взыгравшее море – зрелище устрашающее. Вы чувствуете, какую-то грандиозную непобедимую силу, глядя как на поверхности моря, рождаются эти гибкие и сильные волны и все поднимаясь, бурля и пенясь, наступают плотной стеной, тесно связанные каким-то единством цели. Удивительно, но все это проделки луны! До рассвета тонкий серп луны льет нежнейший свет. Почему на рассвете бывает прилив, а к вечеру – отлив? И какая здесь связь с луной?..

Волны плещутся и бьются о лодку. Наша одежда давно уже влажная, лодка намокла и отяжелела. Из какого дерева сделана лодка? У нас растут тополь, ива, карагач, орех. Возможно, это кипарис. У нас из кипариса, помнится, делают погребальные носилки. Кипарис вертикально прямой, древесина его непрочная. Значит, не кипарис. Для лодки нужны легкие, сухие и не мокнущие доски. Наш тополь подошел бы, но здесь его нет, здесь растут сосны, пальмы. Еще довольно много белых берез. Они напоминают наш осокорь (черный тополь), только пышнее, листочки тоньше и шелестят, даже без ветра.

Берега постепенно отдаляются. Теперь люди едва различимы, дома кажутся совсем крошечными.

Под лодкой все еще мелькает огромная тень. Горизонт пуст. Покажутся ли берега других стран, если мы будем плыть в этом направлении еще несколько дней? Земля необъятная и бескрайняя в тех райских местах. Там же тоже живут люди? А землепашцы, садовники у них есть? А когда громко плачут их дети, испугавшись внезапно вылетевшей из-за деревьев птицы, матери так же кидаются успокоить их? На земле же везде одинаковые дети? А взрослые? Нет, взрослые другие! Дети такие же, а взрослые совсем другие. Конечно, есть и землепашцы, и садоводы! Не удивительно, что они похожи на наших соотечественников. Только каковы их посевы? У нас фрукты очень сладкие. А фрукты из холодных стран отдадут чужбиной. В тех странах цвет одежды, которую предпочитают люди, весьма необычный. Наши люди любят многоцветность. Наверное, отношение к цвету формируется на основе цветовой гаммы своей родины... Неудивительно, что у людей тех стран свой облик, цвет, говор, даже глаза, взгляд и выражение лиц другие.

Я вырос на лоне полей. Приехав к морю, заметил, что наши деревья на самом деле не такие уж и высокие. Самое высокое дерево в моем селе – тополь, он растет на краю каждого огорода. Невольно восхищаешься при виде ровных, в ряд растущих вдоль берега, кипарисов. Будут ли они расти на моей родине, если их привезти и посадить? Нет, скорее всего, не перенесут особенностей нашего климата. Сможет ли зеленый кипарис выдержать силу ветров моей Отчизны? Я вспоминаю деревья в нашем дворе, где я вырос: все они изогнуты в сторону восхода, это работа ветра – суховея.

«Хлюп, хлюп», – плещутся волны.

Хотя вокруг вода, но солнце печет безжалостно. Внезапно я ощутил насколько дороги и любимы сероземы моего отчего края. Все мое существо внезапно охватила тоска по Родине, будто плотина прорвалась внутри меня и бушующая стихия, заполнила сердце.

А вдруг мы не сможем вернуться и останемся здесь? А если погибнем, от жары и жажды за несколько дней плавания?! Чувствую, что не хочу быть погребенным в пучине. Вода – это другой мир! Под водой ветры превращаются в течения. И только господь Бог, только солнце и луна и для суши и для водного мира. И все! Остальное отличается. Но я хочу умереть не в этом мире, а в своем! В этот

момент даже кладбище на моей родине кажется дорогим и родным. Мне дороги могилы, выкопанные весной, когда теплая темно – песчаная земля перемешана со всходами. Если бы я умер в родном краю, то был бы похоронен, конечно, рядом со знакомыми и близкими мне людьми. А если смерть настигнет меня в этом месте, с кем рядом я буду лежать?

Вода тихо бьется о борт лодки, жажда усиливается.

Чужбина! Чужая! Эта вода чужая. Это небо чужое! Птицы, летающие в нем, божьи создания, но и они чужие. И тут понимаю, что птицы наших краев щебечут... на родном мне языке. Удивительно, птицы поют на моем языке?! Деревья моего края понимают мой язык! Осознаю, что их внешний вид соответствуют облику наших людей. Все: и отец, вечно пропадающий в огороде, и мать, зажигающая тандыр, и птицы, наблюдающие за ней, и куры с цыплятами, важно вышагивающие из зарослей кукурузы, и бараны в загоне – все превращается в единое целое?..

Меня не признает море, потому что мне не дано постичь тайны водного мира. В своем краю я перед каждым мог утверждать свою волю. Деревья росли так, как я хотел, земля приносила плоды, которые я желал, да все вокруг подчинялось и служило мне. Зная, для чего существует все живое, я мог подчинить его своим потребностям. А здесь, среди волн, единственное, что подвластно мне – вот эта лодка.

...Море волнуется, пенится.

Эта бескрайняя вода... На землях, где кончается власть моря, необычные страны... люди... манят к себе, привлекают, поражают своей красотой. Диву даюсь, для всех ли так дороги родные места? Ощуаю, единение природы моей Отчизны с моими соотечественниками. Люди становятся похожими на природу или природа на людей? Те же иностранцы на лоне природы моей Родины покажутся чужими, они не вписываются в нее. Интересно, если мы попадем на чужую землю, то, наверное, тоже будем чем-то инородным, словно белое пятно на черном крыле птицы или серебристая прядь в смолянисто-черных волосах. Не могу представить себя бродящим по незнакомой земле, сознаю, что и мой родной язык не уместен в тех местах...

Вода непрерывно бьется о борта, покачивая лодку. Под нами все еще мелькает, то появляясь, то исчезая, черная тень. Белые чайки парят над морем, изредка касаясь грудью воды.

Мой приятель, погруженный в свои мысли, внезапно запаниковал:

– Надо возвращаться! Как бы нам не заблудиться и не оказаться в открытом океане!

– Неужели! Вроде лодка стоит на месте.

– Течение, – сказал он, указывая на воду. – Когда начинается отлив, может отнести минимум на сто верст от берега, понимаешь?

Вот как? А ведь он прав! Действительно, ближе к вечеру вода отходит от берегов, и тогда вряд ли мы сможем плыть против течения, нас вынесет в открытые воды. Мой товарищ внезапно схватился за весла.

– Мы должны грести к берегу, – взволнованно сказал он. – Если нас отнесет течением, мы не сможем вернуться.

А берега уже давно не видно. Вдруг осознаю, что здесь Время отсутствует. Такое ощущение, будто мы попали в те времена, когда вода поглотила землю. Это

какой век? Когда был всемирный потоп? Говорят, что во времена Ноя на земле не осталось суши. Мы словно в том времени, будто на земле, кроме нас никого нет!

Да, мир затоплен, на воде два правоверных мусульманина, под водой безгласные немые рыбы... в небе летающие морские птицы, кричащие на чужом языке... словно тень плывущий силуэт... может это кашалот?

Его беспокойство передается мне. Сначала медленно, а затем все энергичнее работаем веслами.

А если начнется шторм? Сейчас пока в воздухе не чувствуется признаков бури. Как бы внимательно я ни вглядывался, предвестия шторма не увидел. У себя на родине я различал малейшие перемены в погоде, здесь же и знаки другие, свои. В моем краю, если скапливаются комары, ласточки начинают кружить близко к земле, а горлинки не вылетают из своих гнезд, значит, в воздухе накопилась влажность, и польет дождь. Если птицы чистят свои перья, быть жаркому дню... Если закат алый, завтрашний день жди ясным... Белые птицы, с криком кружащие над нами, не подают мне никаких знаков. Морской шторм – страшное зрелище, что делать, если он начнется? Я не боюсь остаться в безводной степи, эти места знакомы мне. Я знаю, какие корни нужны для еды, какие травы освежают, избавляют от жажды. А здесь? Море тоже степь, только водная, но вода непригодна для питья. Боже мой! Сознание, лихорадочно работая, мгновенно находит выход: если прокипятить воду, соль осядет, можно собрать капли и напиться. Или дождевая вода – пресная, если ее как-то собрать... Можно ли на лодке, развести огонь?

Волны растут. Между ними появляются глубокие водяные ямы. Море бурлит и пенится.

* * *

Внезапно мой напарник перестает грести. Он хватает меня за руку с такой силой, что лодка шатается.

– Стой, – говорит он, впадая в панику. – Мы заблудились, мы плывем в противоположную от берега сторону.

– Не может быть, – возражаю я. – Если ориентироваться по солнцу, то закат должен быть слева, если мы плывем верно.

– Взгляни на течение, – говорит он.

Действительно, казалось, что неразличимые многочисленные течения направлены в открытое море, и возвращающиеся воды уносят нас в противоположную от берега сторону.

– А может это не так, – говорю я и бросаю в бурлящую воду платочек. Какое-то время он кружится вместе с лодкой, затем какая-то любопытная рыбешка уносит его вглубь.

– Все воды от берега движутся в открытое море, и чтобы ты ни бросил, оно будет плыть рядом с лодкой, – сказал мой напарник.

– Ты глупец? Если будем грести в ту сторону, куда указываешь ты, мы выйдем в открытый океан, – говорю я, окончательно потеряв терпение.

– Нет, это ты заблуждаешься. Я стараюсь указать тебе верный путь, – стоит он на своем.

Что делать? Жажда постепенно усиливается, делаю плоток, долго держу во рту воду, затем помаленьку глотаю. На самом деле, отлив отнес нас вглубь, и как

назло не на что равняться, мы даже не знаем, как ориентироваться по солнцу. И только океан со всех сторон.

Продолжаю решительно грести, тогда мой товарищ, подняв весло, начинает угрожать:

– Послушай меня, иначе сейчас огрею тебя по голове и утоплю!

Что с тобой случилось, дружище? Мы же всегда понимали друг друга? Почему ты колеблешься? Ведь ты ошибаешься, и если мы поплывем в этом направлении, то наверняка погибнем! Почему ты не хочешь понять этого?

– Не торопись, подумай, – умоляю его. – Ты ошибаешься! Подумай, мы сможем найти верный путь лишь по солнцу, а оно вот-вот зайдет! А если мы останемся на море в темноте? Вспомни, вспомни – где было солнце, когда мы начали наше плавание?

– Было над нами, – буркнул он, все еще хмурясь и сомневаясь. – Помню точно, было в зените!

– Эх, если бы мы были дома, то вообще бы не сомневались, – с сожалением замечаю я. – В нашем краю на закате всегда появляется ветерок, и деревья склоняются в направлении ветра, к востоку, и тогда хоть как-то можно определить дорогу. А здесь невозможно.

– Не знаю, – ворчит мой напарник. – Но знаю точно, что течением нас уносит. Берег в той стороне, туда надо грести!

Подожди, друг. Не торопись...

Небо затянуло. Горизонт слился с океаном. Скоро и солнце скроется за серыми тучами, тогда не на что будет ориентироваться.

Волны росли, становились все более грозными. Как представил, что на тонком дне лодки может собраться слой воды в 5-6 саженей – охватывает паника. Появляется шальная мысль:

– А что, если связать его и сбросить за борт? Но где веревка? Или, может, просто столкнуть в воду?

Гляжу на него исподлобья, он смотрит точно так же на меня. Неужели у него такие же мысли? Он тоже хочет столкнуть меня в воду?!

Беру неторопливо весло. Он делает то же. Весло тяжелое, увесистое, с него капает вода.

...Мир затоплен, на воде два правоверных мусульманина, и они как враги, а под водой безгласные и немые рыбы, гигантская рыба, плывущая как тень, в небе летающие птицы, щебечущие на чужом языке...

– Давай договоримся, – примирительным тоном говорю я, – какой толк от того, что мы потопим друг друга? Все равно одним веслом невозможно догresti до берега, смотри, и питьевой воды не осталось.

– Мы уже в открытом море, – безразлично говорит он, опустив весло. – Да смотри же ты!

– Смотреть на что?

– Чайки... – уныло сказал он.

Действительно, вокруг не видно чаек. Ну и что? Может они вернулись... и тут до меня доходит – чайки не улетают далеко от берега, потому, что их гнезда на берегу, на скалах...

– О, боже! – воскликнул я, уронив весло. – Может они улетели потому, что испортилась погода? Если пойдет дождь, их крылья намокнут, отяжелеют, и им трудно будет летать?

– Они морские птицы, их перья не намокают ни от волны, ни при дожде, – сказал мой напарник. – Все кончено, друг.

Мы сидим по обе стороны лодки. Мой мозг лихорадочно ищет выхода. Вокруг летают чужие птицы. Я их не знаю, может, это океанские птицы? Я слышал о птицах, которые отдыхают и даже спят, сидя на волнах!

Под лодкой движется все та же громадная тень-призрак.

А если придется ждать до утра? Нас отнесет к берегу течением, когда будет прилив?

Нет, не отнесет!

Тогда... с какой стороны дует ветер?

Подожди!

Я сказал «ветер»?

Я вскакиваю, лодка опять сильно раскачивается.

– Ветер! – с волнением говорю. – Я нашел выход! Ветер!

– Причем тут ветер? – удивленно спрашивает меня напарник.

– Здешний ветер с утра дует в сторону суши, а вечером в сторону моря! – от радости не могу усидеть на месте. – Понимаешь? Сейчас ветер дует сзади, значит, сторона, на которую ты указываешь – не берег, а открытое море. Берег сзади, куда указывал я, теперь понял?

– Почему ты стал таким непонятливым? – все еще злится мой напарник. – В открытых водах ветер дует в любую сторону. Может это ветер отлива, а может и ветер бури?

Я тоже засомневался. Если это окажется ветер шторма, то мы, несомненно, плывем навстречу своей гибели. Не лучше ли ничего не предпринимая, надеяться на то, что не сегодня, так завтра проплывет рыболовное судно и подберет нас? А волны все усиливаются, бурлят, ветер действительно непрерывно дует в разные стороны.

* * *

Вот и... смеркается.

Сумерки... в моем краю подступают незаметно, сверкание вечерней росы напоминает сияние жемчужин. Вечер медленно оседает, распространяя аромат цветов и запах каленого масла, наполняет окрестности блеянием овец, пением удивительных птиц. Здесь тоже вечер уже наступил, разнося запах соленой воды и рыбы. Закат отражался на поверхности воды, как в зеркале, образуя яркие пятна, волны потемнели, стали бурыми, а зарево заката все, разгораясь, блистало кровавыми бликами.

Ветер открытого моря нагоняет гигантские пенные волны.

Я не знаю тебя, морской ветер. Но ты же не ветер, образующий смерч? Мне очень хочется, чтобы ты оказался лунным ветром, который появляется на рассвете и на закате вместе с приливом и отливом. Не знаю, какая может быть связь между великим светилом, тихо плывущим высоко над землей, и этим ветром воды. Но твое дыхание вселяет надежду.

...Скоро океан полностью погрузится в темноту.

В моем краю наступление темноты тоже прекрасно. Ее приход незаметен: точно тонкий занавес медленно и неторопливо спускается на деревья, на опоры виноградных лоз, на пыльные улицы, на аккуратно убранные поля – спускается

тихо и бережно! Кое-где, во дворах можно увидеть семьи, оживленно беседующие за ужином под желтым светом фонаря, висящего на ветке айвы или яблони. Соседи угощают друг друга ужином. У очага слышен звон помытой посуды, которую раскладывают по местам. Вокруг стоит запах клевера, молока, запах свежесрезанных листьев тутовника, смешанный с ароматом базилика, растущего во дворе.

Ночь опускается на волны бескрайнего океана. Но она для меня чужая. Я не узнал тебя, ветер бури, я не понимаю, о чем ты реवेशь. Флюгерок на носу лодки бешено вращается так, что вот-вот сорвется.

Эй, кружись, вращайся!

Пусть грозные суровые волны этого неизвестного места сорвут тебя, как и меня, и закружат!

Похожа ли наша лодка на чашу на воде? Говорят, чаша плывет не так, как ей заблагорассудится, а по воле водной стихии. Да, это должно быть, так... Но скоро ее будет подбрасывать так, что другие чаши бросятся наутек, увидев это...

Чаша... лодка... Господи, какая связь между ними?

Эй, океан, хоть ты еще и сохраняешь нам жизнь в пучине высоко вздымающихся и с треском падающих волн, но, ты, совершенно чужой! Поразительно, говорю я, крепко ухватившись за борта лодки. Всевышний создал Вселенную, чтобы люди смогли в ней жить. Не так ли? Тогда почему я не чувствую тебя, океан? Почему ты не говоришь со мной? Или говоришь, но я не понимаю?

О чем реवेशь, ураганный ветер? О чем воешь, вихрь, тревожа весь свет?

В моем краю все вокруг: небо, земля, солнце, заря, дождь, ветер, травы, ночь, рассвет, горы, сады – все было со мной единым целым, я был частью всего этого. А здесь... я лишь деревянная чаша на воде.

Ночь распростерла свои объятия. Наступила крошечная тьма, теперь из мрака слышны лишь незнакомые странные звуки. Руки, голова, тело, волосы мокрые от соленой воды. Мы изо всей силы пытаемся уцелеть, вцепившись за края лодки. Сверкает молния, разрывая небеса, звуки грозы сливаются с грохотом морской воды. Внезапно начинается проливной дождь. Такой дождь я вижу впервые. От дождевой воды, собравшейся на дне лодки, мерзнут ноги. Я вспоминаю о громадной тени, плывущей под нами. Ее не видно в темноте, но она, наверное, еще рядом. Эй, чудовищная тень-призрак, с самого берега верно следующая за нами! Может ты кашалот, спасший когда-то святого Юнуса? Может, как ни странно, ты пришла по мою душу? А может, пришла помочь мне, потому что я вдалеке от Родины? Эй, благословенное создание Всевышнего, если хочешь, проглоти меня! Затем стремительно плыви в сторону берега и выплюнь меня на песок, и, может, тогда в бессознательном состоянии меня укроют от солнца огромные листья тыквы, растущей в родном краю. И все! Я вовсе не хочу, чтобы лодка перевернулась, чтобы я остался здесь в бездонном чужом месте в момент судного дня вдалеке от близких, от своего народа! Не хочу оставаться в чужом краю!

Эй, ураган, эй, волны, эй, морская пучина с ее бесчисленными обитателями, эй, создания других миров! Может, вы подаете какие-то предупреждающие знаки на своем языке двум правоверным мусульманам, заблудившимся в открытом океане? Как это, беспокойное щебетание чаек, улетающих к беспредельно – далекому берегу до наступления темноты, пока серые тучи не затянули небо? И когда мир погрузился во мрак, и сушу накрыла вода, они, наверное, тоже сочувствова-

ли двум заблудшим человеческим созданиям, сидящим на деревянном островке, который словно травинка беспомощно дрожал на воде? Может, и все морские жители: рыба-меч, акулы, скаты, камбала, медузы – отчаянно предупреждали их о чем-то, то выныривая, то уходя под воду? Может, сочувствуя, они и меня хотели предупредить, но я не слышал? Не зря вспоминается всемирный Ноев потоп. Может, эта сторона, куда ты рьяно гребешь сейчас, вызывая: «Где грешники? Где богоотступники?» – не рай, а ад?..

Мне трудно ориентироваться в темноте, но в душе теплится надежда: «а вдруг, выбранный мною путь окажется верным?» Возможно, ветер и течение несут меня не к гибели, а к спасительному берегу. Пока я здесь, на поверхности воды, я ничего не чувствую, кроме желания подчиниться воле Всевышнего и судьбе. Меня охватывает ужас при мысли, что я могу превратиться в ничто в этой бушующей бездне. Осознание этого рождает в душе ураганы пострашнее шторма в этой крошечной тьме. Громадные волны с грохотом набрасываются на лодку, в щели проникает соленая вода и, смешавшись с дождевой, собирается на ее днище. Временами молния, вонзавшаяся как огненный меч в пучину бурлящей воды, готовый выбросить все на свете, освещала моего друга, сидящего на противоположной стороне лодки, как и я судорожно державшегося за борта. Он вглядывался в бушующую стихию, надеясь увидеть среди сверкания молний и страшных волн, очертания спасительного берега.

Кружись, флюгерок! Дуй сильнее ветер, унесший его в объятия волн! Шторм, подними до небес волны! Все мы в этот миг подвластны одной неукротимой силе! Наверное, тот, кто создал твои волны, молнии, бури и ветра, создал и путь к спасению? «Когда человек тонет, то всякая попытка спастись не его, он в полной власти воды». Что для тебя дорого, я не знаю. Но двух людей в лодке, которую вертит, словно соломинку среди бушующих волн, манит Отчизна. Страстные желания и мечты лишь о встрече с Ней. Возлюбленная моя, ты улада души... Я ощущаю всем своим существом неразрывную связь с Любимой, и, если ее не будет, мне остается лишь сгнуться в этой пучине. Водная стихия во власти Высшего Наставника. Это он распоряжается ею, он сделал так, что мы оказались здесь и, спасая мою душу, направляет к Ней и предупреждает: «Помните добро, молитесь». Бури и молнии посланы для того, чтобы я осознал цену Ей и, преодолев все страхи, сомнения, панику захотел еще раз взглянуть в умиротворенное лицо Возлюбленной – Отчизны.

Перевод с узбекского *Саодат Камиловой*

УЛУГБЕК ХАМДАМ

Улугбек Хамдам (Хамдамов) – прозаик, поэт, переводчик. Родился 24 апреля 1968 года в Андижанской области Узбекистана. Окончил Ташкентский ГУ, факультет узбекской филологии (1993). Член Союза писателей Узбекистана (2003). Главный редактор журнала «Звезда Востока». Награжден Государственной премией Узбекистана и Медалью «Шухрат» («Слава») за роман «Равновесие» (2004). Некоторые произведения автора переведены на русский и английский языки. Автор книг: «Одиночество» (Ташкент, 1998), «Равновесие» (Ташкент, 2007), «Бунт и смирение» (Ташкент, 2006), «Сабо и Самандар» (Ташкент, 2011), «Далекая Дильнура» (Ташкент, 2010), поэтических книг: «Бунт, который ведет к Богу» (Ташкент, 2001), «Цветок розы» (Ташкент,

2005), «Я ждал тебя» (Ташкент, 2007), а так же переводов с турецкого языка на узбекский произведений: Джалалиддина Руми – «Вещь в себе». Философские размышление (Ташкент, 2003) и Османа Турона – «История идеологии тюркских народов» (Ташкент, 1995). Живет в Ташкенте.

КАМЕНЬ

(или рождение Зла)

Почему-то меня съедала тоска. Нет, я, конечно, догадывался о причине своего состояния. Но важно не это, а то, что произошло вскоре.

Человеческая душа, словно дрожащий на ветру листок, подвластный малейшему дуновению, но если это так, почему же тяжелая тоска с упрямым постоянством разъедает мне сердце? Почему она не проходит, не оставляет меня в покое?... Не знаю... Наоборот, мрачная безысходность, заполняя мое сердце, крепнет, материализуется, превращаясь в огромный тяжелый камень. Естественно, меня, как и всякого, иногда отвлекают мимолетные впечатления, радости, но вскоре я вновь впадаю в прежнее состояние, спотыкаясь о тот же камень в глубине души... Тогда мне кажется, что я отъединен от мира, будто бурная река отделяет меня от прочих людей: они на одном берегу, а я, один-одинешенек, на другом. Все погружается в сумрак, меня охватывает панический страх, одиночество ужасает, но, удивительно, я почему-то не спешу избавиться от него, переплыть на другой берег, смешаться с толпой. Такое чувство, будто я тяжело и неизлечимо болен, а на том берегу все здоровы. Этот недуг обрекает меня на вечное одиночество, отделив от людей, поставив непреодолимую преграду, и теперь я не могу переступить ее, общаться с людьми, делить с ними горе и радость.

Не знаю, как долго нахожусь я в капкане своей тоски, одиночества и тревоги. Боже мой, ни смерть не наступает, ни проклятый капкан не отпускает!..

Вот и сегодня эта безысходность выгнала меня из дома. Тревога, тоска, тяжесть в груди стали нестерпимыми. Может быть, на улице я столкнусь с великодушием и добротой, и это снимет камень с моей души?! Он растворится, как камни в почках... Ну, те камни, которые образуются на протяжении жизни в результате отложения солей, когда человек не бережет себя, не следит за своим режимом питания и прочее. Или соль, как камень... Как бы то ни было, если вовремя не принять меры, это может привести к печальным последствиям. Вот и я, нося камень в груди, подвергая опасности и себя и других. И если он не растворится, как камни в почках, не исчезнет, то пусть, хотя бы утихомирится и осядет. Размышляя об этом, я бросился вон из дома...

Я шел привычным тротуаром вдоль шоссе, надеясь зайти в ближайший парк, послушать осенние мелодии деревьев и птиц и вернуться... Шел очень медленно. Вдруг сзади послышались шаги. Не прошло и мгновения, как мимо меня, чарующе благоухая, прошла незнакомая женщина в каком-то блестящем наряде. Не знаю почему, я сразу же обратил на нее особое внимание: наверное, тонкий аромат, исходящий от нее, или до умопомрачения красивая фигура! Я невольно ускорил шаг, долгое время следуя за женщиной и чувствуя, как меня охватывает приятный трепет. Сердце... ах, сумасшедшее сердце, стало так биться, что я замедлил шаг, чтобы его стук не услышала женщина.

В алых лучах заходящего солнца бледно-розовый с гранатовыми блестками наряд женщины был великолепен. Невольно подумалось – это и есть истинное воплощение вселенской гармонии. Ее волнистые темно-каштановые волосы, ниспадающие на открытые плечи, развевались, возбуждая смутные желания и фантазии о мистической природе красоты. Женщина подобно пурпурному кораблю, гордо плыла в ярких волнах-лучах заката, а я, не отрывая глаз, семенил за ней.

Ноги!.. Когда я увидел их, у меня, по правде говоря, захватило дух и, чтобы хоть как-то прийти в себя, я быстро отвел взгляд. Они были настолько изящными и умопомрачительно красивыми, что невозможно описать! О, Всемогущий!.. Я был вконец очарован! У меня словно выросли крылья: в пяти-шести шагах от меня шло самое прекрасное существо, какое могла создать природа. Я испытывал такое блаженство, что готов был даровать этой красавице душу, свою вот уже много лет скорбящую душу, а если говорить точнее, ради нее я готов был отдать свою жизнь Джебраилу. Наконец я встретил сокровище, ради которого не жалко жизни. Теперь только бы не упустить ее, не потерять счастливую возможность, подаренную судьбой. Меня всегда страшила тихая смерть в домашней постели в глубокой старости в окружении близких и родственников...

Словом, я как тень, все следовал за ней, мысленно обращаясь к Богу и умоляя: «Помоги мне!». Ноги женщины пленили мое сердце, опутали его невидимыми нитями, каждый ее шаг отдавался в моей груди. Вспомнилось выражение: «Грациозно парила!». Я где-то читал, по-моему, о грациозной поступи красавиц так пишут. Да-да, она не шла, а парила, околдовывая и чаруя. На миг у меня потемнело в глазах, закружилась голова, помутился рассудок. Я хотел отстать, отдалиться от нестерпимого сияния ее красоты, пытаюсь прийти в себя. Однако ноги не слушались меня. Что ноги, теперь все мое существо, моя судьба были в руках этой женщины, в плену ее чарующей бесконечной беззвучной мелодии, обещающей вечное блаженство. Да-да, в плену!..

Мне казалось, что теперь я постиг истинную суть слов: внешность, походка, весь облик женщины зазвучали волшебной мелодией, которую я чувствовал всем сердцем, всем своим существом, и, словно растворяясь в ней, безраздельно отдавался ей, двигаясь с ней в такт и слившись с закатом, вплыл в рошу (мы вошли в парк). Все изменилось вокруг, да что вокруг, изменился мой мир – невыносимый, тягостный, мучительный – исчезло гнетущее ощущение тяжелого камня, разрывающее грудь.

Боже, в мире столько тепла и счастья, а мы в неведении!..

Пройдя через парк, мы снова вышли к шоссе. Женщина свернула в сторону появившегося слева рынка. Я шел сзади. Она остановилась возле собравшейся кучки людей. Я тоже приблизился и остановился поодаль в стороне на расстоянии, позволяющем ощущать нежный аромат женщины. Как я решился на это – сам не знаю. Я знал, чувствовал, что гибну, словно тающая свеча...

В какой-то момент женщина заинтересованно сделала несколько шагов в сторону толпы и начала смотреть. Тогда я увидел ее лицо, подобное полной луне, длинные ресницы, изогнутые брови, губы как бутон. Моему волнению не было предела. Невольно я схватился обеими руками за грудь, мне показалось, что сердце, чтоб ему, вот-вот выпрыгнет из груди!..

– Что стоите? – кто-то легонько толкнул меня в плечо. Я шагнул вперед и неожиданно оказался у огромной посуды, заполненной еще живой рыбой. Обессиленная, без воды, она трепетала, одна за другой судорожно вспрыгивая

вверх! Почему-то я торопливо глянул на женщину: о, господи, ее глаза светились каким-то хищным интересом!.. При каждом всплеске рыбы она, как кошка, готовая броситься на мышь, хищно причмокивала и облизывала свои красивые полные губы. Ее рот мне показался кровавым. Может алый закат высветил так помаду на ее губах, или гранатовые блески ее одежды так отражались... Однако, губы женщины казались окровавленными. Да-да, ее рот был похож на окровавленную морду хищника, только что расправившегося со своей жертвой...

Женщина что-то сказала продавцу. В ответ он бросил на чашу весов две большие рыбы. В это время одна из рыб ударила хвостом о чашу весов. Глаза женщины дико сверкнули, она судорожно сглотнула. А продавец придавил рыбу пальцами, как будто желая успокоить ее, затем снова посмотрел на стрелку весов. Рыба снова взметнулась. Стрелка весов беспорядочно задвигалась. Продавец потерял терпение, взял рыбу с чаши весов, положил на стол и обрушил на ее голову черную гирию, как будто черным-пречерным камнем размозил маленькую человеческую головку...

...Внезапно меня затошнило, внутри что-то оборвалось. Я не успел отойти в сторону и вырвал прямо под ноги женщине. Стоящие в очереди отпрянули в сторону, как от холеры, вместе с ними и женщина. Однако никто не ушел, не отказался от рыбы, да и она тоже... Блевотина обрызгала ее ноги и белые туфли, ворча (мне показалось, она обругала меня) она вытащила из сумочки салфетку, вытерлась и, довольная, протянула руку за пакетом, который передал ей продавец...

Кто-то сочувственно спросил: «Что с вами?», большинство же ругали меня. Продавец попытался прогнать: «Уходите отсюда, испортили всю торговлю!..» Затем «затыкал»: «Убери эту гадость!»...

Какой-то пожилой человек стал засыпать блевотину песком. Внимательно приглядевшись, я увидел, что этот старик очень похож на меня. Только гораздо старше.

Больше я ничего не помню – как долго я был еще там, куда ушла женщина, как ушла – не знаю. Потому что опять я ударился головой о большой Камень, лежащий в глубине моей души: моя голова, весь мир закружились, мгновенно исчезла звучащая во мне волшебная мелодия, душу вновь охватила тоска, и в ее жестоких когтях я вновь почувствовал себя одиноким и несчастным...

В ту ночь я долго не мог сомкнуть глаз, забылся тревожным сном лишь на рассвете. И видел сон. Во сне я с камнем в руках бродил по улицам, разбивая в кровь головы случайным прохожим. «Ведь это... ведь это тот камень, который был у меня внутри, когда, как он оказался у меня в руках? Почему? Для чего?» – мучительно размышляю я, но почему-то не могу прекратить своего зловещего дела, не могу остановиться. Лица случайно встреченных людей, старых и молодых, мужчин и женщин, словно пурпурным отблеском заката обагрены кровью. Прислушавшись к себе, я почувствовал, что меня переполняет злое желание, взбравшись на вершину, забросать камнями Солнце – начало всякой жизни.

И только одна страшная картина настойчиво терзает меня: продавец, размозживший голову рыбе и кроваво-красный рот женщины. Это видение бесконечно кружит, вертится, бешено мелькает в моем сознании.

РИФАТ ГУМЕРОВ

Рифат Гумеров (псевдоним – Омар Рифат Бек Мансур Аль Фергани) – поэт, писатель, издатель, философ. Родился 8 января 1958 г. в селе Уч-Арал Таласского района Джамбулской области (Казахстан). Окончил Ферганский Государственный педагогический институт им. Улугбека (филологический факультет), Литературный институт им. Горького, учился в аспирантуре Ташкентского Государственного Университета им. Ленина. Работал в Правлении Московской писательской организации Союза писателей России, преподавал на филологическом факультете Ферганского пединститута, редактировал альманах «Молодость» в молодежном издательстве «Еш гвардия». Основатель литературно-философского направления «Pofuizm» и поэтической школы «Суггестивная поэзия – колдовство очарования неведением», руководил литературной студией «Katartalski mekteb». Действительный член Академии Духовных Традиций (Вена, Австрия). Стихи и романы публиковались в журналах «Дружба народов», «Юность», «Новая Юность», «Смена», «Молодая смена», «Дружба» (Москва-София), «Сельская молодежь», «Студенческий меридиан», «Литературная учеба», «Волга», «Звезда Востока» в «Литературной газете», «Московский литератор», в альманахах «Поэзия», «Истоки», «Малый шелковый путь», «Так как», «Молодость», «Анор-Гранат», «ARK», «Провинциальный альманах» (Латвия), «Витрила» (Украина).

Автор коллективных сборников стихов «Встреча» (Ташкент), «Середина земли родной» (Москва), «Отчизна доверяет нам судьбу» (Москва), «Учебная тревога», (Москва), «Тверской бульвар, 25. Голоса молодых», «И помнит мир спасенный» (Москва). Автор книг «Високосное лето» (1989) «Рисунок звука» (1990) «Dixi» (2003). Руководитель Пресс-службы по Центральной Азии UNCD (New-York). Автор и руководитель Международного проекта «Мир R». Главный редактор альманаха «ARK». Основатель и издатель «Антологии современной русской литературы Центральной Азии (1975-2025)» в 50-ти томах. Издано 5 томов (2003-2010). Живет и работает в Фергане и в Ташкенте.

Из романа-дневника «ПЯТАЯ СТРАЖА»

25 января.

Не надо хвалить R.

Его тщеславие и самомнение давно издохли, ничего не оставив взамен...

Когда-то где-то она подарила ему несколько добрых слов.

Отблагодарить ее было нечем.

Пришлось прибегнуть к убогому способу малоимущих и неудачников.

Есть что-то беспомощное, трогательно-ублюдочное в эпистолярном жанре.

R вначале удивился своему открытию, потом рассмеялся, после чего, все более и более вдохновляясь открывшейся новой возможностью, начал писать ей письма, придавая тексту то, что называют чувством и смыслом; он мгновенно оценил возможности этой хотя и несерьезной, но забавной игры, из ничего извлекающей выгоду...

История знает романы в письмах.

Один взор, пятиминутная встреча – и переписка на всю жизнь.

В письмах любить легче. Мазохизм какой-то, самолюбование придуманной любовью к придуманному персонажу. Окучивание, старательное взращивание, лелеяние придуманной любви к придуманному человеку.

Так легче, так чище, так идеальнее, так воздушнее, так печальнее и оттого острее.

Так надрывнее, вразнос, остро – до бритвы.

...Милая... Смею ли я... Как я взволнован Вашим прошлым письмом, я сам, как и Вы, много об этом думал...

Только разлука оттачивает тонкую любовь.

Разлука – это письма, чуткие переживания.

Совместная жизнь – это быт, стирки, ругань.

Опять спит в бигудях.

Опять пепел на ковер стряхивает, идиот...

Опять она в драном халате, мымра.

А разлука...

Дух взмывает ввысь, вдаль от пресыщения, к звездам, навстречу любимой. И тоскует, тоскует там, облекаясь в эпистолу, утончаясь до платонизма.

...Но у нас не было любви. У нас была красивая игра. Очень красивая, правда?

Остается одно – юмор, ирония, сарказм и все производные.

Ирония – универсальная отмычка для вещей, достойных печального размышления...

Юмор R – внесение академичности и критической трезвости в ч у ш ь.

И чем ч у ш ь чудовищней – тем проще, доричней говорит о ней R.

Насмешники – хорошие пророки...

В какой-то «Независимой газете» московский литератор Глеб Шульпяков (он же – хлеб шуге пеков) назвал мистера R «похабником и пересмешиником»...

Естественно, R возмутился:

– Как, я был... похабником???

– Да, товарищ, в моем сознании вы были им!..

И это о мистере R, который воловьими усилиями умственных мышц, без членского (писательского) ценза – пробился таки к проблемам высшей культуры?!!

Ничто нас так не мучает, как ощущение собственной потенции.

Жанр R – наскальная живопись, настенная литература.

Чтоб глаза – во флюгер!

Они все еще не осознали, но они все это уже получают.

Русский ответ на еврейский вопрос.

Русский стиль.

Татарский размер.

Отвечает Казанский Казанова – R...

Стирает грани между реальностью и вымыслом...

Превысокомногорассматривающий будущие плоды тотальной славы...

R. S. Жизнь не заканчивается, если у тебя есть Ангела и парочка историй, чтобы ей рассказать...

26 января.

Хлестаков.

Прелестное изменчивое существо, живущее радостно и для радости.

Деньги – средство избавиться от неприятностей.

Как легко и непринужденно разводит долги и лохов.

И вот он снова – прелюбезен и обаятелен, как герой и собеседник.

Что же делать – денег он не вернет, но увидеть его и побыть с ним несколько часов – дороже всяких счетов...

И такое великолепное пренебрежение к страданиям и горестям бренного мира в его лице и интонациях, что начинаешь презирать и то, и другое...

Как классно хотя бы иногда перечитывать Гоголя.

Р нравится думать, что он должен был бы родиться для приятного кудрявенького водевильчика, а между тем он впаривается в очередную беспонтовую трагедию.

И всю жизнь у Р не проходит чувство нелепой ошибки.

Вместо сверкающих куплетов бродвейских мюзиклов, вместо девушек нежных и ласковых, как во французских фильмах – старухи на скамеечках возле подъездов, сборщики налогов и податей из *ЖЭКов, ДЭЗов, Горгазов, Горэнерго-бытов, Горводоканалов*, участковые инспекторы и иже с ними.

Имя им – легион...

И Р все меньше надеялся на чудо и все больше налегал на коньяк.

Ибо реальность есть галлюцинация (*нация Галлюци*), вызванная отсутствием алкоголя...

Беспробудное пьянство одержало верх над половыми излишествами...

Ангела, Р думал о Вас. Слишком много думал...

Ангела, какая грусть!

Была – и нет...

Р – смешной, трогательный, с примесью горечи.

Р лишь хотел что-то сказать и быть услышанным ...

Шоу продолжается, пока нас не прогонят.

Где угодно, с кем угодно, когда угодно, сколько угодно, за сколько угодно – лишь бы: «*Да!*»...

Интимные места требуют удовольствий и заглушают разум.

В этом сложном и трижды безумном мире.

Р рожден для счастья – а вынужден работать...

Все, что в жизни есть хорошего – либо незаконно, либо аморально, либо ведет к ожирению...

Бойтесь желаний – они исполняются!

Назло врагам – на радость маме!

Или: «*Не ломай комедию*», – сказал Немирович...

«*Получишь трагедию*», – добавил Данченко...

«*Не верю!*» – сказал им обоим Станиславский...

Р мог часами плакать о том, чего никогда не было и не будет.

Теперь Р было хорошо *за сорок*...

Размышлять о своей судьбе с ясностью, возможной лишь тогда, когда покончены счеты с одной жизнью и еще не начата другая.

Холодно думать о своем несчастье и воспринимать его трезво, без всяких иллюзий.

Как будто услышав о нем из чужих уст...

«Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса...»

27 января.

Сегодня – другой день.

Сижу за чаем с книжкой – коротаю вечность.

Несправедливо устроен этот мир (*при полной искренности – это не звучит банально*). Желание тишины, покоя и неподвижности – вполне законное и закономерное следствие бессонницы, всяческих передраг и неприятностей в отношениях с себе подобными...

Насчет того света не знаю.

В голове мешанина из буддийских, христианских и мусульманских положений по поводу бессмертной души, реинкарнации – в которую хочется верить.

Может быть, действительно нельзя относиться к этому серьезно.

Однако ничто не дает такого тончайшего и непреодолимого приближения к глубоко отрадному, идиллически-безмятежному, инфантильно-безответственным образам.

Точнее, это не так.

Ты их чувствуешь такими, хотя по содержанию они могут иметь совершенно различный смысл.

Прежде всего, надвигается издали, наплывает странный, очень живой, розовый, удивительно легкий, невесомый, радостный свет...

У меня был когда-то друг – поэт Рауф Парфи, теперь он стал совсем иным и по-другому ко мне относится в этом свете.

Но разве это возможно, если он умер?

Это очень мое, я сам мало что могу толком объяснить...

...R глядел на ночной город, на звезды, которые сверкали из темноты, и из этой темноты вдруг возникали люди его прошлого, то приближаясь, то удаляясь:

Рауф Парфи, Ахмад, Равшан Файз, Ходжаакбар Шайхов, Саша Корнилов, Рим Юсупов и многие-многие другие...

Похороны Рима Юсупова, несмотря на свою бедность и немногочисленность, произвели очень трогательное и не очень омраченное впечатление. Погода стояла на редкость ясная и солнечная, и уголок на кладбище достался Риму светлый...

Собрались его немногочисленные друзья и, несмотря на мусульманский запрет, пили вино, вспоминали Рима, читали его стихи, и говорили еще в его неостывший след, что да, у каждого человека своя судьба и т.д.

Следующий день был очень тяжелым.

И уснуть R не мог.

И R уснул.

И приснился ему сон: медленно кружился мир тех времен, когда мама кричала ему, чтобы он слез с дерева, и ее лицо вместе со всеми другими лицами плыло в изменчивом, зыбком потоке неузнаваемого. Замедлилось время и вовсе

остановилось. И R увидел в этом остановившемся времени всю свою прошлую жизнь, словно киноленту – разбитую на кадры, на великое множество как будто забытых фотографий...

И приснился ему сон: к нему домой пришел Рим.

В руках у него была баклажка с домашним вином, подтверждавшая его намерение жить...

Стремительно кончаются жизни, подумать только!

R еще слышит его живой голос. Голос совсем близко. Рим что-то говорит ему. Он спешит. Но вот он замолк. Наступил день, когда его голос замолк. Вот и его скорбящая душа оставила, наконец, R и всех оставшихся в живых, и эту страну в покое...

R что-то мешает в груди.

R хочется глубоко вздохнуть.

И вот от первого, еще легкого вдоха они вдруг появляются – из таинственного небытия, бесплотные, неуловимые:

Булат Окуджава, Анатолий Передерев, Римма Казакова, Рузы Чарыев, Явдат Ильясов, Фильдрус Камалов, Шавкат Рахмон, Надыр Хачилаев, Владимир Медведевский, Василий Галяпин, Михаил Гребенюк, Мухаммад Юсуф, Чори Аваз, Саша Нигматуллин, Дим Саныч...

R их узнает.

Да-а-а, R их всех, всех знает...

Вот они выплывают, возникают из темноты, реальные, в то же время смутные, словно воспоминания. Они называют R по имени. Как бы окликают в лесу давних лет.

Полумифические, полуреальные образы прошлого, очень странные и непонятные...

Там можно жить сразу всем: давно и недавно умершим людям – бывшим друзьям и бывшим врагам.

Там время не властно над ними...

Там люди, которых мы помним, говорят нам все те же слова, которые мы уже однажды слышали от них.

Причем это можно слышать снова и снова, хоть целую вечность...

Давно сорванные, увядшие и выброшенные цветы расцветают опять и благоухают так нежно, что невольно сжимается сердце и хочется плакать...

Жизнь так устроена, что вина перед умершими, независимо от того, жили мы рядом или в разлуке с ними, – преследует каждого из нас...

НОВЫЕ КНИГИ

Радуга

В рамках традиционных Дней русской литературы и духовности в РМ, которые провела Ассоциация русских писателей Республики Молдовы с 9 по 21 октября, состоялись три презентации стихотворных книг наших товарищей – Леонида Поторака, Татьяны Орловой и Натальи Новохатней. Представляем читателям эти книги.

ОЛЕСЯ РУДЯГИНА

«...НАС ОХВАТИЛА ЦЕПЬЮ СВЯЗЬ ВРЕМЕН...»

То, что поэт Леонид Поторак появился именно на молдавской земле – закономерно. Всё этому потворствовало: щедрое тепло, «небесная лазурь», сочные краски, неизбывное присутствие здесь духа Александра Сергеевича, удивительное смешение языков и культур, чудотворная – истовая, чуткая, требовательная любовь творчески одарённых близких. И, конечно, – зыбкость и ненадёжность бытия, вдруг осознанные старшими в 90-е годы. Это только кажется, что обрушение великой державы осталось в прошлом веке, – грозное эхо его будет ещё долго отдаваться в наших детях. Отсюда, полагаю, и в стихах мальчика, ещё не окончившего лицей, неожиданно явственно вдруг звучит глубинная горечь: «...Все мы бежим с корабля и гробом без толку,/ Каждый из нас привязан к своей доске,/ Каждый из нас гражданин своего осколка.». Хотя, безусловно, чувства одиночества и неприкаянности присущи поэтам, вне зависимости от места и времени рождения.

Тем не менее, поэзия Поторака исполнена доброты и тепла («...И все, кто есть внизу, кто ждет/, Порой того не зная/, Ведут сквозь бездну самолет/ Пунктиром ожидания.»), самоиронии («Я не прихода новой эры жду,/ Я на краю дороги жду троллейбус.»), философского взгляда на суть происходящего («Есть все у жизни, кроме постоянства./ Все птичий свист и суета сует»), предчувствия дорог, любви; невероятного, я бы сказала, – намеренного – доверия к лукавому лгущему миру. Словно Леонид изначально дал себе установку: «Мир прекрасен!» и, что бы ни случилось, это – так. «На шарике, несущемся во мгле,/ К иным мирам протягивая руки./ Кружись на нем и за него держись,/ И я держусь, и выдержать наде-

юсь,/ И этот мир – не бытие, а жизнь...» Романтический настрой автора нисколько не противоречит его акмеистической вере в самоценность каждого земного мгновения, вниманию к его приметам и деталям.

За его спиной маячат бессмертные тени Гамлета и дон Кихота – вот, на стене, висят их шпаги и усталые плащи – вечный бой добра со злом не окончен. Рядом с ключевыми героями мировой литературы в стихах Леонида появляется образ солдата Великой Отечественной – такой невероятной силы, такой отчаянной правды, что перехватывает дыхание. «Значит, нет ни солдат, ни армий,/ И один, посреди дорог,/ Я, безликий и безымянный,/ Грязь мешу миллионом ног./ (...) С миллионом живых и мертвых/ В этот миг и навек един,/ Миллионом охрипших глоток/ Крикнул: Господи!.. победил.» Взгляд Всевышнего необходим поэту. Он, без сомнения, стоит перед Богом и с Ним в сердце.

Поэзия, журналистика, проза, графика, видеоискусство – во всех этих областях Леонид работает вдумчиво – вдохновенно, воплощая мечты, полёты, поиски и прозрения многогранной души поэта и философа.

Взрослое понимание жизни как счастливого дара завораживает: «Грядущего праздника слышится шаг торопливый,/Проводим и встретим, и вдруг осознаем: как просто,/ Не рифмой одной, не одною любовью мы живы,/ И жизнь – невысокая, но драгоценная проза.» «Проза» Лёни удивительно певуча и светла. Читателя подхватывает тёплый ветер: дожди, поезда, сверчки, снега, расставания, пряные запахи родины «с маленькой буквы "р"»: «Эта жизнь глуха, как старик Бетховен./ Но играет, Господи, как играет.» – и несёт, и уносит в какую-то невозможно прекрасную осеннюю ясность, где, вроде бы всё обыденно, но вся она, до последней былинки, до последнего вздоха, – волшебно! «Так, наверно, и через двести лет,/ Мы, устав от смены времен и мест,/ Соберемся в спичечном коробке/ Пошуршать у самого уха небес.»

Однажды услышав Леонида, читавшего со сцены стихи, драматург, поэт, писатель Светлана Василенко (Москва), воскликнула: «Этот мальчик – гений!» Время покажет. А пока Леонид Поторак привёз титул Короля супертурнира поэтов русского зарубежья 2012 с 10-го юбилейного Фестиваля русской поэзии “Пушкин в Британии” (Лондон), ранее – лауреатство в конкурсе «Журавли над Россией» (Москва).

Изящная гармония творчества, лучезарность, лёгкость и, в то же время, глубина и мудрость делают его схожим с Моцартом, с молодым Пушкиным. Не случайно пушкинская тема – одна из основных в творчестве автора сборника, не случайна вечная перекличка с ним.

В истерзанном и скукоженном нашем времени, где власть предрержащими делается всё для уничтожения Человека думающего, появление поэта Леонида Поторака – долгожданное обыкновенное чудо.

*...Нас охватила цепью связь времен,
Чадит земля, и неопавший клен
Мне тянет пятерню...
...как тяжело пожатье*

ВКУС МОЛДАВСКОГО МЕСЯЦА ТАНИ ОРЛОВОЙ

*...Дети гуляют по дну
Еще не рожденного озера
И собирают галактики.
А в каждой из них улиткой
Свернулось дыхание жизни.*

Татьяна добывает поэзию из самых примелькавшихся явлений и предметов, — да, кажется, из самого воздуха! Рядом с ней не бывает и следа «обыденности». Яркая, неожиданная образность прозрачных стихов Орловой заставляет, затаив дыхание, радостно следовать за ней. А перевоплощение в одарённого подающего серьёзные надежды прозаика, — как было констатировано на Международных совещаниях молодых писателей в Каменск — Уральском и Переделкино (Россия), — мне кажется, для неё ещё одна возможность «выуживания» поэзии из вовсе непоэтической действительности. Как и анимация, кстати, к которой совсем недавно обратился волшебный Танин взор. Но сейчас — о «Перелётных буквах»!

Татьяна Орлова неуклонно растёт. Говоря непозволительно высокопарно, она — любимое дитя Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Я даже не помню точно, когда она, — хрупкая темноволосая девочка с косульми (ну, правда же!) глазами, — впервые пришла на нашу встречу, увязавшись за мудрой и тёплой своей бабушкой — поэтессой Новеллой Николаевной Киселёвой. Исток не только творческой, но и, собственно, личности Татьяны Орловой, безусловно, в ней — в этой чудесной дружбе доброго летящего взрослого с безоговорочно доверяющим ему светлым ребёнком, когда непреложная правота добра перед злом даже не обсуждается. В книге Орловой много прямых и косвенных обращений к этой теме, отсюда и потаённая тоска ужаса расставания. «Мы лежим завернутые/ В добротную вечность —/ Советское одеяло,/ Принадлежавшее еще/ Моей бабушке.»

«Добротная вечность» унаследованного мировоззрения не изменяет, не изменяется. В ней верно расставлены акценты. В ней — любовь не продажна, а память — надёжна и горяча. Не случайно в безмятежной на вид Танечке так жива та великая и грозная эпоха, так созвучен ей взгляд юной Юлии Друниной, а в мирной стайке сохнувших детских ползунков — невероятно, неожиданно, — видится напоминание о блокаде Ленинграда. Слякотная весна ассоциируется в воображении Орловой с прощанием перед эвакуацией несмышлёной девочки Новеллы с отцом. «Весна похожа / На тебя в детстве:/ Помнишь/ Железнодорожную/ Станцию,/ Ты провожала отца./ Тебе не сказали,/ Что навсегда.»

Это прощание навсегда, на всю оставшуюся жизнь, не вернувшийся с фронта уникальный хирург — прадед, измерение своих поступков *его* взглядом, видимо, и настраивали Танечкину душу, позволили ей мерить вещи и явления самой точной меркой. Застенчивая, с кротким восхищённым лучистым взглядом, хрупкая и незащищенная, она совершенно непреклонна в тех случаях, когда ей навязывают нечто, несовместимое с её представлением о справедливости и добре.

Татьяна хранит её — свою душу, она пытается её уберечь, спасти от неминуемых разочарований взросления, от боли. Она прекрасно отдаёт себе отчёт, что с

утратой детства, с обретением чуда любви об руку идёт и страх – потерять, потяться в любимом, выпасть из себя самой. Потому она и оттягивает этот момент. Потому и не приемлет законов и повадок взрослости. И чувство самосохранения тут ни при чём. Не за себя волнуется. За неё – бессмертную. Как бы не сделали ей больно, не нанесли непоправимый урон, не оскорбили. «Основа:/ С душой/ Слиться./ Убогим/ Умом/ Бога/ Понять.» И вот тут невыносимое противоречие внутренней сверхзадачи Орловой, сосредоточенной потребности в самопознании и – необходимости переступить за высокий порог («Балансирую в ритме «взрослый»), сталкиваться с внешним миром, – чуждым, навязывающим стиль и манеру поведения в социуме. «Зазеркалье», «Макияж и я», «Шутливый мир ICG» – некоторые из стихотворений, свидетельствующих о глубоком смятении лирической героини Орловой. Снаружи нет никакой «вечности», «И мы – проходные». Всё, во что верила её душа – там эфемерно. Золотая карета, в которой она торжественно и радостно направлялась на вселенский бал, превратилась в тыкву, праздничные крылья – в ненужную ветошь: «Знаешь, а теперь в комод./ Где крыло к крылу лежало./ Бывшие когда-то в моде.../ Две поношенные шали.» Мир пугающе меняется. От детского восторженного взгляда подружки Неболужи не осталось и следа. Зато появился другой – сострадающий и милосердный: «Я знаю, когда-то гордым/ Был город мой простодушный./ Приманят, подачку кинут –/ Теперь он служит любому./ Мне страшно: случайно сгинет./ Отраву сжевав любовно.»

Но грош цена была бы всей этой истории, если бы не умела Таня любить. Любить людей – независимо от цвета их кожи, языка и вероисповедания, любить беспредельный дивный этот Божий мир; если бы не умела, возрождаясь из пепла, слышать сказки дальних странствий, если бы сама не сочиняла их. И вот – безрадостные будни одеты в белое сари («Будней моих одежда –/ Бедовая совесть моя.»), и вот напевает она колыбельную нервному чужому Нью-Йорку и дышат в стихах ароматы непостижимой, притягательной Японии, а в обыденной речи звучит музыка Индии: «На тамильском под вечер бурчат поезда./ Томясь у вокзала.»...

Но держит, упрямо держит на земле другое. Не экзотические берега, обряды и верования, не лазурные тёплые моря, не благополучные сытые страны, не завораживающие танцы и песнопения. Когда-то, в прошлой вечности, это не отпускающее, спасающее, драгоценное «нечто» называлось Родиной. Ненавязчиво, но очень отчётливо, тема Родины в стихах Татьяны Орловой вдруг становится одной из главных. «Я знаю отлично./ Какие там песни и люди./ Не помню только месяца вкус./ Вы говорите: «Полюбите»./ Я не уверена.../ Возможно, привыкну./ Прошу, угощайтесь моим!» Православная икона, однажды нарисованная весной в зимнем Танином сне, видимо, бережёт её наяву. «Ломтик молдавского месяца (солёный и бледный)» способен утолить любой голод. Целомудренная верность, осознание своей необходимости и человеческой значимости здесь и сейчас, спокойное достоинство, обрётённое в отчаянии и преодолении робости и страха, дыхание настоящей любви оттачивают поэтический язык Татьяны Орловой до предельной лаконичности.

Весной откроется книга:
Перелётные буквы
Вернутся.

АЛЕКСАНДРА ЮНКО

«МОЙ МИР ЛЕГКО ОТКРЫТЬ ПРОСТЫМ КЛЮЧОМ – СКРИПИЧНЫМ...»

Она полна неожиданностей. На вид – нежная и трепетная интеллигентная девушка, эдакая Татьяна Ларина наших дней. Но обладает к тому же четкими принципами, которыми никогда не поступается. Даже в мелочах. После выхода первой книжки ее стихов я в газетной статье без раздумий повторила вслед за издателем Дмитрием Николаевым – «юная Наталья Новохатняя». И что же она заявила при личном знакомстве? «Я не настолько юна, как вы написали». Вот покажите мне еще хоть одну особу женского пола, которая будет утверждать, что ей куда больше лет, чем можно дать на вид! Ну и, конечно, во имя высшей справедливости Ната в самых неподходящих ситуациях смело высказывает собственное мнение, зачастую нелицеприятное и, действительно, не слишком приятное конкретным лицам. Чем, несомненно, осложняет жизнь себе и окружающим.

Такой бойцовский характер выкован преодолением бесчисленных трудностей. С шести лет – профессиональные занятия танцами в знаменитой «Сперанце». Параллельно с общеобразовательной школой – учеба в «музыкалке» по классу фортепиано, солирование в школьном хоре. Что меня сразило окончательно, – последние два года Наташа занималась в физико-математическом классе. Когда отдыхал бедный ребенок и отдыхал ли вообще?!

Потом она поступила в Гнесинку на отделение музыкальной комедии – и ушла, когда оказалось, что природные голосовые данные не позволят работать в этом жанре. Вернулась в родные пенаты и окончила Академию музыки по классу камерного пения. Но и тут столь удачно начавшаяся карьера не сложилась...

Впрочем, о личном она предпочитает не говорить. Зато охотно поддерживает беседу на литературные темы, из любого диалога черпая нечто важное для себя. В поэзии и особенно в прозе ее стаж пока невелик, но она неустанно учится и много работает, так что результаты превосходят все ожидания.

Стихи и проза Новохатней печатались в интернет-журнале «Пролог». На международном творческом ресурсе «Подлинник». В журналах «Союз писателей» (Россия), «Русское поле» (Молдова). В коллективном сборнике «Пролетая над...» по итогам конкурса «Белого Арапа». В нашей газете «Русское слово». Ее произведения входили в лонг-лист международных конкурсов «Эмигрантская лира» (Бельгия, 2011), «Первая любовь» (Россия, 2012), в шорт-лист конкурса малой прозы литературного фонда «Белый Арап» (Кишинев, 2011). Она – дипломант конкурса «Русский Stil» (Германия, 2012).

Вторая книга стихов Натальи Новохатней «Об авторах и героях» (Кишинев, 2012) лишена каких бы то ни было следов ученичества. Здесь уже нащупана соб-

ственная поэтика и неповторимая творческая интонация, которую можно назвать лирико-ироничной, а местами даже лирико-сатирической.

*Анемичная барышня пьет ананасовый сок.
Отставляя бокал, проверяет наличие взглядов.
Ну конечно, мужских! А иначе, какой в этом прок,
В сокопитии на людях? И отпечатки помады
Всё клеймили отчаянно красным вспотевший бокал.
Колыхались в призыве немом безупречные рюши.
Но пока безуспешно. Мужчина, что справа, жевал
Что-то очень мясное и к барышне был равнодушен.*

Перед нами проходит череда пестрых городских картинок и персонажей, вызывающих у автора целый спектр чувств, далеких от безразличия. Это ощущение живо передается читателю, который может бродить по страницам, как по картинной галерее, надолго застывая перед каждым неповторимым пейзажем или портретом, исполненным в несколько импрессионистической манере. Ритм стихотворений похож на ритм современной городской жизни – торопливый, нервный, неровный, сбивчивый, изломанный, синкопированный. В нем слышится что-то определенно джазовое – не случайно первая книга Новохатней называлась «И вечный блюз».

Обитательницы «городка» – студентки, пассажирки общественного транспорта, соседки, тетки, невесты... Каждая предстает со своей историей. И даже улица в чем-то им сродни: тоже женщина, тоже горожанка, и ведет себя соответственно – то плачет, то смеется, то любопытствует, то отзывается на лестный комплимент, то стучится в окна, вызывая на балкон. И пусть вас не обманывает псевдо-античный антураж в цикле «У моря», «иностранный» акцент «Пяти портретов» или отсылки к эпохе извозчиков и вуалеток. Пенелопа, Медея, Эос, Клио, Каллиопа, Мельпомена и т.п. – проявление вечной ипостаси все того же образа.

Драматизм повествования проявляется не только в любовных или творческих коллизиях, он обусловлен нелинейной женской сущностью, в которой уживаются противоположные начала – интуитивное и рациональное, стихийное и упорядоченное, жертвенное и ведьмовское. Высшее предназначение женщины емко и точно выражено в стихотворении «Рождественник» цикла «Цветочное трио»:

*Свет. Тишина. Благодать.
Прочь, суета, прочь!
Мир посетила радость
В эту важную ночь.
Каждый бутон мой напоминанием станет...
Шёпот Марии:
– Чувствую, время пришло.
Младенец. Мальчик.
Взволнованно расцветаю.
И ночь не страшна, что вьюгой грозит в окно.*

Любя своих героинь, Наталья Новохатняя, тем не менее, смотрит на них острым, все подмечающим, ироничным взглядом. Ее стихи столь насыщены метко подмеченными деталями, столь вещественны и сюжетны, что порой напоминают бытовые зарисовки и даже «физиологические очерки». Почти в каждом

стихотворении есть зерно, из которого мог бы вырасти сюжет рассказа или небольшой повести. Да и название у книги нарочито-обыденное, вызывающе непэтическое. Но пусть вас не обманывает видимость, это именно стихи. Выросшие не на пустом месте. Достаточно вспомнить Наташиного предшественника столетней давности – Сашу Черного. Продолжение той же русской литературной традиции ощущается во многих стихах Новохатней.

*Тётка, чей вес за сто, бойко торгует вишней.
Юбки дешёвый шёлк мрачно трещит по швам.
Ейный сынок следит, как бы чего не вышло,
Если заметят вдруг убыль на двести грамм.*

Тем более неожиданным становится сближение двух веков, когда герои «Немого кино» с их напудренными лицами и густо подведенными глазами вдруг получают отклик в современном грустном облике подростка-эмо.

Не так давно я планировала взять у Натальи Новохатней интервью. От этого проекта осталось множество ее порой спорных, но, безусловно, интереснейших высказываний о творчестве, о литературе, о времени, в которое мы живем. Вот некоторые отрывки из ненаписанного интервью.

– Из всех творческих людей литераторы мне кажутся самыми странными. Просто через одного пророки. Отсюда и отношение к своей писанине как к чему-то возвышенному. Но если поэзию (хорошую, разумеется) ещё можно отнести к возвышенному, то возвышенная проза – это звучит странно. У прозы слишком много общего с медициной, а то и вовсе с хирургией. Неудивительно, что многие прозаики в прошлом врачи.

– Мне всегда казалось, что ко всем людям, так или иначе связанным с творчеством, идеи приходят одинаково: чаще во снах или в состоянии, что предшествует сну. Тело расслабляется, снимаются все блоки, и высшим силам легче взять человека в оборот. Но когда я общалась на поэтическом сайте, некоторые авторы вдруг сообщили, что им стихи приходят днём. До того момента я думала, что вдохновение – это ночная гостья, не дневная. Но в чём я уверена наверняка: вдохновение стучится абсолютно ко всем, просто кто-то ждёт его, широко распахнув двери, а кто-то, наоборот, заперевшись на все замки. К гениям это не относится, они по умолчанию на несколько ступеней выше. Поэтому и слышат Бога много-много чётче. И с этим, наверное, очень непросто жить, больно даже.

– Я всегда за истину или за попытку к ней приблизиться, а не за искусственно придуманные прошлое ли, образ великого человека ли. Всё чаще сталкиваюсь с тем, что люди придумывают себе былое: вузы, которые якобы заканчивали, общение с известными людьми (которые об этом ни сном, ни духом), научные степени. Цели, с которыми это делается, ясны, но... не понимаю.

– Мне кажется, мои стихи не поэтичны. Хотя какое-то своеобразие в них присутствует, но куда двигаться дальше (и как), просто не представляю. Вот они и замолчали. Вика (Чембарцева – А. Ю.), когда я ей пожаловалась на молчание, посоветовала мне выписывать из себя мысли, не задумываясь о форме. В общем, этим я сейчас и занимаюсь, то туда занесёт, то сюда.

– Что происходит сейчас в искусстве? Конечно, я помню другие времена, когда в нашем оперном театре ставили более серьёзные постановки, а некоторые из нынешних репертуарных спектаклей раньше шли бы исключительно в оперной студии, а не на театральной сцене. Но в театре по-прежнему кричат «Браво!» Залы не пустые (и это несмотря на выросшую цену на билеты).

– Как сломать «забор» между культурами, ответить не могу. Да и права не имею. Знала бы молдавский язык, тогда дело другое. Преподавание молдавского что в школе, что в консерватории было слабым. Но я же не бестолочь. Английский выучила на курсах, неплохо знала итальянский. Могла бы и сама выучить – не захотела, по разным причинам. Теперь жалею. На Фейсбуке есть такая Арт-площадка. Так вот, беседовала там с молдавским художником. Он мне писал на молдавском, вернее, на румынском (он считает себя румыном), я отвечала по-русски. Общим языком общения у нас оказался английский. Бред!

– Читала только парочку рассказов (или повестей?) Лорченкова, больше не смогла. Впечатление такое: если хочет, может быть хорошим стилистом. Мат его невыносим, и это как раз тот случай, когда мат ради мата. Эпатаж – дело интересное, но это привилегия молодости, а ему, если я не ошибаюсь, за тридцать, пора задуматься. А ещё – не выношу грязи, что человеческой, что литературной.

– Продолжая мысль Миши Поторака, насколько мы ощущаем почву под ногами. Мне кажется, чем труднее жизнь, тем эта «почва» виднее. Выясняется, что хочется оставаться человеком. Вот и пишущих становится больше, потому что душа требует диалога, вначале сама с собой разговаривает, а потом и собеседника хочется. Конечно, это почва внутренняя, не внешняя. Но именно внутреннее состояние притягивает внешние события.

– Для меня всегда была эталоном моя горячо любимая и, к сожалению, уже покойная преподавательница по вокалу Тамара Григорьевна Алёшина. Народная артистка СССР! Прихожу как-то на урок. А уроки тогда проходили у неё дома, потому что Т. Г. была тяжело больна и на улицу не выходила. Так вот, прихожу, а она смотрит по телевизору выступление какого-то молодого певца. Тот старается, что-то из себя изображает. Я думаю, сейчас Т. Г. дослушает и кааак скажет! А она лишь промолвила: работать надо. Не судила. Потому что мудрая была и понимала: сейчас это несерьёзно, но кто знает, что будет через несколько лет. Главное – это путь, а не разовый результат или его отсутствие, что тоже результат.

– Знаете, подумалось, что отношение к моему творчеству разделилось по гендерному признаку: женщинам нравятся мои стихи, мужчинам – проза. Это абсолютно не обидно. Главное, что кого-то что-то задевает, а не «в ответ – тишина».

– Тема критики мне очень интересна. Потому что я в критике очень нуждаюсь. За свою жизнь в искусстве я всё-таки привыкла к наличию определённых правил. Например, сутулость на сцене – это неэстетично. Конечно, была Каллас, которая, будучи немного сутулой, ещё и переваливалась уточкой, когда бегала по сцене. При этом она была абсолютно гениальной певицей и актрисой. Но это, скорее, исключение. Правила должны быть, и критика тоже.

— А вот каким должен быть настоящий литературный процесс, у меня представление слабое. Мастер-классы, на которых я была, этого представления у меня тоже не сформировали. Кирилл Ковальджи был излишне дипломатичен, Светлана Василенко хвалила всех без исключения, и лишь когда её критика звучала более резко, можно было догадаться, что она считает и автора, и представленный им рассказ заслуживающим более серьёзного внимания. Возможно, так и надо: в смысле, хвалить авторов, чтобы не отбить желание писать? Не знаю. Единственный анализ, который меня абсолютно сразил, был письменный разбор Олега Панфила. Дело в том, что я послала ему свой рассказ, неудачный, о чём знала сама. Но мне надо было понять, что в нём не так. Разбор Олега был таким замечательным, тонким, интересным, что я прочитала его, что называется, на одном дыхании. Мало того, он дал мне ссылки на рассказы, которые, по его мнению, могли бы мне помочь. После этого появился мой рассказ «В гостях». Если бы не Олег, рассказа бы не было. А вообще мастер-классы — дело полезное и нужное. Даже слушая про чужие ошибки, штампы и проч., начинаешь больше понимать про себя.

— Школьникам новый материал объясняют, лучше ли, хуже ли, но объясняют. Мне же приходится докапываться до знаний окольными путями: что услышусхвачу — то моё. Поэтому и возникает вопрос: так должно быть, это норма или есть варианты? Мастер-классы мне кажутся этими самыми вариантами. Ещё сетевое общение, от которого я сейчас уже отошла, но большая часть моей книги написана именно в тот период, когда я интенсивно общалась на непрофессиональном поэтическом сайте. Там у меня появилось несколько друзей, которые очень серьёзно меня критиковали, за что я им безмерно благодарна. Возможно, поэтому мне так не хватает критики в реале. Мне нужно выслушивать другую точку зрения, чтобы либо отказаться от своей, либо искать аргументы в свою защиту.

— Почему продолжают считать, что в Молдове русской поэзии и прозы нет, тогда как существует целая плеяда абсолютно зрелых, разных, интересных авторов? (Я сейчас не о Лёне Потораке. Он — юное дарование. Продукт воспитания, творческих генов обоих родителей. Хочется верить, что всё у него будет хорошо, он вроде парень разумный и адекватно воспринимающий реальность.) Неужели люди не способны оценивать своих современников, ждут, чтобы кто-то авторитетным голосом сказал: вот этот, этот и этот — гении?

В общем, мы с вами уже поняли, что интеллигентность не стоит путать с мягкотелостью. Ну, а напоследок приведу мое любимое высказывание Наташи, которое, как мне кажется, полностью выражает её натуру:

— Возможно, мои слова звучат излишне резко, но я привыкла смотреть на вещи реально и не заниматься самообманом.

ДРАМАТУРГИЯ

Поли-ART

АНАТОЛИЙ ЛАБУНСКИЙ

ЖИВ ПЕТРУШКА

Комедия в двух действиях

Действующие лица

Колосничество:

В л а д и м и р Л е н и н
 Ш т е ф а н В о е в о д а
 Т е в ъ е
 И в а н
 Г а м л е т
 Г о р о д н и ч и й
 О л е – Л у к о й е

вождь мирового пролетариата
 господарь Молдавии
 молочник
 дурак
 принц датский
 глава уездного города
 сказочник

Работники театра:

Г е о р г и й М е л ь п о м е н о в
 С о б о р о в
 Б ы с т р о в
 А в р о р а
 П е т ь л ь к а - к р ю ч о ч е к
 П е р в ы й а к т е р
 В т о р о й а к т е р

режиссер
 пожилой актер
 молодой актёр
 ведущая актриса театра
 пожилая, в прошлом известная, актриса

На двух уровнях декораций в качестве фона иногда могут появляться актеры миманса. На сцене – в современных костюмах, на колосниках – в костюмах из спектаклей разных эпох.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Г о л о с. И проплыл он и через тот город, где жила его старая няня, которая нянчила его, когда он был еще малюткой. И вот он увидел ее: она кланялась, посылала ему воздушные поцелуи и пела хорошенькую песенку, которую сама

сложила. И птички подпевали ей, цветы приплясывали, а старые ивы кивали, как будто Оле-Лукойе рассказывал им сказку...

Медленно загорается свет.

Сцена представляет собой две расположенные друг над другом площадки. На нижней – мужская и женская артистические гримборные и курилка между ними. Верхняя площадка – колосники, техническое пространство над сценической площадкой. Здесь живут духи театра, которые в этот момент общаются между собой.

На верхнем ярусе декорации Оле-Лукойе, в традиционных шапочке и балахончике, с неизменным зонтиком в руке, рассказывает свою новую сказку. Его слушают Штефан и Иван.

О л е. Жили-были сестрица Аленушка и братец Иванушка. Аленушка была умная да работающая, а Иванушка был алкоголик. Сколько раз сестрица ему говорила: «Не пей, Иванушка, козленочком станешь!» Но Иванушка не слушал и пил. Вот как-то раз купил он в ларьке паленой водки, выпил и чувствует – не может больше на двух ногах стоять, пришлось на четыре точки опуститься. А тут как раз подходят к нему волки позорные и говорят: «Ну что, козел, допился?» И так надавали ему по рогам, что он отбросил копыта. А сестрице Аленушке досталась его квартира, потому что добро всегда побеждает.

Пауза. Все недоуменно переглядываются.

Ш т е ф а н. Ну и что?

О л е. Все!

Ш т е ф а н. А что все? Я не понимаю.

И в а н (*перебивает*). Ступай отсюда, сочинитель! Когда что-нибудь хорошее сочинишь, тогда и приходи.

О л е. Так ведь я... я же на основе русского фольклора, поближе к современности.

И в а н. Слабенькая сказочка. Тоже мне современник! Иди и работай.

Иван выталкивает сказочника и возвращается.

Ш т е ф а н. Что здесь происходит и где я нахожусь?

И в а н. Где? На колосниках. Ты разве не знал?

Ш т е ф а н. Нет... А что это за колосники?

И в а н. У-у! Да ты, я погляжу, действительно новичок.

Ш т е ф а н. Я – господарь!

И в а н. Что-о-о?

Ш т е ф а н. Гос-по-дарь. Царь по-вашему.

И в а н. Очень сказочный персонаж.

Ш т е ф а н. Сказочный?! Я выиграл более сорока битв! Я...

И в а н. Ладно, ладно. Ты – царь, а я – дурак, друг без друга нам никак. И, судя по всему, учить тебя уму-разуму придется именно мне.

Ш т е ф а н. Не много ли на себя берешь? Ты с кем разговариваешь?!

И в а н. Не горячись. Сам ведь спросил, что такое колосники и что мы здесь

делаем. Колосники – это самый-самый верх театральной сцены. Вот мы здесь и находимся.

Ш т е ф а н (*удивленно*). Так мы что, в театре???

И в а н. Конечно.

Ш т е ф а н (*задумчиво*). При мне театров не было, но ходили христославы и на рождественских ярмарках представляли всякие небылицы. (*Оглядывается во-круг.*) Ух ты! Да, это тебе не рождественский вертеп. А что мы здесь делаем?

И в а н. Я же говорю – новичок. Мы здесь боги!

Ш т е ф а н. Боги?!

И в а н. Ну, не боги... а... как-бы это сказать. Духи. Духи театра. Так называемые колосничие.

Ш т е ф а н. Послушай-ка! Как тебя там?

И в а н. Иван.

Ш т е ф а н. Иван, или ты сейчас же растолкуешь мне, что здесь происходит, или я укорочу тебя на голову, хоть и не хочется мне оставаться здесь одному.

И в а н. Ну, один ты не останешься, нас на колосниках много. И оказались мы здесь не случайно. Как говорят, есть какой-то Всемирный Конгресс театров. Так вот, по его решению...

Ш т е ф а н. Что ты городишь! Святой Боже, святой крепкий, помилуй мя. Я его сейчас зарублю! (*Пытается вынуть меч.*)

И в а н (*спокойно*). Спрячь свою деревяшку. Никого ты бутафорским мечом не зарубишь. Лучше послушай спокойно. Если спектакли по какой-то пьесе с успехом проходят в ста театрах мира... Понимаешь? В ста разных театрах, где бы они ни находились, то главный герой пьесы становится театральным колосничим. Такое почетное звание.

Ш т е ф а н. Тоже мне звание. И почему именно в ста театрах?

И в а н. Может быть и меньше. Я точно не знаю. Но если уж ты здесь, значит, и на тебя театров хватило.

Ш т е ф а н. А мне это зачем?

И в а н. Ну ты, царь, даешь! Зачем?! Да ведь ты сейчас... ты... (*Не находит слов*). Ты носитель... э-э... хранитель... Ты – дух театра.

Ш т е ф а н. Так ты говоришь, здесь таких духов много?

И в а н. Хватает.

Ш т е ф а н (*сокрушенно*). Представляю, прости господи, что здесь творится.

И в а н. В театре не без того.

Ш т е ф а н. А почему я должен находиться на этом чердаке?

И в а н. Таков порядок. Вот, скажем, домовый должен сидеть за веником, а мы сидим на колосниках. Ты, конечно, можешь поклоняться по театру, а раз в неделю на пару часов даже выйти в город. Этакое небольшое увольнение. Как у солдат. Тебя все равно никто не увидит, ведь мы для них невидимки. Но, не ровен час, заблудишься, поэтому сиди лучше на месте.

Ш т е ф а н. И как долго мне здесь находиться?

И в а н. Не могу знать, но до конца театрального сезона – это точно. Потом, чтобы не засиживались, нас меняют местами. В следующем сезоне, глядишь, окажешься на колосниках где-нибудь на другом конце света.

Входит Тевье.

Т е в ь е. Мир вам. Я вижу, нас стало больше. Шолом, господин-товарищ-царь.

Ш т е ф а н. Это еще кто такой?

И в а н. Государь, это Тевье-молочник. Шоломалейхемовский. Спектакли о нем ставят во всем мире.

Ш т е ф а н. Что? Еврей?

Т е в ь е. Должен же кто-то быть евреем, так лучше я, чем вы.

Ш т е ф а н (*презрительно*). Ну и компания! Дурак и еврей. О, Господи, за что?

Т е в ь е. И сказано в Писании: не по своей воле живет человек.

Ш т е ф а н (*застонав, как от зубной боли*). М-м-м... Это же надо. Пятьсот лет все было хорошо и... на тебе! — чердак. Я! Господарь! И вдруг — ко-ло-сни-чий. Словно какой-то постельничий или конюший. Тьфу!

И в а н. Ну, это ты зря. Царем ты был где-то там... (*Неопределенно машет рукой.*) А здесь у нас чинов и званий нет. Здесь мы, как в бане. Все равны. Так что корону свою спрячь, пока Вовик не пришел. Он у нас царей не любит. Кстати, а зовут-то тебя как?

Ш т е ф а н. Ты что себе позволяешь! С чего бы это мне корону прятать?! Я — Штефан Воевода, Божию милостью господарь земли молдавской.

И в а н. Молда-а-авской. А я-то думал...

Ш т е ф а н. Дуракам думать не положено! Подумал он!

И в а н. Да тут и думать долго не надо. На Петра ты не тянешь, на Грозного не похож...

Т е в ь е. И на царя Соломона тоже не очень. Уж ты, господин-товарищ-царь, не сердись, но у нас и кроме тебя есть особа королевских кровей. Славный персонаж. Четыре сотни лет его имя звучит со сцен всех мировых театров.

И в а н. Да, Воевода, он тебе, между прочим, не чета. Ты перед ним, как новобранец перед старослужащим. Но ты не бойся, дедовицы у нас нет.

Ш т е ф а н. Я никого не боюсь. Из чьих он будет?

И в а н. Из чьих? Из датских! Принц Гамлет, слыхивал? Случаем, не родственник тебе?

Т е в ь е. Ха! Родственник... нашему забору двоюродный плетень. Ой, извини, государь, у нас ни в Бойберике, ни в Егупце царей не было, так я с непривычки сболтнул лишнего.

Ш т е ф а н. А ты не болтай.

Т е в ь е. Конь на четырех ногах и то спотыкается, а человек с одним языком...

И в а н. Тихо!

На нижнем ярусе, в женской гримерке, появляется Петелька.

Далее реплики звучат с обеих уровней.

П е т е л ь к а. Фу! Хотя бы окно оставили открытым. Уж как они любят банкет...

И в а н. Да. Вчера они дали газу до отказу!

Ш т е ф а н. Кто? Духи?

И в а н. Какие к черту духи? Это актеры нашего театра.

Т е в ь е. Не театр, а корчма придорожная.

П е т е л ь к а (*убирая пустые бутылки и остатки закуски*). Мало им. В фойе стол ломился, так еще и сюда принесли. Шаровики несчастные. В Европу они хотят! Ждут нас там сильно.

Ш т е ф а н. В Европу? А мы где? Мы что, не в Европе?

Т е в ь е. У современной географии, как и у истории, есть свои странности.

В гримуборной появляется Аврора.

А в р о р а. Ты уже здесь? А я слегка проспала.

П е т е л ь к а. Не удивительно, после такой попойки. Уборщицы до сих пор наводят порядок.

А в р о р а. А как такое дело не отпраздновать?! Не каждый день нас на международные конкурсы приглашают.

П е т е л ь к а. Тоже мне! Конкурс современной сказки.

А в р о р а. Что с тобой? Сказано ведь со-вре-мен-ной! А современная сказка – это не «Буратино». Тут все что хочешь, от «Звездных войн» до «Аватара». Да, в конце концов, какая разница? Я уже забыла, когда мы на гастроли выезжали. А тут – ПАРИЖ! Ты представить себе можешь хоть на минуточку? ПАРИЖ... Господи!!! Наконец-то! Вот они, плоды демократии.

П е т е л ь к а. Причем тут демократия?!

А в р о р а. Так ты ведь сама рассказывала, что раньше все поездки через Москву решались, а сейчас напрямую, р-р-раз и – Елисейские поля.

П е т е л ь к а (*принимается за вязание*). Эх, как тебя раззадорило! Сара Бернар – ни дать ни взять.

А в р о р а. Ну, знаешь, Сара не Сара, а на международном конкурсе приглашение в хороший театр может случиться, а там, глядишь, известному режиссеру можно пригласиться. Ведь засветиться в Париже – это тебе не на корпоративе выступить.

П е т е л ь к а. Солнце ты мое ясное. Чем же ты там светить-то вздумала? Уж не похмельной ли своею личиною?

А в р о р а. Злая ты... (*Садится к зеркалу.*)

Колосники.

Ш т е ф а н. Зря она так. Девушка ладная. (*Снимает корону, промокает вспотевший лоб.*)

И в а н. Тихо ты.

Гримерка.

А в р о р а (*глядя в зеркало*). Да-а-а... Так торопилась, что даже красоту нарисовать не успела.

П е т е л ь к а (*заглянув ей через плечо*). У-у-у! Вся правда обнажилась. Создал Бог женщину, посмотрел... махнул рукой и сказал: да ладно, накрасится.

А в р о р а (*принимается за макияж*). Вот только не надо завидовать.

П е т е л ь к а. И с чего бы вдруг я тебе завидовала?

А в р о р а. Да хотя бы потому, что на конкурс я поеду, а не ты.

П е т е л ь к а. Ой ли! Только вчера о конкурсе сообщили, еще пьесу не выбрали, а она уже едет!

А в р о р а. Ни секундошки не сомневаюсь. Какая бы пьеса ни была, а Гога для меня ролюшку найдет. И, как я понимаю, не из последних.

П е т е л ь к а. Еще бы. С таким воздыхателем все роли твои.

А в р о р а. Скажешь тоже. Воздыхателем. Все сплетни от тебя. Лучше бы ты свои шарфики да кофточки плела, а не интриги.

П е т е л ь к а. Какие интриги?! Мельпоменов только тебя увидит, сразу у него с языка на пол начинает капать. Будь я на твоем месте... Грех таким случаем не воспользоваться.

А в р о р а. Тоже мне скажешь. Случай! Случайными бывают только браки. А в любовники надо брать человека надежного.

На колосниках появляется Ленин.

П е т е л ь к а (*всплеснув руками*). В любовники... Да ты чего, Авдотья, неужто Мельпоменова соблазнила?!

А в р о р а. Во-первых, не Авдотья. Ава я! Ава! Понимаешь? Аврора! Пора запомнить. Во-вторых, захочу – соблазню. И тебя спрашивать не стану. Я женщина самостоятельная.

Колосники.

Т е в ь е. Хорошо быть самостоятельным у полного холодильника.

И в а н. Почему у полного?

Т е в ь е. Если в любовниках худрук театра, то холодильник не может быть пустым. Это не то, что я с детьми по три раза в день с голоду помирал, не считая ужина.

Л е н и н (*рассматривая Аврору*). Хороша. Как, говоришь, ее зовут?

Т е в ь е. Аврора.

Л е н и н. Аврора?! (*Задумчиво кивая*.) Да-а... такая любого сразит наповал.

Ш т е ф а н. Я слышал, в Питере какая-то Аврора холостым выстрелом самодержавие сразила.

Л е н и н. Вот-вот. (*Заметив нового духа, протягивает руку*.) Владимир Ульянов-Ленин.

Ш т е ф а н (*пожимая руку, надевает на голову корону*). Штефан, Воевода. Господарь... Очень приятно.

Ленин в изумлении смотрит на корону Штефана и безглаголиво вытирает руку после рукопожатия.

П е т е л ь к а. И чем тебе Авдотья не нравится? Прекрасное русское имя. Надо же, Ава... Лет двадцать назад, когда тебя еще в театре не было, у нас сказка шла «Доктор Айболит». Так я в ней собаку Авву играла.

А в р о р а. М-м... И не стыдно? Собака... Это все от зависти. Ролей нет, вот укусить и норовишь.

П е т е л ь к а. Я свое уж отыграла. Столько, что тебе и не снилось! И Джульетт, и зайчиков, и собачонок всяких. Поэтому мне ваши международные курсы, пардон, до одного места. Вот выйду на пенсию и абсолютно ничего не буду делать. Первые полгода буду просто сидеть в кресле-качалке.

А в р о р а. А потом?

П е т е л ь к а. Что потом?
А в р о р а. Ну, после полугода?
П е т е л ь к а. Начну раскачиваться.

*Справа, в мужской гримерке, появляется Соборов.
Он злобно рыщет в поисках чего-то.*

С о б о р о в. Черт возьми... Ах, вот она! *(Находит наконец пустую бутылку и долго вытряхивает в складной рыбацкий стаканчик скудные остатки ее содержимого.)* Ну, душа, примешь лекарстечко? *(Прислушивается к своему внутреннему голосу.)* Нет? Ну, тогда отойди, а то оболью... *(Выпивает и прячет стаканчик.)*

Вбегает Быстров.

Б ы с т р о в. Собрание еще не началось? Фу, черт! Меня этот спортклуб доконает. Спрашиваю тренера, неужели нельзя начинать занятия на полчаса раньше, а то ведь я всегда опаздываю на репетиции. А он мне: расписание, расписание... У меня тоже расписание. И вообще я не понимаю, зачем малыша в четыре годика таскать в спортивные секции? Ан нет! Жена с тещей, чтоб они были здоровы, в один голос: «Мальчику надо развиваться, чем раньше отдадим, тем лучше результат». Но ведь ребенка сломать можно!

С о б о р о в *(предостерегающе подняв указательный палец)*. Самая травмоопасная спортивная игра – шахматы. Можно уснуть и упасть глазом на ферзя.

Б ы с т р о в. Недавно прихожу домой после спектакля. С ног валюсь, а теща прямо с порога: «Как вы ребенка воспитываете, почему вы его против меня настраиваете? Как вам не стыдно? Что я вам плохого сделала?» Я – ей: «Да что же вы такое говорите? Мы вас любим, мы вас ценим, мы вам благодарны за вашу помощь». А она: «Так почему Шурик целый день за мной ходит и талдычит: молись и кайся, молись и кайся?!» «Мама, – говорю, – так это ребенок просит вас показать ему мультик «Малыш и Карлсон». Теща в слезы, ты, мол, зубы мне не заговаривай.

С о б о р о в *(с сомнением)*. Ты думаешь, это он и в правду про мультик?

Б ы с т р о в *(с укоризной глядя на Соборова)*. И ты туда же... Вот тебе бы мою тещу. То она с космосом разговаривает, то отрубями объедается. Она у меня на Блаватской да на Агни Йоге повернута.

С о б о р о в. Скажи спасибо, что не на Камасутре.

Б ы с т р о в. Шутник. Нет у тебя проблем.

С о б о р о в. У кого их сейчас нет? Скажешь тоже. Я уже который год жену не могу устроить на работу. А на мою актерскую зарплату, сам понимаешь...

Б ы с т р о в. А почему не можешь устроить?

С о б о р о в. Так ведь всем нужны 18-летние девушки с 30-летним стажем работы, двумя высшими образованиями и взрослыми детьми.

Раздается длинный звонок.

С о б о р о в. Ну вот... Зовут. Пойдем, послушаем проповедь Мельпоменова.

Все актеры покидают сцену.

Л е н и н. Возмутительно! Женщина не может устроиться на работу! Произвол! Что хотят, то и делают.

И в а н (*потягиваясь*). Сейчас демократия.

Л е н и н. Демократы. Такую страну угробили, разграбили, растащили!

Ш т е ф а н. Большая империя, как большой пирог, начинает крошиться с краев.

Л е н и н. С краев? Умничать изволите? Ах, царская ваша физиономия, да при Советской власти вы бы у меня...

Т е в ь е. Не хочу вас огорчать, Володя, но Советская власть уж двадцать пять лет как закончилась.

Л е н и н. Вот и плохо! Архиплохо! Ваша демократия напоминает светофор, у которого горят все три огня сразу.

Т е в ь е. У нас в Бойберике политиков не было, но Менахем-Мендл, человек знающий, говорил, что уровень демократии измеряется расстоянием, которое может пройти человек, не предъявляя документов для проверки.

Л е н и н. Вот! Я слышу речь не мальчика, но мужа! Простите, все время забываю, как вас...

Т е в ь е. Тевье-молочник.

Л е н и н. Вот именно, Тевье... Не каждый политик смог бы так точно сформулировать суть вопроса.

Ш т е ф а н (*перебивает*). Влад, о чем ты говоришь? Общеизвестно, что демократия заканчивается, как только бюллетень опущен в урну.

Л е н и н. Для вас, батенька, я не Влад. Владом был ваш друг и соратник, кровосос Цепеш, а я – вождь мирового пролетариата.

Ш т е ф а н. Ну, прежде всего никакой Цепеш мне не друг, а во-вторых, что же ты такой крикливый?

Л е н и н. То, что Вы считаете крикливостью, является ораторским искусством, необычайно важным в деле убеждения масс. Но вам этого не понять. Ведь вы привыкли действовать не столько убеждением, сколько принуждением. Не так ли, милостивый, извините за выражение, государь?

Ш т е ф а н. Меня валахи, мунтяне да и османы помнят государем отнюдь не милостивым. И тебе, вождь, не советую проверять это на собственном опыте. Кстати, Ваня, вождь, это кто?

И в а н. Если честно, то я, Степа, не в курсе. Думаю, это как артельный старшой.

Л е н и н. М-м-м... Старшой! Артельный!

Ш т е ф а н. То-то я смотрю и поговорить не с кем. А где этот ваш, царских кровей? Ну, этот... принц датчанский.

И в а н. А, Гамлет? Так он в увольнении. В город пошел. Скоро будет.

Входит Оле-Лукойе. Вероятнее всего, он считает Ивана-дурака главным редактором, поэтому подходит и обращается к нему.

О л е. Я тут кое-что набросал. Может, послушаете?

И в а н. А, сочинитель... (*Важничая.*) Господа, прошу внимания. В связи с приглашением на международный конкурс наш коллега, колосничий Оле...

О л е. Оле-Лукойе.

И в а н. Да, Оле-Лукойе любезно согласился написать новую сказку, которую мы могли бы предложить нашему театру. Давайте послушаем. Ну, что у тебя на этот раз?

О л е. Французско-русская сказка.

И в а н. А почему французско-русская?

О л е (*мнется*). Так ведь театр едет на конкурс во Францию. Я и подумал. Но сказка нужная, о патриотизме!

Л е н и н. О патриотизме – это хорошо. Давай, читай!

О л е. Значит, так. Были у папаши Дюбуа три сына. Старший Жан, средний Жюль и младший Жак-дурак. Пришла им пора жениться. Вышли они на Елисейские поля и давай стрелять в разные стороны. Жан попал в депутата Национального собрания, но тот был уже женат. Жюль попал в кюре, но тому жениться религия не позволяла. А Жак-дурак попал в лягушку, да и в ту не попал, а промазал. Попыталась ему лягушка объяснить русским языком, что она на самом деле царевна, а лягушкой обернулась, чтобы за визой в посольстве не стоять, но Жак был француз и русского языка не понимал. Приготовил он лягушку по старинному французскому рецепту и стал шеф-поваром в парижском ресторане. Мораль: сидите, девки, у себя в болоте и не квакайте. Нечего вам на Елисейских полях делать. А дураков у нас и дома хватает.

Пауза.

И в а н. М-да... Дураков хватает.

Т е в ь е. Неплохая сказка. Поучительная.

Л е н и н (*с раздражением*). В Тулу со своим самоваром. Как к французам, так сразу Жаки, Жюли, Дюбуа... Тьфу! Нет чтобы что-то наше, русское.

О л е. Так ведь это же на основе русской народной сказки. Правда, я ее слегка адаптировал.

Л е н и н. А вы, юноша, думаете, что, услышав волшебное слово «Дюбуа», все растают и победа в конкурсе обеспечена? Мечтатель...

О л е. Но если вы настаиваете, то у меня есть вариант без Жаков и Жюлей.

Ш т е ф а н. Ну-ну... Интересно.

О л е. Только он еще не доработан. Сыроват.

И в а н. Ладно, не морочь голову. Читай.

О л е. Значит, так... В некотором царстве, в некотором государстве жил-был везунчик-отец, и было у него три сына – двое глупых, а третий вообще никакой. Решил отец их женить. Вывел во двор и велел стрелять, кто куда попадет. Первый выстрелил – попал в воздух. Второй выстрелил – попал в полицию. Третий выстрелил – попал на бабки. Плюнул отец в сердцах, раздал каждому по лягушке и пошел спать. А какого лягушки пола, не проверил. В общем, нехорошо получилось...

Пауза.

И в а н. А что? Современненько...

Ш т е ф а н. Да ты, Иван, действительно дурак!

И в а н. Чуть что – сразу дурак! Вот ты, Степа, государственный человек, царь, можно сказать, а не понимаешь, что эта сказка для французов станет лучшим подтверждением того, что недавно принятый закон «О не дискриминации»¹ действует и что в отношении Европы у нашей страны недвусмысленные намерения.

Л е н и н. Закон! Любой закон можно извратить так, что он и не пикнет, а тем более этот. И вообще, при чем тут законы? Сказочку придумать не могут!

О л е (*задумчиво*). А про лягушек французы любят...

Ш т е ф а н. Ну, а ты, молочник, почему молчишь?

Т е в ь е. В доме бедняка все орут и все правы.

Ш т е ф а н. Только не умничай.

Т е в ь е. Ваша правда, господин-товарищ-царь. Лучше глупцом быть вместе со всеми, чем мудрецом в одиночку.

О л е (*робко напоминает о себе*). У меня еще сказка есть. На основе русской литературной классики.

Л е н и н. Прелюбопытно!

И в а н (*вспомнив о своей роли главного редактора*). Интересно, интересно. Мы вас слушаем.

О л е. Петербургская сказка по мотивам произведений Федора Достоевского.

Ш т е ф а н. Не тяни волынку.

О л е (*откашлявшись*). Значит, так... Шел солдат со службы домой. Постучался он по дороге в один дом. «Пустите, – говорит, – переночевать, хозяева». А в доме жила жадная старуха. «Ночевать ночуй, – сказала она, – только угостить мне тебя нечем». «Это не беда, – ответил солдат, – ты мне дай только топор, а я из него кашу сварю». «Ты что, солдат?! – возмутилась старуха. – Думаешь, я совсем из ума выжила? Чем я потом дрова рубить-то буду?» Обиделся солдат и ушел несолоно хлебавши. А звали его, между прочим, Родион Раскольников.

Пауза.

Т е в ь е. Невеселая сказочка...

Л е н и н. М-да... Мрачновато. Достоевщина...

И в а н. Все. Хватит. (*Выталкивая сказочника*.) Иди! Нет у тебя сказки, достойной международного конкурса.

О л е. Может, я еще попробую? У меня есть задумки...

И в а н. Иди. Задумки у него... Это же надо! Русский солдат... с топором... в Европу!

Ш т е ф а н. Если честно, то их там, в Европе, иногда надо погонять по закоулкам, чтобы не забывались. Вот, я, к примеру, дважды сжигал Бухарест дотла.

Л е н и н. Да ну!

Ш т е ф а н. Вот те крест! За предательство.

Л е н и н. А вы, батенька, не так просты, как кажется на первый взгляд. Вы мне... как бы это выразиться, чтобы не быть понятым превратно... начинаете нравиться.

Внизу, в курилке, появляются актеры.

С о б о р о в. И ради этого надо было проводить собрание? Чтобы рассказать, как ему, бедному, тяжело руководить театром? У каждого свои проблемы. Я актер! Ты мне дай роль, и за качество работы я отвечу. У него, видите ли, касса пуста. У него зритель не ходит! А причем здесь я?

П е р в ы й а к т е р. Ну, ты даешь, Петрович! Причем... Как ты играешь, так и ходят.

С о б о р о в. Это я плохо играю? Ты еще пешком под стол ходил, когда я...

П е р в ы й а к т е р. Да нет, Петрович. Я хотел сказать, как мы играем, так и...

С о б о р о в. Вот-вот. Как ВЫ! Ладно, я старая бездарь, но ведь вы-то! Молодые таланты, вам везде дорога! Сейчас в Париж поедете! Пленять своим, так сказать, искусством свет.

В т о р о й а к т е р. Петрович, а почему ты так решил? Может быть, именно ты поедешь, а не мы.

С о б о р о в. Ты мне рассказывать будешь! Мельпоменов меня в упор не видит. Я для его гениальных постановок «неформат». С тех пор как он у нас в театре появился, у меня ни одной стоящей роли. Обидно...

Появляется Быстров.

Б ы с т р о в. Кто тут Петровича обижает? А? Петрович, не сдавайся.

С о б о р о в. Ладно тебе. Балабол. Никто меня не обижает.

В т о р о й а к т е р. Тут вот Петрович нас в Париж отправляет.

П е р в ы й а к т е р. А сам остается. *(Смеются.)*

П е т р о в и ч. Слушай ты их.

П е р в ы й а к т е р. Вот Петрович жалуется, что Гога его в упор не видит.

Б ы с т р о в. А как ему увидеть? Ведь у него только Авдотья перед глазами. Грудь колесом, задницу отклячит и грациозненько так перед ним, как лошадь на выездке, копытцами сучит.

В т о р о й а к т е р. Да, Авдотья себе цену знает. Вчера на банкете беру я кусочек сыру, а он нарезан тоненько и свернут такой загогулиной красивой. Беру, значит, и ей на закусочку предлагаю. Она на меня так презрительно посмотрела и говорит: «Спасибо, не надо». Я даже удивился, почему спрашиваю? Она мне: «Не люблю!» Ни фиги себе, такая крыса, а сыр не любит!..

Появляется Аврора в сопровождении Мельпоменова.

Актеры замолкают. Аврора, не останавливаясь, проходит в свою гримерку, а Мельпоменов задерживается.

М е л ь п о м е н о в. Не хотелось бы выглядеть придирчивым, но не слишком ли много времени вы, господа актеры, уделяете болтовне в курилке?

П е р в ы й а к т е р. Мы...

М е л ь п о м е н о в *(перебивает)*. Вот так, постепенно, вы из актеров превращаетесь в пенсионерок, перебивающих в подъезде косточки соседям. Подумайте о профессии.

Б ы с т р о в. Георгий Апломбович, мы после собрания перекурить...

М е л ь п о м е н о в. А вам, Быстров, я бы посоветовал заняться сценречью. У вас серьезные проблемы с дикцией.

С о б о р о в. Георгий Апломбович, вот я на собрании не понял...

М е л ь п о м е н о в *(перебивает)*. Простите, это у вас что? *(Машет рукой, отгоняя перегар.)* Со вчерашнего банкета, или уже сегодня успели освежиться?

С о б о р о в. Боже упаси! Когда я был студентом, нас осенью посылали работать на винзавод, так это у меня с тех пор.

Безнадежно махнув рукой, Мельпоменов скрывается в женской гримерке.

Б ы с т р о в. Дикция ему не нравится! Ты понял?

С о б о р о в. «Подумайте о профессии!» Тьфу...

Актеры расходятся по гримеркам.

Колосники.

Ш т е ф а н. Суровый мужик. Молодец! Видел? За минуту навел порядок.

И в а н. А в театре по-другому нельзя. Театр – это искусство!

Л е н и н. Искусство принадлежит народу, потому служить искусству архитрудно.

Т е в ь е. Может быть, это не так уж к месту, не взыщите, пожалуйста. Человек я простой, и вы, конечно, знаете больше моего, но лучше служить не искусству, а народу напрямую. Так выгоднее.

Ш т е ф а н. Как это «напрямую»?

Т е в ь е. Когда живешь, прости господи, в деревне, грубеешь. Некогда ни в книгу заглянуть, ни главу из Священного Писания повторить, но вот Менахем-Мендл, человек просвещенный, рассказывал, что любой честно избранный слуга народа знает: если каждого избирателя надуть на пару копеек, то кто станет отсуживать у тебя собранный миллиард?

Ш т е ф а н. Хотя ты, Тевье, и нехристь, но место тебе в парламенте!

Л е н и н. Какой парламент? Мошенник он.

Т е в ь е. Ну вот! Хотел поддержать разговор об искусстве, и на тебе – мошенник...

В мужской гримерке Соборов снова рыщет по шкафчикам.

С о б о р о в *(напевает)*. Молодость моя – Белоруссия,

Песни партизан...

Виски... пармезан...

(Находит бутылку, убедившись, что она пуста, выбрасывает в корзину для бумаг.) Черт. И чего это Гога ко мне прицепился? Запах, видите ли, не тот. А сам вчера коньячок глушил, как минералку. Но я же ему не могу сделать замечание. Ох, что-то свербит у меня на душе. Какое-то предчувствие нехорошее.

Б ы с т р о в. Да ладно тебе, Петрович. Свербит у него... А мне тогда что говорить? Ты видел, как он меня размазал? Дикция у меня плохая! Сколько лет я в театре – он не замечал, а как только Францией запахло... Дикция, видите ли!

С о б о р о в. Это тактика. Сейчас он у всех нас найдет какие-то недостатки и огрехи и начнет на них играть. А мы ради той Франции начнем перед ним лебезить, заискивать и гадить друг на друга.

Б ы с т р о в. Да, по-жлобски... Но если быть честным, то Гога прав, перегарчик от тебя за версту...

С о б о р о в. А я и не спорю. Кстати, я давно замечал, что ты немного бухтишь при разговоре. Вот эти «Б», «П», да и «Г», у тебя как-то...

Б ы с т р о в. Ну вот. Уже начали.

С о б о р о в. Что начали?

Б ы с т р о в. Гадить друг на друга начали.

С о б о р о в. Поздравляю.

Б ы с т р о в. Спасибо... (*Помолчав.*) Тебе, Петрович, проще от запаха избавиться, а мне что делать? Дома теща со своими заморочками, здесь Мельпоменов со своими придирками. Загнали в такую депрессию! Блин... Повеситься хочется!

С о б о р о в. Если это тебя развеселит, то можешь повеситься. Но я думаю, Гога прав: займись сценречью. Позанимаешься, и все придет в норму. Только заниматься надо интенсивно.

Б ы с т р о в. Интенсивно... Легко сказать. На «Б» и «П» одна единственная скороговорка. «Бык тупогуб, тупогубенький бычок. У быка бела губа была тупа».

С о б о р о в. И что? Тебе мало?

Б ы с т р о в. А ты как думаешь? Если я буду целыми днями долдонить одну и ту же скороговорку, так меня не только жена из дому выгонит. Ребята в курилку не пустят.

С о б о р о в (*скорбно кивая*). Молодежь... Какие вы все безынициативные, нет в вас творческого запала, искры, так сказать. Что, мало пословиц? Подредактируй и занимайся. Никто на тебя в суд не подаст.

Б ы с т р о в. Как это «подредактируй»?

С о б о р о в. Берешь любую скороговорку, скажем, «Ехал грека через реку...», и подставляешь в нее нужные слова. Вот у тебя плохо с буквой «Б». Подставляем и получаем: ехал быдло через быдло, смотрит быдло в быдле быдло, сунул быдло быдлу в быдло, быдло быдлу – хвать!.. за быдлу.

Быстров изумленно смотрит на «наставника».

С о б о р о в. Понял? Повторить?

Б ы с т р о в. Не надо.

Колосники.

Л е н и н. Опыт и практика – великое дело! Он ему исправит дикцию раньше, чем мы им сказку придумаем. Талант, самородок, хоть и пьяница.

И в а н. Не знаю, какой он талант, но раз другу помогает – значит, душевный человек.

Т е в ь е. Душевный, а в душе актера, как у балалайки, три струны – эгоизм, алкоголизм и пофигизм.

И в а н. Посмотрите на него! С тех пор как перестал молоком торговать, начал разбираться в тонкой артистической натуре! Может быть, ты и сказочку для конкурса сочинишь?

Т е в ь е. Да я бы сочинил, но как ее худруку передать? Мы ведь для них невидимки.

Ш т е ф а н. Передадим. Было бы что.

Женская гримерка.

М е л ь п о м е н о в. Аврора Афиногеновна, вы простите мою назойливость, но куда бы я не направлялся в этом театре, в цеха, в буфет или на сцену, в результате я оказываюсь рядом с вами. Это происходит произвольно. Такое впечатление, что я себе не принадлежу.

А в р о р а. Ну что вы, Георгий Апломбович! Вы, авторитетный, такой, я бы сказала, строгий, уравновешенный и талантливый мастер, уверенно руководите нашим непростым коллективом и вдруг признаетесь, простите, в слабости духа... Вы, наверное, решили подшутить надо мной.

М е л ь п о м е н о в. Аврора Афиногеновна, разве можно этим шутить?! Я места себе не нахожу! Мне совсем не до шуток!

А в р о р а. Так, может быть, это связано с поездкой во Францию? Отсутствие денег, отсутствие пьесы, достойной конкурса, отсутствие исполнителей международного уровня. Все это может лишить сна на долгое время. Я вас понимаю.

М е л ь п о м е н о в. Да нет же!.. Вернее, и это тоже. Меня радует, что вы все понимаете. Аврора... (*Переходит на «ты».*) Мне нравится, что твой ум не уступает твоей красоте. Меня пленяет совершенство, с каким твое тело отражает твою душу. Ты существо благородное и необычное.

А в р о р а. Георгий Апломбович...

М е л ь п о м е н о в. Нет. Георгий... Георгий. Зови меня Георгием. Аврора, ты переменчива, как море, и постоянна, как солнце. Ты похожа на всех женщин, и вместе с тем тебя не сравнишь ни с одной из них.

А в р о р а. Мне кажется, что я уже слышала эти слова.

М е л ь п о м е н о в. Да, это слова любви. Они знакомы всем влюбленным. Мне нравятся мысли, еще не созревшие в твоей умной голове; нравится даже то, какой ты будешь в старости. Ты священный сосуд, куда Создатель влил все сокровища вечной женственности!

А в р о р а. Вспомнила! «...даже то, какой ты будешь в старости...» Этими словами в любви к Анжелике объяснялся Верховный евнух Осман Ферраджи!

М е л ь п о м е н о в. При чем тут евнух? Аврора... Мы все актеры, мы всегда изъясняемся чужими словами. Но важен не текст. Важно, что Я их произношу именно ТЕБЕ! Вот в чем смысл!

Колосники.

И в а н. Ну хмырь! Ну прохиндей!

Ш т е ф а н. Да помолчи ты!

Женская гримерка.

М е л ь п о м е н о в. Здесь кто-то есть? Мне показалось...

А в р о р а. Никого здесь нет. Просто вы перевозбуждены.

М е л ь п о м е н о в. Да, Аврора, в твоём присутствии я плохо себя контролирую. Ты на меня действуешь, как шампанское.

А в р о р а. Ой, Георгий... Вы меня насквозь видите. Я сама иногда себя чувствую шампанским. Вот не поверите. Иногда я не в меру игрива, прямо пена и брызги, а могу и в голову ударить. Шампанское, и все тут!

Входит Петелька.

П е т е л ь к а. И я хочу шампанского.

А в р о р а. Так сходи в буфет и принеси. (*Садится к трельяжу.*)

М е л ь п о м е н о в (*переходя на деловой тон*). Ну, я надеюсь, вы все поняли, Аврора Афиногеновна.

А в р о р а. Конечно, конечно, Георгий Апломбович.

Мельпоменов выходит. Петелька провожает его долгим взглядом.

А в р о р а. Может, чайку по чашечке, а? У меня шикарный «Эрл Грей» есть. Ну-ка, взбодри чайничек.

П е т е л ь к а (*рассеянно*). Чайничек... Ты знаешь, вчера ко мне Сережа Гаранин заходил. Попил чайку и стырил последний роман моего любимого Чейза. А я его только до половины дочитала. Теперь мучаюсь в догадках, кто убийца, спать не могу.

А в р о р а. Увел? Так возьми его за хобот.

П е т е л ь к а. Брала, говорит, что не он.

А в р о р а. Может, и хорошо, что увел. От этих детективов такая каша в голове.

П е т е л ь к а. Ничего страшного. Каша в голове – пища для ума. А чего это Гога вздрюченный выскочил? Как будто ты его в микроволновке разогрела?

А в р о р а. Никто его не разогревал. У него ведь забот полон рот.

П е т е л ь к а. Знаю я его заботы. Все-то он вокруг нашей гримерки крутится. Капец мужику! Вот смотрю на тебя, Авдотья, и думаю, как ловко ты мужиками манипулируешь.

А в р о р а. А чего ими манипулировать? Главное, правильно взяться за «манипулятор».

П е т е л ь к а. Ох, девка... смотри, придет его жена единоутробная, будет тебе бенефис с аттракционом.

А в р о р а (*с иронией*). Ой, боюсь! И что она мне сделает? Мужик, как курица: двадцать метров от дома, и он уже ничей.

Колосники.

Л е н и н. Да-а-а... Аврора – это Аврора! Офигенная...

Т е в ь е. Афиногеновна.

Л е н и н. Я сказал «офигенная женщина»!

Т е в ь е (*вздыхнув*). Ох, Володя, все, что вы говорите, звучит вроде бы правильно, но совершенно некошерно!

Раздаются звонки. Курилка заполняется актерами. Гул голосов.

Колосники.

И в а н. Что там такое?

Ш т е ф а н. Что случилось?

Курилка.

П е р в ы й а к т е р. Вы слышали? Нет, вы можете себе такое представить?!

В т о р о й а к т е р. А что, собственно говоря, произошло?

Актеры из гримуборных присоединяются к остальным.

П е р в ы й а к т е р. У нас забирают здание театра...

С о б о р о в. Да ладно! Что за бред?

П е р в ы й а к т е р. Вот тебе и бред. Соседи наши милые подсустились.

П е т е л ь к а. Кто? «Глобал»? Супермаркет? Так ведь у них здание на полк-
вартала, бассейн, а на автостоянку самолеты сажать можно. Что им еще надо?!

П е р в ы й а к т е р. Теперь хотят подмять под себя и вторую половину квар-
тала.

Колосники.

Ш т е ф а н. Нет хуже врагов, чем соседи! Сосед всегда мечтает прибрать к
рукам сопредельную территорию.

И в а н. Да что они, с ума сошли? А мы куда?! Ведь это наш дом!

Т е в ь е. Однажды меня уже выгоняли из собственного дома. Неужели
опять?!

И в а н. Типун тебе на язык, Тевье. Такое скажешь.

Т е в ь е. Просто, когда выгоняют из дому одного еврея, то это понятно, но
когда хотят оставить без крыши над головой столько народу...

Л е н и н. Вот оно, порождение империализма! Частная собственность, при-
ватизация. Так и до рейдерского захвата недалеко. Нет! С этим надо бороться!
Всеми доступными средствами!

В толпе актеров появляется Мельпоменов.

Б ы с т р о в. Георгий Апломбович, это правда? Они что там, совсем из ума
выжили?

В т о р о й а к т е р. Как это? Город без театра?!

М е л ь п о м е н о в. Пока нервничать рано. Решение еще не принято, но
информация о том, что соседний супермаркет хочет открыть в нашем здании
фитнес-центр, спа-салон и сауну – достоверная.

С о б о р о в. Финскую баню?!!

П е т е л ь к а. А что? Ведь у них денег девать некуда. Им театр не нужен,
сауну подавай! Нет! Я отсюда никуда не уйду. Сяду в фойе и буду ждать пенсии!

С о б о р о в. А я сяду рядом с тобой, да еще и жену безработную приведу.

М е л ь п о м е н о в. Я их по судам затаскаю!

П е р в ы й а к т е р. Мы будем бороться!

В т о р о й а к т е р. Театр – это наш последний оплот!

Б ы с т р о в. Костями ляжем! Но пасаран!

П е т е л ь к а. Устроим акцию протеста!

П е р в ы й а к т е р. Надо поднять журналистов!

В т о р о й а к т е р. И телевидение!

Б ы с т р о в. Они у меня доиграются! Я на них тещу натравлю!

Колосники.

Л е н и н (*очень тихо*). Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.

Плечом к плечу с Лениным становятся Штефан, Иван и Тевье. Песня набира-
ет силу. Все присутствующие в курилке, прислушиваясь, замирают.

В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за актерское дело,
Знамя великой борьбы колосничих
За наш театр, за актеров столичных!

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На колосниках Штефан, Ленин, Тевье и Иван.

*Быстров нервно расхаживает по гримерке, по листочку
повторя упражнения по сценречи.*

Б ы с т р о в (акцентируя «Б» и «П»).

Бык тупогуб штрумбл,
Тупогубенький бычок штромбл
У быка бела штрамбл
Губа была тупа штрэмбл, штримбл, штрымбл.

Штрамбл, штромбл, штримбл, штрэмбл, штрымбл.... Дурдом! Крыша едет!
Ехал быдло через быдло, видит быдло в быдле быдло, сунул быдло быдло в быд-
лу... О-о-о, а «быдло» идет лучше.

Входит Соборов.

С о б о р о в. Процесс пошел! Молодец.

Б ы с т р о в. Процесс! Какой к черту процесс? Боль головная.

С о б о р о в. Голова не может болеть, потому что она – кость!

Б ы с т р о в. Это у тебя кость, а у меня болит.

С о б о р о в. Естественно, ведь ты у нас инвалид умственного труда. (*Садит-
ся в кресло, берет журнал.*)

Б ы с т р о в. Господи! Быстрее бы тебя на пенсию вытурили! Дурак старый.

С о б о р о в. Не волнуйся, скоро нас всех вытурят отсюда. Новостей нет?

Б ы с т р о в. Вроде бы нет. Мельпоменов бегают по судам, но пока безрезультатно. (*Читает.*) «Стоит поп на копне, колпак – на попе, копна – под попом, поп – под колпаком». Черт! Медленно получается, а чуть побыстрее – сбиваюсь.

С о б о р о в (*листая журнал*). Потому что текст перевираешь.

Б ы с т р о в. Почему?

С о б о р о в. Потому! «Стоит поп на копне, колпак – на поПе». Понимаешь, «на поПе» у него колпак!

Б ы с т р о в. Тебе лишь бы шутки шутить.

С о б о р о в. Хорошее настроение для актера – залог творческого долголетия!

Б ы с т р о в. Какое к черту настроение? Придешь домой – сынишка с тещей воюет, здесь – Георгий со своей дикцией! Настроение...

С о б о р о в. Вот... кстати. (*Читает.*) «Психологи утверждают, что для хорошего настроения нужно ежедневно обнимать 8 человек». Ну, или дать одному в морду.

Колосники.

Т е в ь е. Я бы добавил что-нибудь из Писания, но лучше не скажешь...

И в а н. А я бы дал в морду тому, кто придумал у нас театр отобрать!

Ш т е ф а н. Да, тут битой мордой не отделаешься.

Входят Гамлет с Городничим.

Г о р о д н и ч и й. Это кто тут в острог захотел? Мордобоя не допущу! Ни на минуту нельзя оставить!

И в а н. Антоныч, наконец-то! Куда это вы с принцем запропалились?

Л е н и н. Да, батенька. Ваш совет как бывшего градоначальника нам архи-важен.

Г о р о д н и ч и й. Что тут стряслось? (*Замечает Царя. Ивану.*) А это кто?

И в а н. Новичок. Царь.

Г о р о д н и ч и й. Ваше императорское величество, позвольте представиться: Антон Антонович Сквозник-Дмухановский.

Ш т е ф а н. Милостью божиею Господарь земли молдавской Штефан Воевода.

Г о р о д н и ч и й. А... молдавской, тоже хорошо.

Г а м л е т (*Штефану*). Представиться позвольте мне по этикету.

Принц датский, Гамлет, государь.

Ш т е ф а н. Приятно видеть воспитанного человека. Здравствуйте, принц. Так ваш отец был королем? Как его звали??

Г а м л е т. Был Гамлетом отец мой наречен.

А в честь его и я был также назван.

Л е н и н. Простите, товарищ Дмухановский, что приходится отвлекать вас от светской беседы с сиятельной, извините за выражение, особой, но назревают события, последствия которых я бы назвал угрожающими.

Г о р о д н и ч и й. Стоит ли удивляться? Там, где появляется Ульянов-Ленин, последствия другими и не могут быть.

Л е н и н. Вашу, простите, иронию тонкой не назовешь. Причем здесь мое революционное прошлое? То, что вскоре свершится, убедит вас, что идеи Ленина живут и побеждают.

Т е в ь е. Победа над здравым смыслом.

Л е н и н. Я вас попрошу прекратить свои еврейские шуточки!

Т е в ь е. Вот он, пролетарский интернационализм.

Л е н и н. Вас, господин молочник, это не касается, потому, что торговец не может быть пролетарием по определению. (*Поворачивается к Городничему.*) О чем это я?

Г а м л е т. Наверно, о живых и побеждающих идеях,

Насколько помню.

Л е н и н. Ах да. Вы помните, сколько было говорено о «зверинном оскале империализма»? Нет? У-у... Милостивый государь, я попрошу царя незамедлительно определить вас в кружок политпросвещения. А вышеупомянутый «оскал» вы скоро увидите воочию!

Г о р о д н и ч и й. Только не надо меня пугать!

Л е н и н. Я, товарищ Сквозник, не пугаю, а хочу вам сообщить, что соседний супермаркет, эта олигархическая харчевня, этот торговый вертеп, оскалил свою капиталистическую пасть в желании проглотить наш театр.

Г о р о д н и ч и й. Что он сказал?

И в а н. Чую, мне тоже надо в кружок политпросвещения.

Г а м л е т. Сказал, что здание сего театра

Облюбовал соседний супермаркет

И хищно алчет овладеть им.

То бишь – забрать.

Г о р о д н и ч и й. Здание? У нас?! Каким образом?

Л е н и н. Об этом мы и хотели бы вас спросить. Вы, товарищ Дмухановский, должны знать все схемы, которыми может воспользоваться чиновник, чтобы помочь платежеспособному клиенту оттяпать чужую собственность.

Г о р о д н и ч и й. А я откуда могу знать эти схемы?

Т е в ъ е. Чудны дела твои, господи! Градоначальник, и не знает.

Ш т е ф а н. А я бы за такие знания и голову бы оттяпал.

Г о р о д н и ч и й. Видишь? В наше время было строго.

Г а м л е т. Да. Голова бесспорно хорошо,

Однако с туловищем явно лучше.

Мужская гримерка. Соборов читает журнал, Быстров занимается сценречью.

Б ы с т р о в. Клумунулу-клумунулу, кломоноло-кломоноло, кламанала-кламанала, клэмэнэле-клэмэнэлэ, климинили-климинили, клымынылы-клымынылы.

С о б о р о в *(не отрываясь от журнала)*. Ударение на первый слог.

Б ы с т р о в. Отстань... Мутувусту, мотовосто, матаваста, мэтэвэстэ, митивисти, мытивысты. Мутувусту-плумц, мотовосто-пломц, матаваста...

С о б о р о в. Во! Интересно... У Арнольда Шварценеггера это длинное, у Георга Отса короткое, у Мадонны его совсем нет, Папа Римский этим давно не пользуется. Что это?

Б ы с т р о в. Не понял.

С о б о р о в. Ну, что ЭТО такое? Папа не пользуется, у Мадонны его совсем нету. А?

Б ы с т р о в. У тебя, Петрович, крыша поехала на старости лет?

С о б о р о в. Фамилия! Недотепа. У Шварца она длинная, у Отса короткая.

Б ы с т р о в *(нервно)*. Петрович, не пойму я тебя. Что же ты такой равнодушный? Театр скоро уйдет с молотка, поездка во Францию накрылась медным тазом, а он сидит, кроссворды решает, хохмы дешевенькие выискивает и радуется, как ребенок.

С о б о р о в. Молод ты еще и глуп, ты не видал больших... ну... этих самых. Вот подумай, как народ может прожить без театра? Как только у человека появляется в руке кусок хлеба, он сразу же жаждет зрелищ. Театр клеймили, осуждали, отменяли, скоморохов морили голодом, пороли на площадях, жгли каленым железом, а Петрушка жив и всегда смеется. Он ведь, как совесть. Ну, давай совесть уьем, похороним, встанем вокруг и примемся рыдать: «На кого ты нас покинула»? Не-е-ет. Петрушка бессмертен!

Б ы с т р о в. Да ты что? Очнись! Не видишь, что происходит?

С о б о р о в. Успокойся. Еще ничего не произошло.

Б ы с т р о в. Петрович, не обижайся, но это же Чехов. «Палата №6». Только там могут быть такие невозмутимые персонажи, как ты, если, конечно, не считать буйных. Все летит в тартарары, театр, профессия. Жизнь рушится! А ты... Пойми меня! За мной семья, ребенок. Зачем я учился, мечтал о сцене, о ролях, о зрителе? «Сунул быдло быдлу в быдло». Для этого? Тьфу! (*Швыряет тетрадку и падает в кресло.*) «Совість»... «совість»!

С о б о р о в. Дело не в палате №6 и не в Чехове. От нас ничего не зависит. Ведь для них мы с тобой действительно быдло. Куда бежать? С кем бороться? Кто нас будет слушать? У нас есть Гога – пусть он бегаёт.

Б ы с т р о в. А что Гога выбегает?

С о б о р о в. Это для нас он Гога, а там он художник! Георгий Апломбович Мельпоменов! Что-то да выбегает.

Б ы с т р о в. Такое впечатление, что ты хочешь, чтобы у нас забрали театр.

С о б о р о в. Дурак ты. Не хочу я потерять театр, но и бороться с ветряными мельницами я тоже не хочу. Не хо-чу! Понял?

Колосники.

Т е в ь е. Вот так. Один сейчас пойдет вешаться, а второму наплевать...

Л е н и н. Да. Классический пример. С одной стороны, безысходность, с другой – равнодушие! Не зря говорят: пока гром не грянет, мужик не перекрестится.

И в а н. Даже если грянет, все равно креститься не будет. Ты слышал, что он сказал? Не хочу, говорит, бороться.

Т е в ь е. А вдруг они ждут помощи от нас?

Ш т е ф а н. А чем мы, бестелесные, им поможем?

Т е в ь е. Но мы ведь духи.

Ш т е ф а н. Духи... Они нас не видят, не слышат. Сделать мы ничего не можем.

Л е н и н. Именно это нам и нужно! Если мы ничего не можем, а эти идиоты внизу ничего не хотят, то что...? Это же революционная ситуация! Верхи не могут, а низы не хотят! Классика!

И в а н. И что?

Л е н и н. Чтобы не задавать глупых вопросов идите в кружок политпросвещения. Учиться, учиться и еще раз учиться!

Женская гримерка.

П е т е л ь к а. Ава, ну что там слышно? Долго нам на чемоданах сидеть?

А в р о р а. Когда скажут, тогда и съедем. Георгий бегаёт по инстанциям, воюет. Это все, что я знаю.

П е т е л ь к а. Если бы Мельпоменов был моим поклонником, я бы знала все, и даже больше.

А в р о р а. Каким поклонником? Что ты городишь? Нужен он мне.

П е т е л ь к а. Зато ты ему – ой как интересна!

А в р о р а. Каждой женщине приятно мужское внимание, но это не значит, что я обсуждаю с ним дела театра. Вижу его только на репетиции, да в коридоре – «здрасьте»-«до свиданья».

Петелька. Ой ли... Будто я не вижу.

Аврора. Господи, ты видишь? Что ты видишь? Тоже мне ясновидящая...

Петелька. Я не ясновидящая, я жопойчуящая. Светит тебе, девка, бурный роман.

Аврора. Меньше бы ты сплетничала, ей-богу.

Петелька. Это я сплетничаю? Бог с тобой, Авдотья. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

Аврора. Да уж знаю. Спасибо. Иду по театру, как сквозь строй.

Петелька (*заискивая*). Что ты, Авророчка. Просто тебе завидуют все. На тебе весь репертуар держится. Жаль, что Франция срывается. Там бы ты звезда-нула!

Аврора. Да, если театр отберут, где нам с тобой звездить...

Петелька. Судя по всему, точно отберут. Такой кусочек лакомый, в центре города. Гога, конечно, мужик боевой, энергичный, но ведь он один. Ему помощь нужна. А где ее взять? О-хо-хо! Грехи наши тяжкие... (*Подумав.*) Да тут еще на старости лет чей-то во Францию захотелось. Как говорится, увидеть Париж и умереть!

Аврора. И не говори... (*Заговорищики.*) Ты знаешь, мне кажется, что Гога сказку нашел.

Петелька. Да ты что?! А говоришь, что ничего не знаешь.

Аврора. Я действительно ничего не знаю. Только слышала я, как он сокрушался, что у нас в театре нет исполнителя на какую-то острохарактерную мужскую роль. Что все мужики у нас какие-то...

Петелька. Ой, беда большая. Пригласить можно. Я знаю потрясающего актера, фактурный такой, крррасавец! Правда, он немного заикается.

Аврора. Что, все время?

Петелька (*смеется*). Нет, только когда разговаривает.

Аврора. А ну тебя!

Колосники.

Иван. Степа, ты слышал? Они уже сказку нашли.

Штефан. Она сказала «кажется». Хотя, вполне возможно. Пока мы тут дурака валяли, то есть Ваньку...

Иван. А я бы попросил без намеков.

Штефан. Я хотел сказать, чепухой занимались.

Ленин. Точнее не скажешь! Чепухой! При нашем попустительстве театр экспроприируют, и мы, милостивые государи, останемся без крыши над головой. И все благодаря вашему благодушию, бездействию и хваленым демократическим принципам. Вернее, беспринципности. Гнать вас надо с колосников.

Штефан. Вождь, ну почему ты все норовишь превратить в скандал? Принципы ему подавай. У нас есть принц, значит и принципы будут.

Городничий. Ты, господин революционер, смуту здесь не затевай. Давно на шконке загорал?

Ленин. А что, арестуете? Так в театре карцера нет. А если театр заберут, вы, товарищ Дмухановский, сами будете ночевать с бомжами под забором и мечтать о вашей, как вы выражаетесь, шконке.

Г а м л е т. Не надо ссориться, друзья!
Пред нами очень сложный выбор:
Отдать театр свой, как лодку,
Без кормчего и без ветрил
На волю неразумных судеб,
Или, усилия свои объединив,
Стремиться вместе что-нибудь
Придумать...

Л е н и н. Придумать! Да мы даже сказочку для конкурса придумать не можем.

Входит Оле-Лукойе.

Т е в ь е. Легок на помине.

О л е. Рад вас видеть, коллеги. О, сегодня здесь почти все в сборе. Здравствуйте, Гамлет Гамлетович, низкий поклон вам, Антон Антонович.

Л е н и н. Поздно, товарищ писатель. Пьесу театр уже нашел, хоть никуда и не едет. Так что ваши старания были напрасны. С чем вас и поздравляю.

Г о р о д н и ч и й. Ну что же вы, господин революционер, такой желчный? Еще ничего не известно, а уже делаете выводы.

И в а н. Вова, ты это зря. Будет конкурс, не будет – дело десятое, а театру хороший репертуар нужен всегда. Сегодня с драматургией напряженка.

Г а м л е т. Давайте двинем вновь на штурм своих ушей,
Для сказки, может быть, и неприступных,
Все то, что сказочник принес.
Ведь смелая фантазия иль жуткое виденье
Воображение наше поразят...
Присядем и послушаем в смирение.

Ш т е ф а н. Ну, вот и хорошо.

И в а н. Читай, сочинитель...

О л е (*откашлявшись*). Значит так... Сказка про сложности с трудоустройством.

Г о р о д н и ч и й. Истинная правда. Рабочих мест нет.

Ш т е ф а н. Не перебивай.

О л е. Захотел как-то раз Соловей-разбойник злата-серебра раздобыть. Пришел он к Кощею Бессмертному охранные услуги предлагать. Разгневался Кощей, спустил на него силу нечистую – чуть жив Соловей остался. Пошел он тогда к Змею Горынычу откуп требовать. Осерчал Змей, полыхнул огнем – еле ноги Соловей унес. Идет он грустный, видит – навстречу Баба Яга. Думал он хоть с нее денег добыть, да отходила его Баба Яга костяной ногой так, что белый свет стал Соловья не мил. Заплакал он тогда горько, и пожалела его Яга. «Ступай, – говорит, – на проезжий тракт, да схоронись в кустах. Как завидишь человека заезжего – свисти что есть мочи, он тебе денег и даст». Послушал Соловей совета мудрого, да с тех пор нужды и не знал. Вот так завелись на Руси гаишники.

Пауза.

Г а м л е т. Не поймут.

В Европе не в чести у полицейских

Дорожное мздоимство.

Театр штрафанут за пропаганду

Иль просто выпрут с конкурса бесславно.

Г о р о д н и ч и й. Прямо все там такие неподкупные. Где же это видано, чтобы человеку дали должность, а он ее не использовал? Власть на то она и власть, чтобы жить всласть.

Г а м л е т. А я могу поспорить – эта

Исконно русская черта

Чиновникам в Европе на присуща.

Л е н и н. Ах ты прыщ датский! Что ты знаешь о русских чертах? Нет, я конечно, как сказал Пушкин, презираю Отечество мое с головы до ног – но мне досадно, что иностранец разделяет со мной это чувство. (*Гамлет удивленно смотрит на Ленина.*) И не молчите на меня!

Ш т е ф а н. Господи, уже и сказок без политики не стало.

Т е в ь е. Опять политика! Опять нервы.

О л е. А у меня есть без политики.

И в а н. Ну так давай. А то все мы тут передеремся сейчас.

О л е. Значит так... Мужик и Волк. Молдавская народная сказка. Решил мужик совместное предприятие с Волком создать. «Что делать будем?» – спрашивает Волк. «В этом году, – говорит ему мужик, – будем пшеницу выращивать». «Пшеницу так пшеницу», – говорит Волк.

И в а н. Эй, писатель, что-то ты путаешь. Это же сказка про мужика и медведя.

О л е. Нет. Медведь в Москве. А это сказка молдавская. В Молдове – Волк.²

Г о р о д н и ч и й. Иван...

И в а н. Молчу, Антоныч.

О л е (*продолжает*). «А делить как будем?» – спрашивает Волк. «Известно как», – говорит мужик. – «Мои вершки, твои корешки». «Идет», – согласился Волк. Вырастили они пшеницу, мужик себе все вершки забрал, продал, сидит-радуются, деньги считает. Пришел тут Волк и корешков своих привел...

Пауза

Т е в ь е. А говорил без политики.

И в а н. Да... Что-то у нас не очень получается.

О л е (*шелестит бумажками*). У меня тут еще есть. Много есть...

Г а м л е т (*отбирая у Оле черновики*).

Ну, что ж... Мы очень рады

И как-нибудь в досужий час прочтем,

Продумаем, обсудим это дело.

Пока спасибо за успешный труд.

Передохните...

Оле, понутив голову, уходит.

Г о р о д н и ч и й. Ужасно!

И в а н. Что ужасно?

Г о р о д н и ч и й. Все ужасно. Сказки нет, Парижа нет, театра скоро не станет. Куда нам? В этом городе и так бомжей уйма. Здесь я не только бомжом, я и городничим не хочу быть! Вот мы с принцем прошлись по улицам. Ну, знаете! Попрошайки на каждом углу. Брынзой, овощами с земли торгуют. Повсюду огромные щиты с девками раздетыми! Вот куда надо было ревизора присылать, а не ко мне! *(Ленину.)* Здесь, господин революционер, надо было устраивать ваш октябрьский переворот. Из горла будешь? *(Вынимает из-за пазухи бутылку коньяка.)*

Л е н и н. Это-то еще что такое?

Г о р о д н и ч и й. «Белый аист».

Л е н и н. Я вижу... Но откуда?

Г о р о д н и ч и й. Научный эксперимент. Оказывается, если невидимый колоснический возьмет в руки небольшую вещь, она становится невидимой. Вот... результат.

Г а м л е т. Позор... Скрывая низменную страсть,
Свою постыдную привычку красть
Вы называете «экспериментом».
Да... В краже городничий скор,
Он страшен, как багдадский вор
Для зазевавшейся торговли.

Л е н и н. О-о, батенька, так вы не кто иной, как оборотень в эполетах?

Г о р о д н и ч и й. Только не надо меня публиковать. Не вы ли призывали к экспроприации экспроприаторов? Я последний раз спрашиваю: нет ли желания приобщиться из горла?

Л е н и н *(оглядывается)*. Опыт партийной работы в подполье требует ежеминутно быть готовым к аресту. Поэтому... *(Жестом фокусника вынимает из кармана два разовых стаканчика.)* Все мое ношу с собой. *(Гамлету.)* А ты, датчанин, третьим будешь?

Г а м л е т. Простите, вождь. Негоже принцу,
Как черни, из горла лакать.

Г о р о д н и ч и й. Принц обиделся.

Г а м л е т. Достойно ли обиды пьянство?!
Смешно... Я думаю, пока трезвы,
Пожав друг другу руки, разойдемся:
Вы по своим делам или желаньям,
А я, уединясь, пойду молиться.

Гамлет уходит. Собутыльники усаживаются, свесив ноги на край колосников.

Л е н и н. А вы, молочник?

Т е в ь е. Я пью вино, и то только на Пейсах.

Г о р о д н и ч и й. Нехристь... Ваня, подходи.

И в а н. Нет, не могу я. За пять десятков лет, что я на колосниках, спиртного ни разу не пробовал. Отвык я, Антоныч.

Л е н и н. А до колосников?

И в а н. Пил... Предо мною рассеялся мрак,
Стало легче и радостней жить.
Раньше Ваня был пить не дурак,
А теперь не дурак, чтобы пить.

Л е н и н. Ну, а вы, господин, извините за выражение, царь?

Штефан в нерешительности молчит.

Г о р о д н и ч и й *(разливая, хихикает)*. Не царское это дело...

Л е н и н *(указывая пальцем на стаканчик)*. Вот вам, господин городничий, яркий пример политэкономии социализма. Чем меньше братьев, тем больше на брата.

Выпивают и замирают в оцепенении.

Г о р о д н и ч и й *(трясет головой)*. Мать честная... Вот это «аист»!

Л е н и н *(отдышавшись)*. Да. Силен, как Красная армия. Хотя и «белый».

Г о р о д н и ч и й *(блаженствуя)*. Растеклось тепло по жилочкам. А в голове закаруселилось.

И в а н. А я что говорил? Как бы худо не было с непривычки.

Г о р о д н и ч и й. От коньяка худо не бывает. Наоборот. Все как-то засветилось, заискрило.

Л е н и н *(быстро пьянея)*. Из искры возгорится пламя! А у меня в последнее время почему-то не искрит. Даже сейчас. Скрип и звон в голове. Как трамвай на Невском: дзилинь, дзилинь...

Г о р о д н и ч и й. А у меня, господин революционер, в голове такой перезвон колоколов стоит, как на престольный праздник. Хорошо... Не желаете послушать?

Л е н и н. Зови меня Ильич. Все знают, что я был простой. Так и говорили: простой, как Ленин.

Г о р о д н и ч и й. А ты меня – Антоныч. Я тоже простой. Простой, как Сквозник-Дмухановский.

Л е н и н. Правильно, Антоныч. Вот я политик, а в политике надо быть простым, чтобы тебя понимали и к тебе тянулись. Понял?

Г о р о д н и ч и й. Понял... А зачем?

Л е н и н. Что «зачем»?

Г о р о д н и ч и й. Зачем, чтобы тянулись?

Л е н и н *(хотел что-то объяснить, но потом безнадежно машет рукой)*. Ты прав. Незачем! Ни к чему... Все ни к чему. Ибо все ложь, и политика в первую очередь. Ложь, ложь и ложь!

Г о р о д н и ч и й. Что, вот так прямо все ложь?

Л е н и н. Абсолютно! Весь мир, например... Ну, ты понимаешь, весь мир!.. знает что я любил «Аппассионату». Весь ми-и-ир! Все это подлая ложь! Я ее ненавидел! Когда меня мама пыталась усадить за рояль, я хотел стрелять из рогатки! Я мечтал... *(Вытирает скучную мужскую слезу.)*

Г о р о д н и ч и й. Хороший ты мужик, Ильич! Не расстраивайся... *(Рассматривает этикетку.)* Ильич, вот видишь, здесь написано 40 градусов? *(Ленин молча кивает.)* А при царе, я хорошо помню, здесь было 41. Понимаешь, сорок один градус. А скажи мне, только честно. Вот те крест, я никому не скажу. Из-за одного градуса вся эта канитель: революция, баррикады, штурм Зимнего? Я тебя не понимаю!..

Л е н и н *(безнадежно взмахнув рукой)*. Наливай!

Ш т е ф а н *(не выдержав, подходит к сидящим)*. А ну-ка, плесни и мне...

Мужская гримерка.

Б ы с т р о в. Черт побери! Я скоро с ума сойду.

С о б о р о в. С чего бы это?

Б ы с т р о в. От домашних своих. Или мой сынок свою бабулю в гроб вгонит, или теща моя своего внучка убьет.

С о б о р о в. Нет. Малыша будет жалко.

Б ы с т р о в. Да, Шурка у меня фантазер. Вчера вскипятила теща молоко и поставила его остывать. Малый тут же набросал в кастрюлю картошки, морковки, свеклы. Говорит, хотел помочь бабуле борщик сварить.

С о б о р о в. Молодец пацан, изобретательный. Большим человеком станет.

Б ы с т р о в. Если раньше с голоду не подохнем. Театра не будет, что тогда делать? Милостыню просить или грабить.

С о б о р о в. Не хнычь ты прежде времени, тоже мне, грабитель. Гога бегаёт по инстанциям, по судам, может, выбегает чего. Да, кстати, я тебе новую скороговорку придумал. «Наш Георгий герой гей оргий». *(Дважды повторяет.)*

Б ы с т р о в. Ты что?! Гога услышит эту скороговорку – меня не станет раньше, чем театра. Советчик.

С о б о р о в. Не нравится – сам придумай. Схожу-ка я в буфет, мне кажется, у них там коньячок скоро прокиснет. *(Выходит.)*

Неожиданно прямо перед ним с колосников падает початая бутылка коньяка.

Соборов наклоняется, поднимает ее, удивленно рассматривает.

С о б о р о в *(напевает)*. Бывает все на свете хорошо.

В чем дело сразу не поймешь.

(Запрокинув голову, пристально вглядывается пространство над сценой.)

Эй, кто там? Монтировщики!!! Ау!!!

На колосниках, откинувшись на спину, лежит Городничий.

Рядом, свесив ноги и покачиваясь, сидит случайно уронивший бутылку Ленин.

Из-за его плеча выглядывает Штефан.

Л е н и н *(глупо улыбаясь)*. От нашего стола – вашему столу...

С о б о р о в. Ленин...

Л е н и н. Ага...

С о б о р о в. Чур меня... Чур... *(Падает без чувств.)*

Л е н и н. А как он меня узнал?

Т е в ь е. От коньяка «шапка-невидимка» растворилась.

И в а н. Ну и натворили дел!

Т е в ь е. Уберем их быстро. *(Поднимает и уводит Городничего.)*

И в а н. Давай-ка, Вова, пойдем отдыхать.

Л е н и н *(узнает Ивана)*. А... Иван... Самый умный русский персонаж. Ты знаешь, Ваня, что твой тезка, Иван Сусанин, сказал заезжим полякам? «Мужики, – говорит, – водки не обещаю, но погуляем хорошо!» Ты понял, Ваня, погуляем...

Ленина уводят. В курилке появляется Первый актер, видит лежащего на полу Соборова, подбегает к нему.

Первый актер. Петрович... Петрович! Что с тобой? *(Бьет его по щекам.)* Эй, кто-нибудь! Помогите! Петровичу плохо...

Появляются Аврора, Петелька, Быстров, второй актер.

Петелька. Что с ним? Петрович... *(Брызгает ему в лицо водой.)* Расстегните ворот. Поднимите его.

Быстров приносит стул. Петровича усаживают. Появляется Мельпоменов.

Мельпоменов. Что еще случилось?

Соборов *(его бьет озноб)*. Я видел Ленина!

Мельпоменов *(поднимая с пола бутылку)*. На субботнике? Ты с ним бревно нес?

Соборов. Правду говорю. Я шел в буфет... через сцену...

Мельпоменов. Что этой бутылки было мало? Или за закуской?

Соборов. Не пил я... Это он меня угостил.

Мельпоменов. Кто «он»?

Соборов. Ленин. От нашего, говорит, стола вашему... и бутылку кинул. Початую...

Мельпоменов. Все! Хватит слушать пьяный бред! Уведите его. Я звоню в вытрезвитель. *(Уходит.)*

Соборов. Не пил я! Клянусь! Не пил. Там еще Штефан был... Царь...

Первый и второй актеры уводят Соборова.

Быстров. Он действительно не пил. Я минуту назад с ним разговаривал.

Аврора. Значит, умом подвинулся.

Петелька. Ой, не грехи, Ава. С чего бы это он подвинулся?

Аврора. От водки. Пил постоянно. Уже текст не помнил.

Расходятся по гримеркам.

Петелька. Да, с текстом у него начались нелады. Сколько раз на сцене ждешь, ждешь от него реплики, а он моргает – вспомнить не может. *(Понижает голос.)* Однажды подошел ко мне и так горестно говорит: «Пропил я, Петелька, душу. Выхожу на сцену, смотрю в зал и ничего не чувствую. Волнения нет. Нерв пропал. Отбарабанил текст и ушел. Превратился я в Петрушку, в куклу балаганную». А в глазах, ты веришь, Ава, слезы.

Аврора. А как ты хотела? Во-первых – годы, во-вторых – пьянство. Бесследно это не проходит.

Петелька. Мне его жалко. Добрый мужик, веселый. Что с ним сейчас будет?

Аврора. А с нами? Ты знаешь, что с нами завтра будет?

Петелька. Не знаю... *(Подумав.)* Хочешь, верь, Ава, хочешь, нет, а мне тоже кажется, что там кто-то есть.

Аврора. Где?

Петелька *(указав взглядом на потолок)*. Там...

Аврора. У-у-у!.. И ты туда же. Оказывается, это заразное. Не дыши на меня.

Петелька. Зря смеешься. Я когда стою за кулисами, невольно ощущаю их присутствие. Они рядом, они везде...

Аврора (*осеняет себя крестом*). Свят, свят...

Петелька. ...они живут здесь. Я иногда слышу, как они тихонечко разговаривают между собой. Иногда они повторяют целые реплики из моих спектаклей. А как иначе? Ведь я на этой сцене сыграла столько ролей, я вдохнула в них жизнь, я отдала им свои чувства, вложила свою душу, сотни зрителей через меня передали им свой смех, свои слезы. Они не могут умереть! Они здесь, на сцене, за кулисами, на колосниках... Здесь персонажи, сыгранные мною, тобой, всеми нами. Они живут и будут жить здесь всегда. Петрович, этот святой человек, их увидел. Ему открылась истина. А теперь... Как можно у нас забрать все это? Как?!

В слезах Петелька выскакивает из гримерки.

В дверях с ней сталкивается Мельпоменов.

Мельпоменов. Что с ней? Я не вовремя?

Аврора. Вы художественный руководитель. Вы всегда вовремя.

Мельпоменов. Иронизировать изволите? А вот мне не до шуток.

Аврора. Поверьте, мне тоже, и если вы, Георгий Апломбович, пришли продолжить свои оскорбительные объяснения, я вынуждена буду оставить вас в одиночестве и уйти... и, может быть, даже из театра.

Мельпоменов. Ну почему же оскорбительные? Я искренне...

Аврора (*перебивает*). Потому что в этой двусмысленной ситуации я выгляжу хитрой, готовой на все старлеткой, актрисулькой, стремящейся любыми средствами добиться успеха. Поверьте, я состоявшаяся актриса, и мне не нужны театральные пересуды. Да, вы можете лишить меня ролей, но неужели вы не понимаете, что все это интрижка для дешевенького спектакля. Это пошло, понимаете – пошло!

Мельпоменов. Аврора, я не хотел вас обидеть, я приношу свои извинения. Вы талантливая актриса, красивый, умный и порядочный человек. Не обижайтесь на меня за ту минутную слабость. Забудьте... Сегодня я пришел к вам за помощью.

Аврора. За помощью? Ко мне?

Мельпоменов. Да, это так. Еще никогда в жизни я не чувствовал себя таким беспомощным. Куда ни кинь – всюду клин. Все расползается по швам. Поездка во Францию – такое бывает раз в жизни – рухнула. Надежды, которые я возлагал на международный конкурс, остались утопией. Не сегодня-завтра мы останемся без театра. У меня уже нет сил бегать по судам. Руки опускаются. И ради кого бороться, если пьяные актеры валяются в коридорах, если в белой горячке им являются привидения.

Аврора (*тихо*). Это конец? Надежд нет?

Мельпоменов. Да. Это конец... Владелец супермаркета предъявил в арбитражный суд правоустанавливающие документы: земельный участок, на котором стоит наш театр, является собственностью его прародителей. Контраргументов у меня нет.

Аврора. Чем же я могу помочь?

Мельпоменов. Аврора, у меня к вам просьба. Я вас очень прошу, пожалуйста, сходите на прием к мэру города.

А в р о р а. Это еще зачем?

М е л ь п о м е н о в. Поговорите с ним. Раз уж есть документы о собственности, то это здание мы потеряем. Но, может быть, он сможет выделить нам другое помещение. Это реальный выход из положения, главное, чтобы мэр захотел нам помочь.

А в р о р а. А почему бы вам не сходить к нему самому? Я всего лишь актриса.

М е л ь п о м е н о в. Я уже десятки раз обивал его пороги и безрезультатно. А вы актриса, вы женщина, вы красивая женщина. Вы сможете его убедить. Он молодой мужчина... У вас получится.

А в р о р а. Вы с ума сошли? Решили поймать мэра на живца? Вы меня ни с кем не путаете? Две минуты назад вы пытались извиниться.

М е л ь п о м е н о в. Аврора, дорогая, я прошу вас ради театра, ради коллектива.

А в р о р а. Я вам не мопассановская Пышка. «Ради коллектива»...

М е л ь п о м е н о в. Боже упаси, Аврора! Вы меня не правильно поняли! Какая Пышка?! Просто я выдохся. У меня уже нет сил! Я не рыночник, я творческий человек. Или я ничего не понимаю в этих запутанных законах, или все в этом мире куплено. Я в полной растерянности... Поэтому я посмел обратиться к вам с такой необычной просьбой.

А в р о р а. Ваша просьба не просто необычна. Она оскорбительна!

М е л ь п о м е н о в. Если это действительно так, простите меня. Тем не менее, я прошу вас, помогите мне. Мы теряем театр... Прошу вас.

А в р о р а. Я подумаю. А пока оставьте меня.

М е л ь п о м е н о в. Извините... Извините... (*Уходит.*)

А в р о р а. Да, Гога, дорого тебе обойдется мой визит к мэру. Главными ролями тут не отделаешься. Это я тебе обещаю! А я хоть и не Пышка, но подружиться с властью в засос не побрезгую.

Затемнение. Небольшая пауза.

Колосники. На колосниках все колосниче.

Г а м л е т (*Ивану*). Ты – дипломат!

Иван, ты наш парламентар!

И в память запиши мои заветы:

Держи подальше мысль от языка,

А необдуманную мысль – от действий.

И не мозоль ладони кумовством

С любым бесперым демократом.

Ты – представитель!

И в а н. Ага...

Т е в ь е. «Ага! Большой «парламентар»... Могу себе представить эти переговоры.

Ш т е ф а н. Может, мы пошлем кого-то другого?

Г а м л е т. Кого? Давайте...

Пьяницу-вождя? А может быть, еврея?

А может, городничий-клептоман

Сумеет убедить коллегу-мэра?

Я сомневаюсь.

Л е н и н. Дорогой датский гость! Я понимаю, что статус европейца дает вам некоторые преференции, но не стоит перегибать. Уже два дня прошло с тех пор, как я по неосторожности выпил с городничим. Уже все забыли, а вы при каждой возможности...

Г о р о д н и ч и й (*перебивает*). Ильич, ты слышишь? Клептоман! Что ты себе позволяешь? Понаедут тут из Брюсселя и мутят воду!

Г а м л е т. Я из Копенгагена.

Л е н и н. Не вижу разницы! Все вы там одним мирром мазаны. То и дело навязываете свои условия. Господа, вы что, не видите? Он сейчас сделает так, что мы останемся без крова над головой. Это же засланный казачок!

Г а м л е т. Все, все... Я умываю руки.

Решайте сами, вам видней.

В конце концов – я иностранец.

Л е н и н. Вот так-то будет лучше. Откуда вам, в Евросоюзе, знать, как у нас решаются дела? Помню, были у меня ходоки с Волховской ГЭС. За гвоздями. Я их пригласил к столу, попили чайку, побеседовали, и я им доступно объяснил, что гвоздей не дам.

Г а м л е т. О, как бездарна ваша болтовня!

Какие гвозди?! Ходоки какие?!

Быть или не быть театру – вот вопрос!

Сносить ли далее нападки

От богатеев и продажной прессы,

Иль зрителя вести на баррикады,

Крушить парламент или зелье пить

На пресловутых винных фестивалях,

Верша лоботомию всей страны?

Что делать?

Бросить все? Презрев театр,

Сбежать, как с поля боя, в демократы?!

А может, наточить крестьянский серп,

Воздеть в руке рабочий молот?⁴

Иль пасть в объятья сопредельных стран?³

Поможет ли? Там будут рады, ну а здесь

Сожрут с кишками патриоты...

Иль, положив конец сомнениям,

Уснуть???

Но могут сны привидеться такие,

Что непременно сам Морфей

В испуге станет жертвой энуреза...

Как быть?!

И в а н. Как быть, как быть? Ты, Гамлет, тут такого нагородил, все переплел, перепутал и концы спрятал. Я уже ничего не понимаю. Стало быть, в эти... э-э... парламентарии я не гожусь.

Ш т е ф а н. Да, Ваня, тебе рановато. Но меры пора принимать. Кто пойдет на переговоры к мэру?

Т е в ъ е. Да хоть все! Все равно он нас не увидит и не услышит, ведь нас для них не существует. Мы всего лишь невидимые колосничие!

Л е н и н. Да, батенька, вы не Троцкий! Вот он бы вам рассказал, что такое военная хитрость. В мэрию мы идем все! Да, всенепременно – ВСЕ! Невидимками мы проходим в кабинет мэра, а там, выпив спиртного, материализуемся. Поверьте, после нашего появления мэр примет любые наши условия! Если останется жив...

Г а м л е т (*с издевкой*). У вас не может по-другому быть!

А как иначе? Тосты, речи.

Бокалы сдвинуть. Ром разлить...

Л е н и н. Вот только не надо нас унижать. По делам революции мне приходилось бывать и в Женеве, и в Брюсселе, и в хваленном Париже. Видел я ваших трезвенников-европейцев. Так вот, батенька, авторитетно заявляю: наши извозчики пьют меньше! Да-с!

Т е в ь е. Если бы меня захотели послушать, так я бы мог рассказать, как я стал свидетелем материализации одного колоснического. И, между прочим, без спиртного.

Г о р о д н и ч и й. Ври, да не завирайся.

Т е в ь е. Уж стар я, чтобы врать. А дело было в Праге. Лет двенадцать назад обитал я на колосниках в Театре Коловрат. И были среди нас горячий такой испанец из дворянского рода, по имени Хосе, и молоденький итальянский шлемазл, кажется, Ромео. Этот итальянец ходил и всем надоедал, рассказывая о своей безутешной любви. Однажды Хосе взорвался. Он стал бегать по колосникам, орать и размахивать руками, проклиная всех женщин. Особенно досталось его возлюбленной, которая свела его с ума неизменным цветком акации в зубах и безумными бедрами кордовской кобылицы. Орал, что ради ее любви ему пришлось убить какого-то лейтенанта, потом ее мужа-урода, и, в конце концов, ее саму.

Г а м л е т. А, Хосе Наварра? Из «Кармен»?

Т е в ь е. Да, да, Наварра...

Г а м л е т. Я знаю, этот парень нездоров.

В стремлении кого-нибудь пырнуть

Всегда тоскует о своей навахе.

Один безрадостный, мучительный сезон

Провел я с ним в театре в Лиссабоне...

И в а н. А чем закончилось в Праге?

Т е в ь е. Испанец так разошелся, что через минуту его крики уже разносились по всему театру, прибежали монтировщики сцены, пожарники. Увидев Хосе, они стали гонять его по колосникам, поймали, связали и сдали в полицию.

Пауза.

Ш т е ф а н. Ну и...

Т е в ь е. Уже в полиции Хосе остыл, через часик, сильно удивив полицейских, растворился, без особого шума снова появился на колосниках и полгода тихонько сидел в углу.

Л е н и н. Прелюбопытнейшая история. Вы поняли, какую мораль мы должны извлечь из сей басни?

И в а н. Не очень...

Л е н и н. При необходимости можно материализоваться при помощи пассивного подъема. Нам нужен эмоциональный взрыв!

Ш т е ф а н. Что нам, бегать друг за другом с ножами, как этот Хосе?

Л е н и н. При чем здесь ножи? Жаль, что вы не знаете, как люди ведут себя на митингах. Энтузиазм масс дает ощущение единения многотысячной толпе.

И в а н. Это толпе, а нас тут раз, два и обчелся...

Л е н и н. Дело не в количестве. Главное – внизу нас должны увидеть. Им надо дать понять, что у них есть поддержка, что они не одиноки, что не все пропало.

В курилке появляется Аврора, медленно ведущая под руку Соборова. Соборов находится в сомнамбулическом состоянии. Их догоняет Быстров.

Б ы с т р о в. Петрович, привет, ну как ты? *(Соборов не отвечает.)* Петрович... Что с ним?

А в р о р а. Не видишь что ли? Я бы на тебя посмотрела...

Б ы с т р о в. А как он сюда попал?

А в р о р а. Я была у него. Проведать решила. А то от вас дожدهшься. Сидит человек в шоке, трясется, из дому боится выйти.

Б ы с т р о в. А что в вытрезвителе?

А в р о р а. Там сразу поняли, что он трезв, и хотели его отправить в лечебницу для душевнобольных. Но Петрович-то наш не дурак. *(Соборов утвердительно кивает.)* Он понял, чем это ему грозит, и сказал, что никакого Ленина не видел, а просто решил подшутить над нами. Его и отпустили.

Появляется Петелька, первый и второй актеры. Они обступают Аврору.

П е т е л ь к а. Петрович, дорогой, жив, здоров? Ну и слава богу! Слава богу... Что с тобой, Петрович? Что с ним?

А в р о р а. Сам не знает, сошел он с ума или нет. Жене сказал, что у него давление подскочило, а мне по секрету признался, что боится идти в театр. Увижу, говорит, Ленина еще раз – так и помру в смиренной рубашке. Но я его уговорила.

Появляется Мельпоменов.

М е л ь п о м е н о в. У Соборова есть выбор... Сумасшедший дом или театр. А если из двух зол можно выбирать, это уже не плохо. У нас с вами выбора нет.

А в р о р а. Если вы завидуете Петровичу, значит, дела у театра совсем плохи.

М е л ь п о м е н о в. Я бы хотел вас хоть чем-нибудь обрадовать, но – увы! Через несколько дней будет решение суда. Надежд у нас нет... Финита!

Б ы с т р о в. Конец... Нет здания – нет работы.

О присутствии Соборова все забывают.

П е т е л ь к а. Так чего это мы здесь стоим? Нам надо стоять у порога мэрии. Уличные торговки бастуют, маршруточники бастуют, даже пенсионеры, старики древние и то... Все качают свои права, а мы сидим. Да что у нас детей нет? Нам что, коммунальные платить не надо? Если вы не поддержите, то я сама пойду штурмовать мэрию.

М е л ь п о м е н о в. Штурмовать бессмысленно, переночуете в обезьяннике и успокоитесь.

П е т е л ь к а. Владимир Семенович Высоцкий сказал: «Настоящих буйных мало – вот и нету вожаков!» А я буйная, если ничего не добыю, то хоть окна в мэрии перебью.

*Далее реплики, перебивая друг друга, звучат с обоих уровней.
Атмосфера накаляется.*

Л е н и н. Прекрасное решение. Бульжник – оружие пролетариата!

Г а м л е т. Простите мне, что я здесь не родился,
Но с вашим нравом свыкся непростым.
Мне кажется, обычай революций
Похвальнее нарушить, чем блюсти...

Л е н и н. И кто это нас учит в носу ковыряться? «Государство и революция» ты читал? Я спрашиваю...

Г а м л е т. Послушайте!
Бить окна иль не бить –
Вопрос не праздный...

Л е н и н. Я вас лишаю слова!

П е т е л ь к а. Не хотите меня поддержать – не надо! А мне терять нечего. В тюрьме коммунальных платить не надо, и к макаронам мне не привыкать.

Б ы с т р о в. Я иду с вами! И тещу свою возьму... Пусть камни подносит.

П е р в ы й а к т е р. На мэрию! Здесь мы ничего не дождемся.

Б ы с т р о в. Карфаген должен быть разрушен!

Л е н и н. Верной дорогой идете, товарищи!

О л е. Все на выборы!

В т о р о й а к т е р. Хватит трястись в испуге. Пусть пингвины робко прячут тело жирное в утесах.

Л е н и н. На мэрию! Нечего отсиживаться!

Г о р о д н и ч и й. Смело товарищи в ногу!

Ш т е ф а н. Пока мы едины – мы непобедимы!

П е р в ы й а к т е р. Конец мракобесию! Час искупленья пробил!

Г а м л е т (робко). Колосничество всех стран, соединяйтесь...

И в а н. Вся власть актерам!

Ш т е ф а н. В единстве наша сила!!

Л е н и н. Буря, скоро грянет буря!

О л е. Все на борьбу с ожирением!

Т е в ь е. Господин-товарищ-царь, вы во время штурма корону не снимайте...

Она придаст акции солидности.

Г о р о д н и ч и й. Кто тут «временное»? Слазь, кончилось ваше время!

И в а н. Долой коммунистов... э-э-э... и унионистов! Мы победим!!

Л е н и н. Мы победим!!

*Первому призывы колосничих слышатся Соборову.
Он поднимает голову и встречается взглядом с Лениным.*

С о б о р о в (медленно приходит в себя, указывая рукой на Ленина). Ленин с нами...

Услышав его слова, все устремляют взгляды на колосники. На обоих уровнях исполнители замирают. Немая сцена...

Пауза.

Раздается телефонный звонок.

Г о л о с. Вас беспокоят из арбитражного суда. Слушание дела об отторжении здания театра в пользу супермаркета «Глобал» отменяется. Согласно заключению экспертной комиссии, правоустанавливающие документы на земельный участок оказались поддельными.

Слышатся первые звуки бравурной музыки. В ней все уверенней прослушивается тема марша «День Победы». Музыка ширится, нарастает. На ее фоне, словно откуда-то издалека, доносятся чьи-то радостные возгласы: «Ты слышал? Ты тоже слышал?», «Это правда? Это не галлюцинации?», «Я сойду с ума! Мы победили!», «Значит, мы едем во Францию?», «Театр наш! Жив Петрушка! Жив!!»

Музыка звучит в полную силу. Затемнение.

ЗАНАВЕС.

¹ В Молдове принят закон «О недискриминации», вызвавший неприятие у основной массы населения страны.

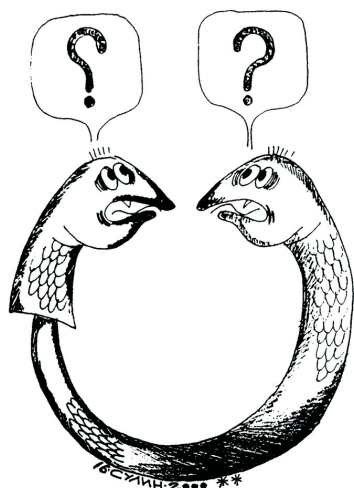
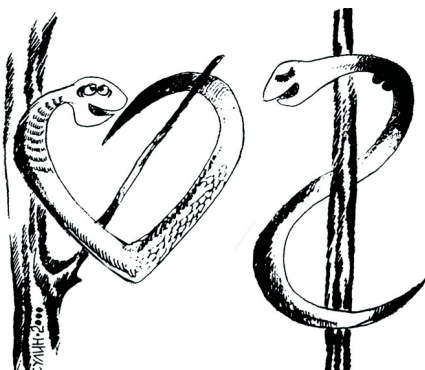
² Спикер парламента Молдовы, один из лидеров Альянса «За Евроинтеграцию» носит фамилию Лупу (молд. – волк)

³ В Молдове принят закон о запрете коммунистической символики.

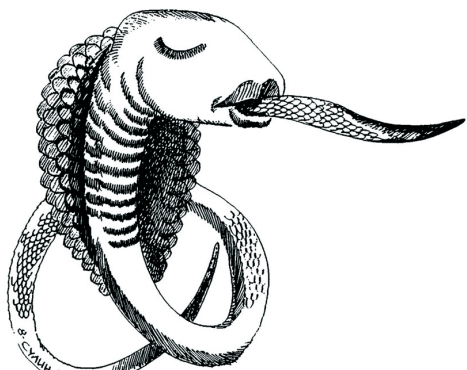
⁴ С повестки дня в республике не сходят споры о присоединении к Румынии. Общество будоражат марши унионистов.

ЮМОР, САТИРА

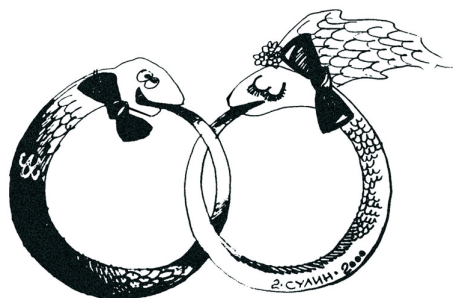
Ну, живу я здесь!

Затянувшийся поцелуй.

Завязал.

Брачные узы.

РУССКОЕ СЛОВО

Наш подписной индекс
21555

**Мы помним.
Мы не позволим
забыть!**

Члены Русского историко-патриотического клуба, поискового отряда «Август» и редакции газеты «Русское слово» восстанавливают гранитную плиту на мемориале воинской славы в селе Раскайцы.